

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Философия и социология;
культурология

Научный журнал

№ 1(4)

Киров
2012

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор (зам. главного редактора);
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
Н. О. Осипова,
доктор филологических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
З. Х. Саралиева,
доктор исторических наук, профессор;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
В. Ф. Юлов,
доктор философских наук, профессор;
Н. Н. Ярыгин,
доктор философских наук, доцент

Ответственные за выпуск:
Е. В. Митягина,
кандидат социологических наук;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор: О. Коробкова
Компьютерная верстка: А. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

Гревцова Е. С. Александр Герцен и Константин Леонтьев: философское сравнение 6

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Бакеева Е. В.</i> Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности	11
<i>Долгих А. Ю.</i> Номинализм и проблема бытия	18
<i>Коротков Н. В.</i> Воображение как познавательная способность в контексте принципа доверия субъекту познания	22
<i>Лобанов С. Д.</i> О дилемме исследователя	28
<i>Михайлов А. Е.</i> Цицерон о возможности предвидения будущего	30
<i>Останина О. А.</i> Конец исторического сознания?	35

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Витязев А. К., Борозинец Г. А.</i> О мутации духовной культуры	37
<i>Пеков А. В.</i> «Русский вопрос» в свете философии национальности Томаша Масарика	40

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Леона А. В.</i> Кризис европоцентристского исторического сознания	44
<i>Морозов В. В.</i> Социально-инновационная деятельность – базис реформирования образовательной системы	48
<i>Наумов В. В.</i> Интернет-сообщество: анализ социальной структуры дальневосточного Интернета	52

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Окулов С. М.</i> Философско-полемические заметки о компетенциях и не только	57
<i>Пленкова Н. А.</i> Георг Зиммель о социологической роли обоняния	60
<i>Травников Г. Н.</i> Философско-антропологический контекст осмысления педагогической деятельности	63

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ

<i>Вечтомов Е. М.</i> Об эстетике математики	69
<i>Жуланов А. А.</i> Объект и предмет математики	75

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Антипьев А. Г., Антипьев К. А., Алтынцева Е. А.</i> Теоретический подход к анализу социального управления	81
---	----

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Жирнов А. А.</i> Роль российской молодежи в развитии постсоветского (русского) общества и проблемы ее гражданского воспитания	87
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Цзюань Гао</i> Китайская реклама: опора на традиционное потребительское поведение	91
<i>Коваленко О. А.</i> Феномен музыкального альбома	94
<i>Кулагина Г. Н., Ячина Н. П., Гумеров Р. А.</i> «Автобиографикции» как отражение духовной атмосферы в россии в начале XX в.	97
<i>Сухотерин Д. Я.</i> Журнал «Нива» и его читательская аудитория на пути формирования массовой культуры (конец XIX – начало XX в.)	101
<i>Шамов И. В.</i> Интеллектуальный капитал и креативность как основа конкурентоспособности личности в современной деловой культуре	105
<i>Шепель О. Н.</i> Конструирование одежды советскими модельерами в 1920–1930-х гг.	108
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	111

CONTENTS

- Grevtsova E. S.* Alexander Herzen and Konstantin Leontiev: A Philosophical Comparison
Bakeyeva E. V. Ontological Concept of Truth in the Context of Postnonclassical Scientific Rationality
Dolgikh A. Yu. Nominalism and the Problem of Being
Korotkov N. V. Imagination as a Cognitive Ability in the Context of Confidence to the Cognition Subject
- Lobanov S. D.* About the Investigator's Dilemma
Mikhailov A. E. Cicero on the Possibility of Predicting Future
Ostanina O. A. The End of Historical Consciousness?
Vityazev A. K., Borozinets G. L. On the Mutation of Spiritual Culture
Pekov A. V. "The Russian Problem" in the Perspective of Tomas Masaryk's Philosophy of Nation
Leopa A. V. The Crisis of Eurocentric Historical Consciousness
Morozov V. V. Social-Innovative Activity as the Basis of Educational System Reforming
Naumov V. V. The Internet Community: A Study of the Far Eastern Internet Social Structure
Okulov S. M. Philosophical Polemical Notes on Competences and Not Only on Them...
Plenkova N. A. Georg Simmel on the Sociological Role of Olfaction
Travnikov G. N. The Philosophical-Anthropological Context of Pedagogical Activity Comprehension
Vechtomov E. M. On the Aesthetics of Mathematics
Zhulanov A. L. Object and Subject of Mathematics
Antipiev A. G., Antipiev K. A., Altyntseva E. A. The Theoretical Approach to the Analysis of Social Management
- Zhirnov A. A.* The Role of Russian Youth in Developing the Post-Soviet (Russian) Society and the Problem of their Civic Education
Gao Czyan Chinese Advertising: the Reliance on Traditional Consumer Behaviour
Kovalenko O. A. Musical Album as a Phenomenon
Kulagina G. N., Yachina N. P., Gumerov R. A. "Autobiografictions" as a Reflection of Spiritual Atmosphere in Russia in the Early Twentieth Century
Sukhoterin D. Y. The Magazine "Niva" and Its Audience in the Context of Formation of Mass Culture (late XIX – early XX centuries)
Shamov I. V. Intellectual Capital and Creativity as the Basis of Competitiveness of the Individual in Modern Business Culture
Shepel O. N. Clothes Modelling in the Soviet Fashion Design of the 1920s-1930s

**АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН
И КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ:
ФИЛОСОФСКОЕ СРАВНЕНИЕ**

Настоящая статья имеет своей целью привлечь внимание к философии Александра Ивановича Герцена (1812–1870) в год 200-летия со дня его рождения. Герцен, как известно, был «властителем дум» многих поколений русской интеллигенции и до сих пор является одним из наиболее известных русских мыслителей за рубежом. Однако в постсоветское время наследие Герцена, очевидно, находится на периферии внимания историков русской философии в нашем отечестве. Достаточно сказать, что наиболее значительной работой о Герцене, появившейся в последние годы на российском книжном рынке, стала работа американского историка Мартина Малиа «Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. Перевод с английского Александра Павлова и Дмитрия Узланера» [1]. Подобные фундаментальные работы российских авторов, к сожалению, отсутствуют.

Интерес к философии Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) в наше время значительно выше, чем к идеям и личности Александра Ивановича Герцена. В постсоветский период вышли многие научные исследования, посвященные наследию этого оригинального консервативного мыслителя. Среди них можно назвать А. А. Королькова, К. М. Долгова, В. И. Косика, А. П. Козырева, К. Г. Исупова, Т. Б. Кремнева и др. Леонтьеву посвящены многие диссертации, многочисленные доклады на научных конференциях, в том числе на российских философских конгрессах, чего нельзя сказать о Герцене. Таким образом, налицо явная диспропорция в отношении современных российских философов к творчеству Герцена и Леонтьева. Однако в действительности философские идеи Леонтьева во многом вторичны по отношению к философскому наследию Гер-

цена. Факт ученичества Леонтьева по отношению к Герцену, как надеется автор статьи, привлечет внимание читателей к истинному первоисточнику леонтьевского эстетического консерватизма.

Констатируя «бум леонтьеведения» и одно-временное «полузабвение» Герцена, следует заметить, что при всех мировоззренческих различиях оба мыслителя могут и должны считаться связанными узами весьма близкого идейного родства, особенно в области философии культуры. «Замечательные сходства» взглядов Герцена и Леонтьева констатировал еще В. В. Розанов, талантливый преемник и почитатель творчества русского консерватора. К сожалению, тема философского сравнения двух первоклассных мыслителей России, признанная актуальной многократно и как бы даже «лежащая на поверхности», до сих пор специально освещалась очень редко. На эту тему имеется всего одна монография, написанная автором данной статьи [2]. Между тем крупнейшие знатоки русской философии не только отмечали созвучие, но и указывали на прямое сходство взглядов Герцена и Леонтьева. Такой пронизательный аналитик, как С. А. Франк, писал о том, что этих мыслителей «роднят» «соответственные пессимистические размышления о современной культуре» [3], а В. В. Зеньковский подчеркивал, что в своей «эстетической критике современной культуры» Леонтьев «углубляет и заостряет то, что сказано о “неистребимой пошлости мещанства” Герценом» [4].

Однако и в кажущихся на первый взгляд разными философских судьбах можно найти немало общего. В интеллектуальных биографиях К. Н. Леонтьева и А. И. Герцена имеется немало похожего. Они оба окончили Московский университет, Леонтьев учился на медицинском, а Герцен – на физико-математическом факультете. Так же как Герцен, Леонтьев увлекался биологией. Ю. П. Иваск в связи с этим утверждает, что понятие триединого процесса развития сформировалось у Леонтьева под непосредственным влиянием его увлечения биологией. Из работ

русского биолога Карла Бэра, теоретика эмбриогенеза животных, он вполне мог уяснить процесс развития в животном мире как постоянно развивающийся переход от простых форм к формам более сложным. А. И. Герцен, как и К. Н. Леонтьев, может рассматриваться как своеобразный разработчик органической теории. Биолого-эволюционистские и натурфилософские построения русских органицистов перерастали, как показал А. А. Галактионов, в оригинальные теории в области философии культуры [5]. Кроме А. И. Герцена в этом направлении развивались также А. А. Григорьев и Н. Я. Данилевский, чьи идеи К. Н. Леонтьев прямо разделял, хотя и дополнял собственными оригинальными положениями.

В первых эмигрантских работах выявляются общие контуры герценовского понимания европейской цивилизации и формируется его позиция как философа экзистенциальной ориентации и критика-парадоксалиста, отвергающего строение цивилизации, враждебной личности. В более поздних работах тема экзистенциального бунта против цивилизации продолжается и расширяется.

Шок, испытанный Герценом при соприкосновении с Европой, поставил его «на край нравственной гибели», от которой одно спасение – «вера в Россию» [6]. Углубляя и конкретизируя свое различие цивилизации и культуры, Герцен относит к сфере цивилизации комфорт и благополучие, технические усовершенствования, достижения индустриализма. Все это обнимается его определением: «Прогресс, свободные учреждения, железные дороги, реформы, телеграфы» [7].

Культура, в отличие от цивилизации, выражает собой совокупность духовных ценностей. Это наука, философия, искусство, которые в условиях господства индустриальной цивилизации оттесняются иными, новыми, ценностями. Индустриальная цивилизация сама по себе, по Герцену, не создает каких-либо новых или принципиально новых духовных ценностей. Самое боль-

шее, на что она способна, – производить то, что ныне называется массовой культурой. Это тип культуры, стоящей рядом с «паром и электричеством» и создающей культуру для массового потребления, это «рычаг афиши, объявлений, рекламы». Массовая культура, предназначенная для широкого потребления, создается как товар и распределяется точно таким же образом. И как во всяком товарном производстве, здесь наблюдается тенденция к монополизму. Эта культура обещает «скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство» при одном условии: она требует безусловного подчинения ей одной. Этот тип культуры провозглашает: «Я – альфа и омега вашего развития; идите ко мне, и я успокою вас, дам что дать можно; но перестаньте толкаться во все двери, которые вам не отпираются... Помните, наконец, что нет вам Бога разве меня» [8].

В своих письмах с Афона, находясь во власти религиозных размышлений о бренности всего земного, обращаясь к византийскому православию как к «религии разочарования, религии безнадёжности на что бы то ни было земное» [9], Леонтьев ставит вопрос глубоко пессимистического свойства: способна ли в настоящее время «всецелая европейская цивилизация», основанная на христианских ценностях, удовлетворить эту «мировую тоску, тоску безграничную ненасытной и широкой души»? Леонтьев дает отрицательный ответ – современная Европа неспособна на то, чтобы «разрешить эту тоску в Боге», поскольку великие христианские начала вытесняются и «бессовестно искажаются» в Европе; начиная с XVIII в. «эвдемоническая культура», которая олицетворяет отход от христианства, создала *Keywords: truth, being event, postnonclassical science, ontology.* собственную «эвдемоническую, прогрессивную религию», проповедующую культ счастья и благополучия.

Очевидно, что Леонтьев с самого начала мыслит себя в качестве прямого продолжателя герценовской критики буржуазного общества и ме-

щанской культуры. Видны и существенные различия в герценовском и леонтьевском подходе к сравнению двух культур – русской и европейской: Герцен выступает страстным поборником свободы человеческой личности, тогда как Леонтьев стремится как христианин «заставить замолчать» своим пером кричащие проявления эвдемонической, утилитарной цивилизации, вызывающие у него, по его собственным словам, «художественную брезгливость».

Характерно также, что Леонтьев неоднократно использует для критики этих разнообразных защитников «упростительного смешения» имя и идеи только одного русского автора – Герцена (заметим в скобках, что само понятие «средний европеец», вынесенное в заглавие работы Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», принадлежало Герцену). При этом, конечно, он развивает многие приемы герценовской критики. Так же как и Герцен, искавший в своей критике мещанства союзников среди «серьезных умов» на Западе, Леонтьев стремился взять что-то полезное у Милля, Гизо и Спенсера. Нельзя согласиться с мнением, встречающимся в научной литературе, что Леонтьев в своей критике западной цивилизации не делал никаких различий между европейскими авторами, считая, что «в одном разрушительном направлении действуют и либералы, и нигилисты, и социалисты – все противники неравенства и деспотизма» [10]. Леонтьев, например, положительно отзывался, вслед за Герценом, о книге Джона Стюарта Милля «О свободе», в которой дается критика прогрессирующей «коллективной посредственности» европейской мысли. Леонтьев замечает, что правильнее было бы назвать эту книгу «О разнообразии», так как в ней он находит идеи, конгениальные собственной концепции «цветущей сложности» («единства многообразия») как главного критерия развитости культуры. Правда, в итоге он все же высказывает тезис о несостоятельности надежд Милля на какое-либо прибавление своеобразия в европейской мысли в бу-

дущем, поскольку для этого необходимо увеличение разнообразия самой европейской жизни, на что надеяться не приходится в силу тупиковой направленности европейской культуры, отражающей совсем не поэтический западный быт.

Будучи сторонником «органического подхода» и «эстетики жизни», Леонтьев мыслит цивилизацию как «систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично нравственных и художественных), которая вырабатывается всей жизнью наций» [11]. Таким образом, духовные ценности являются не чем иным, как «отвлечениями», абстракциями от эстетической, цветущей полноты жизни. Но если сама жизнь в Европе, идущая по пути эгалитарного прогресса, демонстрирует не «пышность в единстве», т. е. не цветущую сложность многообразных проявлений культуры, сцементированную «внутренним, душевным согласием всеобщей веры», т. е. религии, а то, что названо «стремлением к благоденствию и простоте», – тогда происходит всеобщее понижение уровня культуры, чреватое всеобщим смешением, т. е. смертью, гибелью культурных форм. Леонтьев готов отчасти согласиться с Гизо, понимающим процесс развития европейской цивилизации как прогрессирующее накопление суммы знаний. Ему импонирует в чем-то и подход Спенсера, интерпретирующего прогресс как движение от общественной однородности к общественной разнородности, понимаемой как усложнение, дифференциация социального целого. Он готов даже признать, что далеко не все западные мыслители являются примитивными апологетами существующего цивилизационного порядка. Так, например, Гизо «слово “развитие” понимает как следует, в смысле усложнения начал и форм» [12]. Но ни Гизо, ни Спенсер не могут представить сколько-нибудь реалистические предложения насчет того, как остановить всеобщее наступление «коллективной посредственности», которое несет в себе распространяющаяся повсюду «всемирная цивилизация». Кроме того, даже «гениальный Гизо», опублико-

вавший свои книги «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции» соответственно в 1828 и в 1830 гг., не в силах был предвидеть настоящие темпы распространения всеупрощающего влияния эгалитарного прогресса: «Гизо не мог предугадать, что демократическая конституция есть одно из самых сильных средств к тому именно дальнейшему смещению, которого он, как тогдашний консерватор и как поклонник сложного и солидного развития, желать, конечно, не мог» [13]. Остановить «орудие всемирного разрушения» невозможно не только по причине того, что Герцен называл «аристократизацией демократии», а Леонтьев называет перехватом монархической власти синклитом «выбранных адвокатов, капиталистов и профессоров». Леонтьев, в отличие от Гизо, убежден, что сам по себе разум, научные средства бессильны изменить что-либо в цивилизационном устройстве Европы.

По Герцену, «камнем преткновения» европейской культуры является мещанство, плод городской цивилизации и чрезмерно разросшегося западного потребительства. Соглашаясь с «гениальным эстетиком Герценом», который оценивается неизмеримо выше главных западных теоретиков цивилизации, Леонтьев вместе с тем предлагает собственный диагноз болезни «среднего европейца», основанный на излюбленной им органической теории. Европейская цивилизация как бы пережила сама себя, поскольку имеет более чем тысячелетнюю историю развития, восходящую к греко-римскому миру.

Наиболее неприятной стороной западной культуры была в глазах Герцена «многоголовая гидра мещанства». Господство мещанства есть признак культурной стагнации, «потухания идеалов», «стирания личностей», всеобщего «линянья». Сам термин «мещанство» был впервые введен именно Герценом; он же первый дал понятию «мещанство» внесословное и внеклассовое значение. Буржуазия для него только центр мещанства, но мещанство – значительно шире. Ме-

щанство – понятие внесословное и внеклассовое. Оно определяется характером своего отношения к наиболее жгучим вопросам культурной жизни: отзываясь на них, мещанство является безличным, узким и плоским, Р. В. Иванов-Разумник обратил внимание на то, что сословное и классовое в герценовском определении мещанства (мещанин как буржуа) является, в сущности, второстепенным. Второе, более широкое определение (мещанство как тип культуры) является главным для русского мыслителя [14]. Правильно оценивая герценовское понимание мещанства как внеклассовой и внесословной группы, Иванов-Разумник ошибался, считая, что мещанству, воплощающему «узость формы, плоскость содержания и безличность духа», противостоит также внесословная и внеклассовая интеллигенция, которая выражает, в противоположность мещанству, идею «примата личности». Иванов-Разумник переинтерпретирует Герцена на свой лад, подходит к русскому мыслителю со своей «интеллигентской» меркой. Дело в том, что, по Герцену, мещанство не только внесословно, но и *всесословно* [15], его черты могут распространяться и распространяются на все социальные слои, включая интеллигенцию (Герцен не употреблял термин «интеллигенция», хотя и подразумевал ее представителей – художников, артистов, ученых, писателей и др.). Более того, интеллигенция, по Герцену, не только не противостоит мещанству, но и во многом помогает усилению ее господства, поскольку, выполняя мещанские заказы, потакает его вкусам, даже предвосхищает и формирует их. Например, мещанин покупает «с уважением тульские перочинные ножички, на которых была английская фирма» [16]. Но так же охотно мещанин покупает фотографические открытки вместо произведений живописи, поскольку они, на его взгляд, красивее и к тому же дешевле. Подобное происходит во всех сферах искусства, куда бы ни касались, по Герцену, «смычок, кисть или резец». Вот почему Герцен утверждает, что в современном мире существует ка-

мень преткновения для искусства: «Этот камень преткновения – мещанство» [17].

В заключение заметим, что сравнительный анализ философии культуры Герцена и Леонтьева наглядно свидетельствует о том, что идеи последнего сформировались под решающим влиянием герценовского критического анализа современной европейской цивилизации. Не только содержательно, но и терминологически Леонтьев «следует в фарватере» движения идей своего старшего современника. Об этом свидетельствует созвучие и содержательная близость таких понятий, как «мещанство», «эвдемонистическая цивилизация» (Герцен) и «средний европеец», «эгалитарный прогресс» (Леонтьев), которые использованы двумя русскими мыслителями с единой конечной целью – обосновать разделение понятий «культура» и «цивилизация», столь характерное для многих течений русской философской мысли разной мировоззренческой направленности.

Примечания

1. *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. М., 2010.
2. *Гревцова Е. С.* Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева. Сравнительный анализ. М., 2002.
3. *Франк С. А.* Миросозерцание Константина Леонтьева // Константин Леонтьев: Pro et Contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 237.
4. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1989. С. 455.
5. *Галактионов А. А.* Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
6. *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 13 т. Т. V. М., 1954–1966. С. 10.
7. *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 13 т. Т. XVI. М., 1954–1966. С. 171.
8. Там же. С. 183.
9. *Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 37.
10. *Шириняц А. А., Мячин А. Г.* Русская социально-политическая мысль XIX в.: К. Н. Леонтьев. М., 1995. С. 21.
11. *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. V. М., 1912–1913. С. 250.
12. *Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 416.
13. Там же. С. 416.
14. *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 1911. С. 377.
15. Герцен настолько широко трактует феномен мещанства, что употребляет в «Концах и началах» определение «самодержавное мещанство», относя его к мещанским проявлениям, бытующим даже в самом «высшем обществе».
16. *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 13 т. Т. XVI. М., 1954–1966. С. 140.
17. Там же. С. 136.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 165.0

Е. В. Бакеева

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема истины в условиях теоретического и методологического плюрализма, характерных для постнеклассической науки. В качестве условия сохранения методологической значимости концепта истины предлагается осмысление этой категории в контексте неклассической («событийной») онтологии. Истина в этом случае выступает как полнота дискретного акта «события бытия», обеспечивающая органическую связь знания и реальности.

In this article the problem of truth is considered in terms of theoretical and methodological pluralism which is typical for postnonclassical science. Interpretation of the category of truth is proposed in the context of the nonclassical (“event”) ontology as a condition of maintaining the methodological significance of this concept. In this case truth represents fullness of the discrete act of “being event”, providing the organic connection between knowledge and reality.

Ключевые слова: истина, событие бытия, постнеклассическая наука, онтология.

Keywords: truth, being event, postnonclassical science, ontology.

Феномен постнеклассической научной рациональности обсуждается довольно давно и плодотворно. Вполне привычными, не вызывающими особого отторжения выглядят сегодня такие характеристики постнеклассической науки, как полипарадигмальность, диалоговый характер субъект-объектного отношения, особая роль меж- и трансдисциплинарных подходов и т. п. Вместе с тем остается ряд моментов, порождающих сомнения в правомерности приписывания этому новому типу позавательной активности статуса науки. Пожалуй, важнейшим из этих моментов является вопрос о характере и критериях истинности знания в рамках постнеклассической науки. Истина – вне зависимости от ее понимания – была и остается важнейшим методологическим идеалом, определяющим процесс научного исследования. Именно с этим связано то об-

стоятельство, что сам концепт истины неизменно сохраняется в языке философии и методологии науки – притом что его смысловое наполнение претерпевает радикальную трансформацию. «Соответствие реальности», «внутренняя согласованность», «практическая эффективность» и даже «конвенциональная закрепленность» могут выступать в качестве критериев истинности научного знания именно потому, что сама истинность является своего рода формальным регулятивным принципом, который утверждается неким неизменным (в своих фундаментальных установках) познающим субъектом. «Для нас очевидно, что проблема базиса знания состоит именно в нахождении критерия истинности» [1]. Представляется, что эти слова Морица Шлика характеризуют не только позицию логического позитивизма, но и общепринятые представления о научной рациональности как таковой. Последняя – так или иначе – всегда связана с необходимостью *удостоверения* знания путем сопоставления с тем, что *уже признано* в качестве истинного знания. Последнее выступает здесь, по сути дела, в роли полномочного представителя реальности. Поэтому предложенная неопозитивистами замена фактов первичными или протокольными предложениями, долженствующими выступать в роли «базиса познания», выглядит вполне правомерной. Так или иначе, сама возможность проверки знания на истинность обеспечивается не содержанием критериев истинности (которое может меняться), но наличием *того, кто* этими критериями оперирует. Это, так сказать, неявная онтологическая диспозиция любого варианта «гносеологического» подхода к осмыслению проблемы истины. В силу этого данный подход и оказывается несовместимым с идеей теоретического плюрализма, предполагающего множественный характер истины. Отсюда понятно, что проникновение этой идеи в область научно-методологического дискурса автоматически обесмысливает любые попытки спасти концепт истины путем пересмотра критериев истинности знания. Принятие концептуального плюрализма в науке разрушает тот онтологический «фон», который обеспечивал возможность такого варьирования при сохранении определенного инварианта. В качестве последнего как раз и выступает (в данном онтологическом контексте) *познающий субъект*, а точнее, его главная характеристика: способ-

ность формулировать пусть промежуточные, но вполне определенные суждения относительно того или иного «состояния дел». Именно эта способность является гарантией сохранения устойчивого образа так называемой «объективной реальности» и определенного набора норм и правил, составляющих «стандарты научной рациональности».

Все меняется в тот момент, когда сам этот инвариант (вместе со своими онтологическими предпосылками) оказывается под вопросом. Эта проблематичность лишает убедительности сразу все концепции истины, сформулированные в рамках гносеологической установки. Первая и основная из них – корреспондентная – обнаруживает свою сомнительность ровно постольку, поскольку теряет устойчивость понятие реальности. Начавшийся уже в эпоху научной революции рубежа XIX–XX вв. процесс виртуализации реальности достигает спустя столетие той точки, в которой неопределенность оказывается основной характеристикой сущего. Текучая, «мерцающая», непредсказуемая реальность больше не в состоянии играть роль того образца, с которым сверяется знание. Любая попытка определить *соответствие* знания и реальности неминуемо наталкивается здесь на необходимость некоего дополнительного действия: установления или конструирования того самого образца (или образа реальности), с которым будет сопоставляться знание. Иными словами, неустраиваемая фрагментарность реальности ставит познающего субъекта перед странным вопросом: к какому из ее фрагментов относится данная система знания? Тем самым вопрос об истинности знания неминуемо приобретает онтологический ракурс, обращая субъекта к проблеме его собственной укорененности в той или иной реальности. Именно в такой ситуации и обнаруживает себя субъект постнеклассической науки, вне зависимости от дисциплинарной принадлежности. Однако нетривиальный характер этой новой познавательной ситуации наиболее явно обнаруживается именно в естествознании. Последнее в условиях «размывания» субъект-объектной оппозиции оказывается перед угрозой полной потери своего объекта. Основная проблема заключается здесь как раз в невозможности провести четкую грань между «отражаемым» и «отражающим». Эта невозможность наиболее очевидным образом обнаруживается в синергетике как одной из ведущих парадигм постнеклассической науки. По выражению В. И. Аршинова и В. Г. Буданова, «...в синергетическом мире нет неизменного наблюдателя: наблюдатель становится, возникает в сложноорганизованном потоке актов коммуникации, коммуникативных событий. В этом мире вопрос “Что является объектом познания?” становится

бессмысленным. Никакого объекта познания нет. Знать – значит уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями» [2].

Однако и отказ от понимания знания как отражения объекта не решает проблему истинности знания. В любом случае остается вопрос: по отношению к чему должна устанавливаться адекватность знания и каким образом? Критерии соответствия должны сохранять свою неизменность даже тогда, когда мы перестаем говорить о «соответствии реальности», переходя, к примеру, к когерентной концепции истинности. Однако проблематизация онтологических предпосылок существования субъекта исключает возможность разговора о наличии такого рода неизменных (логических) критериев. Логика также перестает быть единственной (классической), разветвляется на множество логик, порождая все ту же проблему установления границ уже «внутри» субъекта. На первый план выходит вопрос: «Где заканчивается одна логика и начинается другая?» За этим вопросом, в свою очередь, маячит другой, немислимый в рамках классической рациональности: «Где рождается логика как таковая?». Так происходит вполне закономерное обращение к алогичному (парадоксальному) началу мысли, к тому движению, которое производит любой порядок: «Кризис основ научной рациональности вводит в рассмотрение идею становления основоположений, критико-рефлексивную проработку их возникновения. Философия и научное знание как образцы систематики получают дополнительные размерности процессуальности, что сближает эти виды знания, обуславливая нужду друг в друге при необходимости выхода из тупиковых ситуаций, которые возникают как результат исчерпанности предложенных ранее решений имманентной парадоксальности рефлексивных способов теоретического мышления» [3].

Иными словами, эта встреча разных «образцов систематики» (разных логик) происходит только в «месте» парадокса, который не оставляет возможности для фиксации того или иного положения, а значит – исключает проблему истины в ее традиционном понимании. Речь больше не может идти о *выходе* из ситуации парадокса, но, скорее, – о *принятии* этой ситуации, обрекающей субъекта на принципиальную неопределенность собственных установок: это «...разрешение не в смысле окончательного раз и навсегда, единого для всех случаев, универсального решения, а как раз наоборот, решение видеть смысл в его конкретных случаях проявления их взаимодействия, поиска особой формы выражения, языка, способного в той или иной форме учитывать когерентный, неустойчивый и

взаимозависимый характер взаимодействий, об-разующих парадокс. Поиски разрешения послед-него размещают философское рассуждение, оперирующее формами универсального, предель-ного содержания, в среду челночного аппрокси-мирующего движения между научным познани-ем, уровнем особенного и обыденным рассужде-нием, уровнем частного» [4]. Это челночное дви-жение не может быть остановлено, – следова-тельно, фиксация того или иного суждения в качестве истинного (пусть и в опоре на чисто логические критерии) также становится невоз-можной.

Эффективность знания в этих условиях так-же оказывается весьма сомнительным критери-ем его истинности, – в силу невозможности чет-кого определения границ применимости самого знания. Эффективным может быть только дей-ствие, предполагающее более или менее четко определенные цели, а значит уже вписанное в некий устойчивый (онтологический) контекст. Проблематизация последнего неминуемо приво-дит к размыванию самого понятия эффективно-сти – просто в силу того, что различный масштаб рассмотрения ситуации предполагает и различ-ные оценки результативности знания. Если же вспомнить о том, что основной объект постне-классической науки – открытая саморазвивающа-яся система – обладает весьма неопределенными границами и в пределе стремится к тому, чтобы слиться в единое органическое целое, включаю-щее в себя и наблюдателя, то сама возможность использования понятия эффективности становится проблематичной. Трудность здесь в первую очередь заключается в том, чтобы сформули-ровать саму цель, достижение которой могло бы выступать критерием эффективности или полез-ности действия (и, соответственно, знания, на котором это действие основано). Размывание границ объекта исследования обнаруживает не-возможность поместить его в некую целостную систему знания. Последнее неизбежно окажется фрагментарным, характеризующим какой-то из многочисленных аспектов объекта. Так, даже применительно к одной из сфер реальности – к жизни общества – обнаруживается невозмож-ность целостного представления, позволяющего осмысленно оперировать понятием эффектив-ности действия. Эта эффективность всегда будет определяться закономерностями, управляющими одним из уровней или сторон исследуемого объек-та, а значит – не может расцениваться как эф-фективность по отношению к функционированию объекта в целом. Характеризуя алгоритм приня-тия решений в условиях неопределенности, Г. И. Рузавин констатирует, что «... в конечном счете оптимальным будет считаться решение, при котором целевая функция альтернативы дости-

гает экстремального значения, соответствующе-го ее максимуму или минимуму.

В экономической сфере максимальное значе-ние будет соответствовать, например, достиже-нию наибольшей выгоды от сделки, получению наивысшей прибыли, минимальное значение – наименьшему риску, издержкам, потерям и т. п. В социальной области целевая функция может быть связана с уменьшением напряженности меж-ду социальными группами, достижением согла-сия между ними; в политике – выдвижением про-граммы, которую могло бы поддержать наиболь-шее число избирателей и т. п.» [5]. Все дело, од-нако, в этом «может быть» – в противополож-ность определенному «есть». Желаемый резуль-тат в этой ситуации всегда и неизбежно будет опираться на некий предположительный наброс-ок реальности, а всякое действие будет сопро-вождаться неопределенностью и риском. Крите-рии эффективности знания лишаются здесь уни-версального смысла, коль скоро сама оценка ре-зультативности действия будет иметь только от-носительную значимость.

Наконец, конвенционалистская концепция истины – в любом из ее вариантов – примени-тельно к особенностям постнеклассической на-уки также оказывается несостоятельной. Дости-жение какого-либо соглашения возможно толь-ко между «кем-то» и «кем-то», т. е. между субъектами, сохраняющими хотя бы минимум устойчивых характеристик. Подобная устойчи-вость, однако, является весьма проблематичной по отношению к субъекту постнеклассической науки, – именно в силу того, что «...постнеклас-сическая наука имеет дело с субъектом, который становится; становится в контексте истории, в контексте исторического времени, в контексте открытого и развивающегося диалога с культу-рой» [6]. Такой становящийся субъект не может быть полностью прозрачным для самого себя, знать (= артикулировать) собственные основа-ния. Самотождественность этого субъекта обес-печивается не каким-то заданным набором фун-даментальных положений, но целостным пере-живанием себя и мира, а точнее – себя-в-мире. Смысл как гомогенная среда этого переживания не подлежит объективации, в силу чего оказыва-ется невозможной и сколько-нибудь устойчивая (выраженная в языке) конвенция относительно истинности тех или иных суждений. Вся пробле-ма здесь заключается в том, что сами эти поло-жения в разных экзистенциальных контекстах обретают различный смысл: «... информация, перемещаясь по сетям циклической межличност-ной коммуникации, обретает существование новое качество, связанное с ее субъективным пережи-ванием, разного рода интерсубъективной рефлекс-ией: эмоциональной, интеллектуальной, духов-

ной и т. д. Это качество и есть понимаемый в специфическом культурном контексте смысл» [7]. Необходимость постоянной отсылки к этому необъективируемому контексту просто обесмысливает сколько-нибудь устойчивые теоретические конвенции, коль скоро последние могут распространяться только на содержание, выраженное в языке.

Все вышесказанное позволяет заключить, что размывание четкого образа субъекта, с одной стороны, и объективной реальности – с другой, характерное для постнеклассической науки, не позволяет оставаться в пределах традиционного (гносеологического) понимания истинности в науке. Представляется, что сохранить категорию истины в системе норм и идеалов научной рациональности можно только при условии признания и осмысления онтологической укорененности понятий знания и истины. Точнее, при условии возвращения к представлениям об этой укорененности в контексте новой познавательной ситуации. Эта задача, в свою очередь, требует обращения к наиболее известным опытам онтологического осмысления истины в классической философии.

Все попытки подобного рода так или иначе восходят к платоновской концепции истины как исполненности смысла, применительно к которой знание и бытие оказываются неразделимыми. Осмысляемая таким образом истина пребывает в «умном месте», в котором, собственно, и должен оказаться тот, кто стремится к истинному знанию: «...эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму; на нее-то и направлен истинный род знания».

Мысль бога питается умом и чистым знанием, как и мысль всякой души, которая стремится воспринять надлежащее, узрев [подлинное] бытие, хотя бы и ненадолго, ценит его, питается созерцанием истины и блаженствует, пока небесный свод не принесет ее по кругу опять на то же место. При этом кругообороте она созерцает самую справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание – не то знание, которому присуще возникновение и которое как иное находится в ином, называемом нами сейчас существующим, но подлинное знание, содержащееся в подлинном бытии» [8]. Самó наличие этого «умного места» (и, соответственно, пребывание в нем) выступает в платоновской концепции гарантией истинности. Но именно поэтому здесь и появляется определенная двусмысленность в понимании истины, восходящая в конечном счете к двусмысленности самогó бытия (согласно фундаментальной установке не только платоновской, но и греческой мысли в целом, «быть – значит быть *определен-*

ным единством», но любая определенность есть *единое в ином*). Иными словами, «быть единым» и «знать истину» в этом контексте – выражения, совпадающие по своему парадоксальному смыслу. Единое и истина выступают здесь как *невозможное* или *немыслимое*, как то, что трансцендентно бытию и знанию. То, что есть – тем самым уже не-единое, а то, что является знаемым – тем самым уже не истинно. Полнота и нерасчлененность истины противопоставляются сложности, характеризующей любое знание. Переводя определение знания, данное в платоновском «Теэте», как «правильное воззрение, проясненное словом», Т. В. Васильева обращает внимание именно на этот аспект греческого «логоса», связанный с определенностью и сложностью: «...сумма значений логоса в данном контексте – членораздельная, четко артикулированная и отчетливо выраженная вонне мысль... Этим характером отчетливости и многосложной членораздельности логос как раз и отличен не только от Единого, но и от других понятий, с которыми он то и дело тесно соприкасается, как-то: “речь”, “мысль”, “ум”, “эйдос”» [9].

Это неминуемое раздвоение Единого (и, соответственно, истины) становится, в свою очередь, основой противопоставления бытия и знания. Не удивительно поэтому, что наряду с представлением об онтологической трактовке истины в платоновской философии в историко-философской традиции присутствует и мнение о Платоне как об основоположнике классической (корреспондентной) концепции истины. Гносеологизация категории истины становится возможной (и необходимой) именно в рамках оппозиции «подлинного знания, содержащегося в подлинном бытии», и знания, которое «как иное находится в ином». Последнее, таким образом, и выступает в рамках корреспондентной теории как то, что должно *соответствовать* действительности («подлинному бытию»), но никогда не может с ним совпасть, всегда оказываясь чем-то вторичным, копией по отношению к оригиналу. В этом несовпадении, собственно, и кроются все проблемы, сопровождавшие развитие теории корреспонденции и послужившие основанием перехода к иным (неклассическим) концепциям истины. Осмысление истины в гегелевской философии можно в данном контексте истолковать как попытку преодоления вышеупомянутой оппозиции путем соединения Одного и Иного в диалектическом становлении. Это соединение, как показано в «Науке логики», не может осуществиться в рамках сугубо познавательной установки: «... в логической идее духа Я тотчас же таково, каковым оно обнаружилось из понятия природы как ее истина, свободное понятие, которое в своем суждении (Urteil) есть предмет для себя, – *поя-*

тие как *его* идея. Но и в этом образе (Gestalt) идея еще не завершена.

Хотя она здесь свободное понятие, имеющее своим предметом само себя, однако именно потому, что она непосредственна, она *непосредственным образом* есть еще идея в своей *субъективности* и тем самым в своей конечности вообще. Она цель, которая должна реализовать себя, иначе говоря, эта сама *абсолютная идея* еще в своей *являемости*. *Ищет* она истинное, – тождество самого понятия и реальности, но еще только ищет его; ведь она здесь такова, какова она *вначале*, т. е. она еще нечто субъективное» [10]. Очевидно, что эти поиски не могут завершиться достижением истины как «тождества самого понятия и реальности» именно потому, что оппозиция «субъективного» и «объективного» здесь не преодолевается, но переосмысливается, предстает как взаимная предположенность различных моментов саморазвития Идеи: «Понятие есть не только *душа*, но и свободное субъективное понятие, которое есть для себя и потому обладает *личностью* (Personlichkeit), – есть практическое, в себе и для себя определенное, объективное понятие, которое как лицо (person) есть непроницаемая, неделимая (atome) субъективность, но которое точно так же есть не исключаящая единичность, а *всеобщность* и *познание* для себя и в своем ином имеет предметом *свою собственную* субъективность. Все остальное есть заблуждение, смутность, мнение, стремление, произвол и бренность; единственно лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая *жизнь*, *знающая себя истина* и *вся истина*» [11]. Именно в этом *отождествлении* «жизни», «знающей себя истины» и «всей истины» и кроется исток все той же двойственности, которая характеризует платоновское понимание истины. Сама *жизнь* – как непосредственная самоочевидность – вновь раздваивается здесь на «непреходящую жизнь», отождествляемую с истиной, и на «все остальное», выступающее как «заблуждение». Тем самым противоположность «истины-бытия» и «истины-знания» вновь обретает всю свою значимость, оказываясь не подлежащей какому бы то ни было «снятию». Грандиозная гегелевская попытка преодоления этой двойственности со всей очевидностью обнажает момент, оставшийся скрытым в классической философии (и – шире – в рамках классической рациональности вообще): понятие истины характеризуется не «диалектической противоречивостью», но *парадоксальностью*. Эта парадоксальность проглядывает и в известном диалектико-материалистическом противопоставлении абсолютной и относительной истины, и в попытках сциентистски ориентированной философии XX в. совместить аналитическую строгость осмысления этой категории с утверждением ее

сугубо операционального смысла. Парадокс, собственно, заключается в том, что истина должна быть утверждена в качестве (и посредством) знания, но всегда и неизбежно выходит за рамки последнего – именно в силу своей бытийной укорененности.

Признание неустранимости этой коллизии оказывается одной из характерных черт неклассического философствования, в частности, творчества М. Хайдеггера, предложившего «неметафизический» вариант онтологического осмысления категории истины. В качестве «места пребывания» истины Хайдеггер утверждает не «предложение» (читай: «знание»), но то, что делает возможным истинное предложение – «открытость». Неклассический смысл этой последней категории заключается прежде всего в том, что она не просто *обозначает* некую реальность, но играет роль своеобразного оператора, выступая моментом того «мыследействия», в котором и рождается (воспроизводится) сама открытость. Тем самым *открытие* истины оказывается здесь актом, который должен осуществляться всякий раз уникальным образом. Именно поэтому неизменным условием открытости Хайдеггер объявляет решимость: «Свобода как допущение бытия сущего есть отношение, заключающее в себе решимость, а не замкнутость» [12]. Таким образом, «открыть истину» означает в этом контексте – не найти (и высказать) нечто, но, напротив, отстраниться от любого высказывания, открыв тот «зазор» или (говоря языком самого Хайдеггера) «просвет», в который и проникает смысл: «Истина – это не признак правильного предложения, которое человеческий “субъект” высказывает об “объекте” и которое “действительно” где-то – неизвестно, в какой сфере: истина есть высвобождение сущего, благодаря чему (т. е. высвобождению) осуществляет себя простота (открытость). В ее открытости – все человеческие отношения и его поведение. Поэтому человек *есть* способ экзистенции» [13].

Таким образом, неклассическая онтология связывает истину с полнотой о-существования, или, точнее, с самим действием о-существования (реализации сущего во всей полноте). Иными словами, истина здесь – это тот или иной полностью реализованный способ бытия-в-мире (который в данном контексте можно было бы назвать просто *миром*). Это не означает, однако, что гносеологический аспект осмысления категории истины теряет свою значимость. Понимание истины как соответствия знания и действительности сохраняет здесь всю свою силу, но сама действительность выступает теперь как становящаяся и многовариантная. Именно поэтому гносеологический смысл понятия истины неизбежно оказывается вторичным по отношению к онтологичес-

кому: установить соответствие знания и действительности можно только при условии *воспроизводства самой действительности* в акте ее о-существования.

Этот момент – связь истины и действия как события актуализации мира – остается на периферии хайдеггеровской концепции, делающей упор на понимание истины как *самораскрытия* бытия. Между тем в ряде других вариантов неклассического осмысления истины *действие* оказывается главным «действующим лицом». Пожалуй, наиболее плодотворной (в свете нашей основной задачи – переосмысления категории истины применительно к реалиям постнеклассической науки) из этих попыток следуют признать концепцию, сформулированную в работе М. К. Мамардашвили «Стрела познания» с характерным подзаголовком – «набросок естественноисторической гносеологии». Обстоятельное знакомство с данным «наброском» позволяет заключить, что в его контексте между понятиями «естественноисторическое» и «онтологическое» вполне может быть поставлен знак равенства.

На это, собственно, недвусмысленно указывает и сам автор, выдвигающий в качестве одной из важнейших установок своей концепции отказ от классической субъект-объектной оппозиции: «...нечто о мире в самом мире (мышление как часть реальности и, следовательно, вне каждого из нас), и настоящая натуральная философия должна уметь брать познания в таком разрезе, то есть фактически составляя континуум из бытия и сознания, а не раздельно, где сразу возник бы вопрос об истине как соответствии отделенному и созерцательно внеположному». Этот «континуум» существует только событийным образом, т. е. каждый раз воспроизводится в контексте того, что Мамардашвили называет «монадичностью свободного действия» [14]. Парадоксальным образом именно свободный (открытый) характер действия [15] обеспечивает его полноту (как один из признаков «монадичности»). Тем самым соответствие бытия и знания также устанавливается (воссоздается) *в реальности*, а не на уровне ее отражения – по той простой причине, что этот акт воссоздания является спонтанным, не может осуществляться под контролем сознания. Истина, таким образом, выступает здесь как то, что подлежит в первую очередь не познанию, а *реализации*: «...сами характеристики истины (ее вечность и вневременность, тождественность, всеобщность, “никем не созданность” и пребывание независимо от того, мыслит ли ее кто-нибудь или нет) должны браться и рассматриваться как часть, сторона *более широкого целого и движения* – развития исторического целого проблемных полей, ситуаций видения и предметных “миров”, прорастания и генератив-

ного (с воспроизводством) укоренения основных условий и задач мыслительного действия, его *творческой структуры* (как свободного действия)...» [16]. Этот событийный («завязанный» на актуализацию) характер истины требует, в свою очередь, признания ее множественности и дискретности (в содержательном смысле) – при сохранении формального единства и непрерывности: «...истина дискретна и конкретна, она прерывает (бесконечную) цепь обоснования, ибо не отсылает к чему-либо другому, чему нечто должно было бы соответствовать в качестве “истины”. Произведения (*opera operans*) или “машины времени” *не о чем-нибудь другом* вне себя. Истина (если есть сдвиг, обращение) говорит сама за себя, является самоисчерпывающейся реальностью, самоосновывающей и самопорождающей (бесконечным, вернее, полным, актуально данным в конечном “третьей вещи” и, следовательно, *осколочным* со стороны индивидуальной человеческой субъективности» [17].

То, что Мамардашвили называет здесь «произведениями», «машинами времени» или «третьими вещами» и есть не что иное, как *способы бытия*, «существующие» только событийно, т. е. – в акте их реализации. Само бытие, таким образом, выступает здесь как произведение (во всех смыслах – как то, что производит, то, что произведено и то, что производится), а истина – как «самоисчерпывающаяся реальность» – оказывается синонимом *полноты осуществления* именно этого конкретного способа бытия. Как раз поэтому истина (как онтологическая категория) может осмысляться только формальным образом (иными словами, истина в онтологическом аспекте – не *что*, а *как*). Полнота о-существования и выступает тем единственным формальным критерием, который позволяет различить истинное и неистинное. Таким образом, любое содержание (любое знание) может обрести истинность, будучи «встроенным» в целое определенного (актуализированного) способа бытия или – *мира*. И наоборот: вырванное из этого бытийного контекста любое знание окажется неистинным – именно поэтому, взятое «в чистом виде», оно и оказывается «осколочным», по выражению Мамардашвили.

Очевидно, что подобный подход к пониманию истины не может иметь того объективистки-универсального характера, на который так или иначе всегда претендуют гносеологические концепции истинности. С опорой на формальный критерий целостности как полноты этот подход может быть реализован только целостным же субъектом (не субъектом познания, но субъектом бытия), воссоздающим себя и мир *в свободном действии*. Как уже говорилось, гносеологический аспект категории истины сохраняет здесь

всю свою значимость, но с одной поправкой: истинность знания (вне зависимости от характера критериев, которые при этом используются) устанавливается только применительно к тому или иному конкретно определенному способу бытия, или *миру*. Принятие идеи погруженности знания в конкретный онтологический контекст позволяет сохранить смысл понятия истины в условиях теоретического плюрализма. При этом – что имеет принципиальное значение – данный смысл не оказывается усеченным, заведомо неполным, как неизбежно происходит в любом из вариантов гносеологической трактовки истины. Эта неполнота – следствие того самого «раздвоения» «истины-бытия» и «истины-знания», о котором упоминалось выше. «Уход в тень», по сути дела – игнорирование «истины-бытия», характерное для гносеологического подхода, лишает «истину-знание» оснований, которые впоследствии приходится воссоздавать искусственным образом, изобретая те или иные критерии истинности. В рамках онтологического «событийного» подхода, напротив, истина-бытие не просто учитывается в качестве онтологического «фона» любого знания, но *актуализируется* – посредством самопреобразования субъекта. Последний, таким образом, выступает теперь не как некое устойчивое сущее, но как *чистая возможность*, или – *субъект чистого действия*, получающий воплощение и содержательное наполнение своего мира только в дискретном акте. Именно поэтому «...эмпирический субъект может быть стороной или питательной плотью *разных* мислеорганизмов (тех или иных реализованных способов бытия. – Е. Б.), то есть различные части его сознания и психики могут жить в разных пространство-временах, что предполагает дискретизацию и субъекта, а не только мира» [18].

Иными словами, в этом дискретном акте воссоздаются (реально, а не только теоретически) условия истинности того или иного знания – посредством изменения субъектом себя и мира: «...тогда проблема истины есть проблема воссоздания (в объективном смысле, а не в смысле представления) историческим индивидом своих оснований в потоке воспроизводства и повторений (истина как она установилась), а не проблема соответствия некоторому внеположному и неподвижному X (лишь свободное явление есть истина, а оно должно непрестанно делаться снова и снова)» [19]. Дискретный характер этих условий позволяет совместить тезис о множественности истины и утверждение ее (истины) абсолютного смысла. Последнее так или иначе всегда служит основанием установления истинности знания – вне зависимости от ее критериев. Если можно так выразиться, у любого гносеологического критерия истинности имеется онтологический

«двойник» – тот эталон, с которым и соотносится знание. В рамках корреспондентной концепции это – сама реальность, мыслимая в качестве самоотждественной, т. е. *истинной в себе*. Когерентная концепция в качестве такого эталона полагает законы мышления, истинность которых, в свою очередь, не подвергается сомнению. Категория *пользы* в контексте прагматического подхода также маркирует прежде всего некие *реальные процессы*, оптимизирующие действительность. Наконец, утверждение истинности знания на основе определенной конвенции также в конечном счете восходит к некоей реальности – а именно, к реальности того «базиса несомненности», который выступает условием любого соглашения.

В контексте же «событийной» онтологии любая из этих реальностей выступает модусом целостного свободного действия, или *события бытия*. Таким образом, применительно к этому конкретному событию каждый из модусов («действительность», «законы мышления», «польза» и т. п.) характеризуется всей полнотой истины (является самоисчерпывающейся реальностью). Однако в силу абсолютной отделенности актов рождения-воспроизводства мира друг от друга эта истинная реальность имеет неустранимо множественный характер. В таком случае все те моменты, которые в рамках классически-рационалистических представлений о едином и непрерывном теоретическом «поле» кажутся признаками кризиса рациональности, оказываются вполне объяснимыми и даже неизбежными. Речь идет, например, о пресловутой несоизмеримости научных парадигм и теорий, об отсутствии четких критериев выбора в случае их конкурирования или об определяющем влиянии так называемого «личностного» (М. Полани) невербального знания на процесс исследования. В акте события бытия несоизмеримость относящегося к этому событию знания с другими его формами и видами заранее предположена, соответственно, ни о какой прямой конкуренции теорий и подходов говорить невозможно, а важная методологическая роль невербального знания является следствием онтологической взаимной предположенности субъекта и объекта исследования.

Не означает ли, однако, все вышесказанное полный отказ от идеи *объективности* истины, предполагающей наличие общепризнанных, содержательно определенных критериев истинности знания? Иными словами, не приводит ли онтологизация категории истины к возможности признать истинным все что угодно и – тем самым – к обесмысливанию этого понятия? На первый из этих вопросов следует ответить положительно в том случае, если «объективность» понимается здесь в духе классической рациональ-

ности, т. е. в рамках жесткой субъект-объектной оппозиции. Ответ на второй вопрос будет зависеть от выполнения или невыполнения определенного условия. Этим условием является переход к *новому типу субъектности*, предполагающему способность к пересозданию самого бытийного контекста, который позволяет говорить об истинности того или иного знания. Таким образом, на смену содержательным критериям истинности (включая и критерий согласованности в рамках когерентной концепции, коль скоро он предполагает определенные нормы согласования) приходит единственный – сугубо формальный – критерий: включенность (или невключенность) знания в онтологический контекст. Радикальное отличие этого подхода от всех вариантов гносеологического понимания истины заключается в принципиальной необъективируемости данного формального критерия. И субъект, и оцениваемое на предмет истинности знание в равной степени оказываются органическими «частями» общего онтологического «поля», воссоздаваемого в акте события бытия, причем сама эта органическая связь не подлежит рассудочному анализу. Это означает, что акт воссоздания онтологических условий истинности того или иного знания оказывается одновременно актом *веры*. Последняя – как «состояние внementsальной очевидности» (М. Мамардашвили), предполагающее способность опереться на «молчаливое» (неартикулируемое) свидетельство собственного разума, становится неотъемлемой составляющей постнеклассической рациональности.

Примечания

1. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993. С. 37–38.
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 99.
3. Киященко А. П., Тищенко П. Д. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Синергетическая парадигма. М., 2004. С. 243.
4. Киященко А. П., Тищенко П. Д. Указ. соч. С. 244.
5. Рузавин Г. И. Необходимость, спонтанность и рациональный выбор // Спонтанность и детерминизм. М., 2006. С. 62.
6. Аршинов В. И., Бузов В. А., Гордин П. М. Становление субъекта постнеклассической науки и образования // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М., 2007. С. 116.
7. Аршинов В. И., Бузов В. А., Гордин П. М. Указ. соч. С. 123.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. М., 1993. С. 156.
9. Васильева Т. В. Беседа о Логосе в платоновском «Теэтете» // Васильева Т. В. Комментарии к курсу истории античной философии. М., 2002. С. 145, 146–147.
10. Гегель Г. Наука логики. СПб., 2002. С. 716.
11. Гегель Г. Указ. соч. С. 754.

12. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 22.

13. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 19.

14. Мамардашвили М. К. Стрела познания. М., 1996. С. 50.

15. Свободное (или чистое) действие здесь – акт, осуществляемый вне системы каких-либо прагматически ориентированных целей и задач. Речь идет об акте бытия, единственной «целью» которого является само бытие – то, что сам Мамардашвили называет «пребыть» или «осуществиться».

16. Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 55.

17. Там же. С. 57.

18. Там же. С. 70.

19. Там же. С. 75.

УДК 111.12:141.311.1

А. Ю. Долгих

НОМИНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА БЫТИЯ

Проблема бытия возникает в философии в первые века ее существования. В эпоху Нового времени в связи с распространением позитивистских настроений происходит переосмысление бытия в духе номинализма.

The problem of being has been discussed in philosophy since the very beginning of its existence. In Modern Times the positivistic tendencies resulted in reconsidering being in the terms of nominalism.

Ключевые слова: бытие, существование, субъект, предикат, номинализм.

Keywords: being, existence, subject, predicate, nominalism.

В европейских языках (в германских, славянских, а также, конечно, в греческом, который в известном смысле был первым языком философии) глагол «быть» может использоваться двумя основными способами – как связка подлежащего и сказуемого и как самостоятельный смысловой глагол. В качестве связки он есть не что иное, как вспомогательная часть речи, наподобие союзов и предлогов. Здесь, как представляется, никакого особого затруднения нет. Другое дело смысловой глагол: как принято считать, он выражает бытие (существование, наличие, присутствие вообще и т. п.).

Что с такого рода бытием не все обстоит просто, как это выглядит в повседневном и даже в философском языке, стало ясно благодаря, в частности, кантовской критической философии и логическому позитивизму. Здесь имеются в виду такие работы, как «Критика чистого разума» и «Критика способности суждения» Иммануила Канта, «О существовании. Диалог с Пюньером»

© Долгих А. Ю., 2012

Готлоба Фреге, «Преодоление метафизики логическим анализом языка» Рудольфа Карнапа.

Кант подходит к этому вопросу через доказательство существования Бога, которое примерно с XVIII в. стало называться онтологическим. Оно связывается с именем Рене Декарта, хотя обнаруживается еще у Ансельма из Аосты [1], а восходит ко Клеанфу и Хрисиппу [2]. Основной смысл взгляда Канта по данному вопросу определяется такими суждениями: «Бытие, очевидно, не есть реальный предикат...» [3]; «Положение “Бог есть всемогущее существо” содержит в себе два понятия, имеющие свои объекты: Бог и всемогущество; словечко “есть” не составляет здесь дополнительного предиката, а служит лишь для того, чтобы ставить предикат в отношении к субъекту» [4]; «Если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их <...>, то от прибавления, что эта вещь существует, к ней ничего не присоединяется» [5].

Таким образом, здесь утверждается, если это так можно обозначить, чисто грамматический смысл «бытия» (или логический, как это называется в «Критике чистого разума»).

Наши замечания следующие. Последнее из приведенных выше кантовских выражений несколько неопределенно, ведь если вещь мыслится, значит, это пока лишь мыслимая вещь. Но это не очень существенно. А по-настоящему существенно то, что Кант делает один шаг вперед и сразу же один назад. Выглядит это незаметно: «Оно (т. е. бытие. – А. Д.) есть только полагание вещи или известных определений само по себе» [6]; «Если я возьму субъект (Бог) вместе со всеми его предикатами <...> и скажу “Бог есть” или “Есть Бог”, то я не присоединяю никакого нового предиката к понятию Бога, а только полагаю субъект сам по себе вместе со всеми его предикатами и притом как предмет в отношении к моему понятию» [7].

Этим Кант как будто хочет убедить, что «бытия» на самом деле нет, а есть «полагание». Вот что якобы в действительности происходит, когда говорят «есть» и т. п.

Но это только на первый взгляд. И если при замене «бытия» на «полагание» обойтись без «бытия» чисто словесно удалось, это еще ничего не значит. Какое полагание имеется в виду? Полагание книги на стол? Очевидно, нет. Имеется в виду не что иное, как полагание существования, или бытия! Ничего другого следующие слова не могут означать: «...полагаю субъект сам по себе и притом как предмет в отношении к моему понятию». Существованием (бытием) как раз и называется то, что имеется (положен) некий внешний предмет, более или менее соответствующий нашему внутреннему понятию. Когда говорится не в шутку «Кентавр существует», по умол-

чанию подразумевается, что кентавр – не только понятие в уме и образ в воображении – с этим как раз все ясно! – но что где-то за пределами души обитают кентавры, которых можно увидеть, послушать, потрогать и даже попробовать на вкус. Если следовать чисто грамматическому пониманию «бытия», то полагание человека как разумного общественного животного и полагание кентавра как получеловека-полулошади совершенно одинаково: это всего лишь связывание подлежащего со сказуемыми и ничего больше! Это значит, что человек и кентавр одинаково существуют (одинаково не существуют)! Иначе говоря, как у того, так и у другого имеется некоторый набор признаков.

Выражения «Предикатом существования я ничего не прибавляю к вещи» и «Предикатом существования я саму вещь прибавляю к ее понятию» заметно различаются только на словах, но по смыслу полностью согласуются, ибо первое утверждение, по сути, звучит так: «Предикатом существования я ничего не прибавляю к вещи, которая, поскольку она вещь, необходимо всегда уже существует».

Итак, заменить подобным способом «бытие» на «полагание» не удастся. Или: эта замена ничего не приносит, она чисто словесная. И это показывает, в частности, что избавиться в языке и мышлении от реального бытия, оставив только номинальное (грамматическое), очень сложно, если вообще возможно.

В скобках заметим, что пример с кентавром весьма показателен. Он свидетельствует о том, что все некоторым образом существует – и кентавры, и химеры, и сфинксы, и т. п. Как только мы начинаем мыслить или воображать химеру, она становится существующей – пусть даже в качестве мысли или образа. И заявлять, что химеры нет, уже безоговорочно нельзя.

Рудольф Карнап в «Преодолении метафизики логическим анализом языка» [8] опирается на Канта. Об этом свидетельствуют такие его слова: «...уже давно известно, что существование не есть признак (см. кантовское опровержение онтологического доказательства бытия бога)». Глагол «быть», говорится в работе, употребляется и как связка (“человек есть определенное существо”), и как обозначение существования (“человек есть”). Но второе употребление ошибочно, хотя именно на нем основано множество метафизических утверждений.

Карнап не может обойти вниманием то обстоятельство, что указанное явление свойственно едва ли не всем европейским языкам. Что делать? Объявить неправильным обычное европейское словоупотребление? Бросить вызов языку нелегко. Поэтому находится половинчатый выход: это явление в языках еще не ошибка, а только

нецелесообразность, опасность – опасность зарождения метафизики, что и наблюдается. С этим, конечно, можно согласиться.

Правильное предложение существования, говорится далее у Карнапа, должно иметь вид не «X существует», а «X существует в таком-то качестве», т. е. глаголы «быть» и «существовать» выступают не как предикаты, а как связки субъектов и предикатов. Поэтому, в частности, знаменитое «Я мыслю, следовательно, существую», если понимать его буквально, нелепо. Здесь есть как бы недосказанность. «Я мыслю, следовательно, существую как мыслящее существо / следовательно, емь мыслящий» – вот полный правильный вид данного суждения. Однако замечаем, что в подобном качестве это слишком ничтожно, поскольку очень напоминает «масляное масло»...

В таком случае следует сделать дальнейший вывод: выражения вида «существует нечто»/«нечто существует» («есть нечто»/«нечто есть») в строгом смысле недопустимы. В английском языке, например, под запрет попадают не только *something exists; something is*, но также и *there is something*. Однако в «Преодолении метафизики...» высказывания такого рода, как ни странно, присутствуют. Например, «Существует европеец», «Имеется нечто мыслящее». Согласно же вышеприведенным правилам, можно изъясняться только так: «Нечто есть европеец», «Нечто существует как европеец», «Это нечто есть мыслящее» и т. п.

Подразумевалось, видимо, что в предложении «существует европеец» «европеец» – это предикат. Но где тогда субъект? И на каком основании можно уверенно сказать, что «европеец» – предикат? В русском языке «европеец существует» и «существует европеец» выражают *одинаковое* существование, и «европеец» здесь везде субъект. В английском этому будет соответствовать *a European exists* и *there is a European*, причем во втором случае «европеец» (*a European*) – действительно предикат (по крайней мере, так можно считать), а *there* – неопределенный безличный субъект. Однако данные предложения, несмотря на эту синтаксическую разницу, выражают одно и то же. И поскольку это так, если мы собираемся отказаться от предикативного употребления бытия как ошибочного, один вид (*a European exists*) на другой (*there is a European*) менять бессмысленно: они в отношении бытия одинаковы. Примерно так же дело обстоит в немецком: *ein Europäer existiert* и *es gibt einen Europäer*. Мы приводим эти примеры, поскольку Карнап писал по-немецки и по-английски.

И здесь едва ли удастся отделаться удобными объяснениями, что говорится одно, а подразумевается другое. В этом-то и заключается непоследовательность решения о языке, данного в «Пре-

одолении метафизики...»: требовать отказа от *понимания* бытия как предиката, но не от *употребления* бытия как предиката! На самом же деле в случаях, когда говорится ясно, *как* говорится, *так* и понимается. Только если высказывание малопонятно, у слушателя возникает подозрение, что смысл в нем, возможно, не лежит на поверхности. Но употребление глаголов «быть» и «существовать» в качестве самостоятельных предикатов настолько прочно вошло в европейские языки, что на это никто не обращает внимания, а в словарях и языковых справочниках оно идет без малейших оговорок... Любопытно, какой бы выход нашел Карнап, чтобы номиналистически истолковать следующее собственное заявление: можно построить предложение, «...которое не выражает ни существующего, ни несуществующего»? Вот оно – реальное, а не номинальное бытие, которое прежде отрицалось.

Таким образом, в работе «Преодоление метафизики логическим анализом языка» попытка низвести бытие до уровня вспомогательной части речи не удастся. Реальное бытие, образно говоря, прокрадывается, куда ему надо, с черного входа. Это естественно: едва ли так легко можно устранить из языка (из мысли) реалистически понятое бытие. Но данное противоречие не становится в работе Карнапа предметом исследования.

Более обстоятельно вопрос о бытии разработан в небольшом сочинении Готлоба Фреге «О существовании. Диалог с Пюньером» [9]. С точки зрения Фреге, единственно разумный смысл предложений вида «А существует» есть «некоторые вещи суть А».

Фреге в своих рассуждениях отталкивается, в частности, от содержательности понятий. Понятие имеет содержание, говорит он, если его объем ограничен; понятие неограниченного объема лишено содержания. А «бытие», «существование», «состояние в наличии» именно таковы. Значит, они бессодержательны, самоочевидны и как предикаты ничего не прибавляют к субъектам. Они создают лишь форму высказывания, чисто языковую форму, и их при желании можно было бы заменить другими словами (например «самостоятельное»), – от этого ничего не изменилось бы. Подлинный смысл высказывания вида «человек существует» – это «кое-что [из сущего] есть человек» (а кое-что другое – лошадь, еще кое-что – камень и т. п.). Сущее, бытие, как выражается Фреге, – это «...всего лишь порождение затруднения языка в использовании формы частного суждения. И когда философы говорят об “абсолютном бытии”, то по сути дела они обожают простую связку». Отсюда ясно, как легко язык становится источником и пособником в возникновении заблуждений и как важно для философии лишить его господства...

Несмотря на то что мы принимаем целый ряд выводов Фреге, некоторые отправные точки его рассуждения вызывают у нас возражения. А именно мы имеем в виду следующее. Утверждение о том, что содержание понятия состоит лишь в ограничении его объема, выглядит у Фреге как постулат, висящий в воздухе. Да, его легко принять; кажется, легко и подвести под него основание. В самом деле, содержание понятия отражается в его определении. Но наиболее общему понятию (высшему роду) дать определение уже нельзя, потому что определение – это подведение под вышестоящий род, а такого здесь нет. Хорошо, принимаем это. Но тогда возникает нечто неприятное: оказывается, что все в конечном счете постигается через непостижимое бытие (существование), ибо к нему сводятся все определения; значит, по большому счету, мы ничего не знаем, ничего не понимаем, ничего не определяем, – вывод, который доставил бы удовольствие Горгию или Сексту, но не Фреге и Карнапу. Из этой ловушки, открытой в свое время Антисфеном, уже не выбраться. Можно, конечно, попробовать допустить, что бытие тоже подлежит определению, а значит, ограничению содержания: на самом деле язык (мир) устроен так, что все в нем определяется друг через друга, и никаких высших родов нет. Многие считали, что видовые и родовые обозначения (понятия ума) образуют незамкнутый порядок в виде пирамиды, на вершине которой находятся высшие роды – аристотелевские категории. В действительности среди мыслей есть, по меньшей мере, две такие, которые взаимно обозначаются, т. е. каждая является родовой, более общей по отношению к другой. И таким образом, порядок категорий не ступенчатый в виде пирамиды, а замкнутый, круговой. Так, все существующее, в конечном счете, собирается под обозначением «бытие» («сущее»). А бытие есть одно из «понятий». Но само понятие как нечто существующее есть разновидность бытия. И круг благополучно замыкается. Что такое бытие? – Одно из понятий. Что такое понятие? – Один из видов бытия.

Но насколько мы понимаем, для Фреге в данном случае это было бы слабым утешением.

Далее. Как Фреге собирается лишиться язык господства? – Полностью избавиться от него? Но это равнозначно отказу от мышления. Внести поправки в синтаксис, наложить запрет на некоторые речевые обороты? Это то, что он мог бы сделать с самим собой, но едва ли с языком, ибо тот – как и мир – живет своей жизнью и никому особенно не подчиняется.

Кроме того, Фреге пишет так, будто не чувствует, что продвигаемая им точка зрения подрывает самые основы его мировоззрения, которым он руководствуется в жизни в гораздо боль-

шей степени, чем всеми своими философскими работами вместе взятыми. Ведь вопреки тому, что у него доказывается, когда люди (в том числе сам Фреге) говорят «слоны существуют, а кентавры нет», они придают одинаковый вес всем словам в этом предложении, они воспринимают его даже не столько как предложение, отражающее положение вещей в мироздании, сколько как само положение вещей, как саму действительность. Фреге не видит здесь никакой разрушающей разум апории, – ему кажется, что он ступил на путь мелких улучшений в области языка...

Со своей стороны мы по вопросу о бытии в известном смысле готовы присоединиться к Мартину Хайдеггеру, которому принадлежит такое изречение: «Лежащий перед нами камень <...> мы можем всесторонне осматривать и обследовать, – мы никогда не найдем в нем этого “есть”. Но все же камень *есть*» [10]. Наша точка зрения следующая: открытие Канта, Фреге и Карнапа следует формулировать в виде апории, наподобие той, что была изобретена Парменидом: мы видим, что сущее множественно, но разум подсказывает, что это невозможно, поскольку множество сущих может существовать только за счет того, что их разделяет не-сущее, т. е. ничто, а его, как известно, нет; значит, сущее должно быть едино... Так вот, весьма здравое и привлекательное (особенно для позитивистски настроенных философов) номиналистическое истолкование бытия ведет к очень странным следствиям и потому не может быть принято безоговорочно. Ибо мы привыкли думать (и даже как будто ежедневно наблюдаем), что одно возникает, другое исчезает, одно *есть*, другого уже *нет*, третье еще только будет. Но тут выясняется, что этим словосочетаниям вообще ничего не может соответствовать, что «есть» оправдано исключительно в качестве связки подлежащего и сказуемого, связки, которую к тому же в некоторых языках (как, например, в русском) можно везде или почти везде опускать без ущерба для смысла. «Быть» тогда становится чисто вспомогательной частью речи, наподобие предлогов и союзов, или даже менее этого. Никакого другого предназначения у данного глагола нет и быть не может. В этом суть апории.

Примечания

1. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М., 1995. С. 128–129.
2. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. М., 1998. С. 184–185.
3. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 354.
4. Там же. С. 354–355.
5. Там же. С. 355.
6. Там же. С. 354.
7. Там же. С. 355.
8. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. URL: [http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru)

9. Фреге Г. О существовании. Диалог с Пюньбером. URL: <http://www.philosophy.ru>

10. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 366.

УДК 165

Н. В. Коротков

ВООБРАЖЕНИЕ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ СУБЪЕКТУ ПОЗНАНИЯ

Онтологическая размерность и познавательное значение продуктивного воображения и фантастики получают в статье обоснование через раскрытие той ключевой роли, которую они играют в конституировании человека в качестве субъекта познания.

The ontological measure and cognitional significance of productive imagination and fiction are explained in the article through the key role which they play in constituting the man as the cognition subject.

Ключевые слова: воображение, субъект познания, Другой, третья сигнальная система.

Keywords: imagination, the cognition subject, the Other, the third signal system.

Ядром всей современной гносеологической проблематики, в том числе связанной с эпистемологическим статусом воображения, на наш взгляд, является «принцип доверия человеку как субъекту познания». Согласно данному принципу «чистый разум» выступает хоть и необходимым, но недостаточным условием познания, как и критерием истинности полученного знания. Субъектом познания является именно человек как уникальная психосоматическая целостность, не сводимая к совокупности своих свойств, единство телесного, социального и трансцендентального. При этом человек в данном контексте не отождествляется со своим внешним анатомическим обликом, вообще – с конкретным биологическим видом. В некоторых философских традициях в этом же значении используют понятие «личность». Так, У. Джемс выделяет в личности духовный, социальный и физический аспекты (причем последний не сводится к индивидуальной телесности, включая в себя также одежду, семью данной личности, ее «домашний очаг» и т. д.) [1]; А. П. Карсавин определяет личность как «телесно-духовное существо, определенное, неповторимо-своеобразное и многовидное» [2].

Напротив, картезианское отождествление разума и личности нельзя признать правомерным: из факта мышления следует только существова-

ние самого мышления, но ни жизнь как таковая, ни личностное бытие к нему не сводятся. Равно как и не выводятся из него; отсюда и механицизм картезианцев, их неразличение организма и механизма. Поэтому картезианский рационализм и механицизм дают неадекватное знание («полузнание») о *бытии в целом*, то есть не только о становлении бытия (чему Р. Декарт уделил должное внимание, разработав вихревую концепцию космогенеза), но и о бытии становления, о жизни как философской категории, соразмерной «духу» и «материи», о субъекте познания как целостном человеке, т. е. единстве трансцендентальной и эмпирической «субъективностей» (говоря языком последующей философии) и, прежде всего, о характере самого этого единства. Р. Декарт пишет: «Так как мы не представляем себе, чтобы тело каким-либо образом мыслило, у нас есть основание полагать, что все имеющиеся у нас мысли принадлежат душе» [3]. То есть вопросы, каким образом и в какой степени мышление обусловлено телесностью, наконец, можно ли вообще говорить о подобной обусловленности, Декартом даже не ставятся.

Введение И. Кантом понятия трансцендентальной субъективности, с одной стороны, ограничило область применимости научного познания «миром явлений», с другой – способствовало отождествлению познания как такового с научным, подразумевающим соответствие эмпирических представлений категориям чистого разума. Мир «вещей-в-себе» при таком подходе выносятся за границы любой возможной эпистемологии; равно как и альтернативные («дополнительные») научным формы познания. Например, бессмысленным оказывается вопрос о возможности/невозможности эквивалентного перевода знания, выраженного (даже: впервые «схваченного») в художественной форме, в форму научную, логико-силлогистическую (в том числе «научно-философскую»): можно ли, например, *без потери смысла* пересказать «Так говорил Заратустра» на языке научных понятий или свести в систему философию Ф. Ницше. Ведь то, что не поддастся подобному переводу, просто *не будет научным мышлением идентифицировано в качестве знания* (так, образы фантазии, то есть, по определению И. Канта, те представления, которые «не соответствуют понятию о предмете», данными опыта не являются и, следовательно, познавательного значения не имеют [4]). Таким образом, с точки зрения ученого, данный перевод может казаться эквивалентным, но не быть таковым в горизонте мифопоэтического или религиозного мышления.

Как об этом говорил Ф. М. Достоевский (услами Свидригайлова), «я согласен, что привидения являются только больным; но, ведь это толь-

ко доказывает, что привидения могут являться не иначе как только больным, а не то, что их – *нет*, самих по себе. ... Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [5]. Позже этот же отрывок сочувственно цитирует В. В. Розанов в трактате «О “Легенде о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского», более того – философски развивает данную мысль, расширяя ряд личностных условий познания: так, существование незримых духовных связей между людьми способно наиболее ясно открыться человеку именно в состоянии выпадения из системы этих связей, что является закономерным итогом убийства им другого человека.

Но с точки зрения идеи трансцендентальной субъективности эти связи несущественны для познания, а научные выводы о мире равноценны и для человека, и для марсианина, и даже для «привидения», то есть не зависят от биологического (вообще – материального) субстрата существа, занимающегося научными исследованиями. Тем не менее, как заметил современный феноменолог М. Мерло-Понти, «мое тело вовсе не является для меня всего лишь фрагментом пространства; не обладай я телом, пространство для меня не существовало бы» [6]. Подобную точку зрения задолго до него обосновывал английский теолог Э. Эбботт в своем научно-фантастическом романе «Флатландия» (1884), где описал двухмерный мир, один из жителей которого в мистическом опыте общения с божественной Сферой получил знание о существовании третьего измерения пространства, после чего был брошен властями в тюрьму как опасный еретик.

Наконец, можно в связи с этим обратиться и к так называемому «антропному принципу», чье название, впрочем, не соответствует содержанию обозначенного им парадокса, из которого следует, по сути, уникальность не только лишь человека, а всей земной биосферы в целом. Ведь даже если бы не существовало «феномена человека в космосе», парадокс, условно обозначаемый как «антропный принцип», оставался бы; сформулировать его можно так: будь значения универсальных физических постоянных чуть другими, *жизнь* на углеродной основе не могла бы существовать. В частности, «достаточно увеличить массу электрона в три раза, чтобы ... всё во

Вселенной состояло бы из одних нейтронов» [7]. Но, в конце концов, разум гипотетически возможен и на нейтронной основе, как показал астрофизик и писатель П. Р. Амнуэль в НФ-рассказе «Преодоление»: «Нейтронная звезда как носитель разума. Солнце, сжатое до размеров небольшого городка. Немыслимое давление заставляет нейтроны слипаться друг с другом. Возникают длинные нейтронные цепочки – нейтронные молекулы. Неорганическая жизнь. ... Вся звезда становится единым мозгом. В ее сверхпроводящем и сверхтекучем теле все нейтронные молекулы оказываются связанными информационной цепью сигналов. Огромный мозг в черепной коробке размером двадцать километров. ... И однажды звезда осознает себя, начинает быть...». Но если возможен разум на нейтронном субстрате, то существование разума на углеродной основе (земное человечество) имеет самостоятельный смысл только при допущении, что специфика этих двух разумов сущностно различается, знание, полученное ими, будет по-разному «отражать» бытие (или даже отражать разное, в буквальном смысле, бытие; либо разные атрибуты бытия, которых, если верить Б. Спинозе, существует гораздо больше, чем только пространство и время). Тем не менее в условиях недоказанности научно-фантастической гипотезы существования разумных звезд (получившей и собственно научное обоснование – в книге В. А. Лефевра «Космический субъект» 1997 г.) остается в силе и предположение о необходимой связи между разумом как таковым и углеродным биологическим субстратом. В любом случае приходим к выводу о наличии сущностной связи между телесностью и когнитивными способностями.

Справедливости ради надо отметить, что кантовское понятие «практического разума» можно трактовать и в качестве ненаучной формы рациональности (И. И. Евлампиев), однако, согласно замечанию М. М. Бахтина, «практический разум» болен всё тем же «роковым теоретизмом»: поступок как «моя историческая, индивидуально ответственная активность» может быть лишь *post factum* описан и понят с точки зрения формальной этики [8]. Действительно, следование категорическому императиву снимает с индивида личную ответственность за последствия его «моральных» (в антитезу «легальным») поступков. Кроме того, категорический императив, не будучи опосредован *заповедью любви* к ближнему, легитимирует, среди прочих, и аморальные поступки. В принципе, солдат-наемник, по контракту убивающий в горячих точках бойцов армии противника, может мотивировать свои действия желанием героической смерти в бою (не это ли имел в виду Ф. Ницше, когда в труде «К генеалогии морали» писал, что «от категорического импе-

ратива разит жестокостью?). Сам И. Кант даже не рассматривает такую возможность, и в этом ее категорическом непризнании «практический разум» выдает себя как разум прагматический, утилитаристский (на что указывал еще Т. Адорно в труде «Проблемы философии морали»), сводится к гедонизму, к личному благополучию как высшей ценности. За любовью же, в силу ее произвольного, спонтанного характера, Кант вообще не признает ни гносеологического, ни морального значения – в отличие от Платона или М. М. Бахтина, признававших колоссальную ценность любви в эйдетическом познании, «усмотрении сущности» вещи.

Кроме того, по всей видимости, категорический императив не распространяется на животных – в силу их невменяемости (невозможности вменить им что-либо в долг), если жестокость по отношению к животным в контексте кантовской этики и может быть осуждена, то лишь постольку, поскольку она ожесточает сердце насильника-человека. Тем не менее научные открытия последних лет, доказавшие наличие у животных многих качеств, раньше считавшихся атрибутивными для *homo sapiens*, привели к распространению на животных некоторых прав человека (например, в последние годы медицинские опыты на высших приматах законодательно запрещены в Англии и Новой Зеландии). В связи с этим примечательно замечание З. П. Морохоевой о том, что в представлении древних бурят (впрочем, предки других народов тоже не являются здесь исключением) «люди и животные... не отличаются друг от друга, это всё люди: человек – это человек земли, лебедь – человек неба, медведь – горный человек. Люди превращаются в животных, и наоборот» [9].

Знание об общности всех форм жизни (которое в современной науке выражается понятием «универсального генетического кода») доступно дикарю не логико-силлогистически, а посредством «свободного варьирования в фантазии» (термин Э. Гуссерля). Я могу представить (вообразить) себя иным, мысленно «достраивая» к своей телесности дополнительные модусы или изменяя атрибутивные характеристики: например, воображая себя сороконогим (если, вслед за Платоном, трактовать в качестве атрибутивного человеческого свойства двуногость). В конце концов, я могу прямо представить себя сороконожкой, а сороконожку – мной, подобно буддийскому мудрецу, гадавшему – бабочка ли он, которой снится, что она – человек, или все-таки человек, возмывший себя бабочкой. В качестве закономерного следствия такого вчувствования («вживания», по М. М. Бахтину) можно, кстати, рассматривать популярность среди буддистов вегетарианства. Тогда как, например,

вивисекция неразрывно связана с духом картезианства.

Исходным нравственным отношением, предвещающим всевозможные философские и научные рационализации морали, является такое, при котором я отношусь к себе с точки зрения Другого (а к Другому как к себе самому). Парадокс Другого, как отмечает, в частности, А. М. Пятигорский, состоит в том, что «Другой» дан мне в мышлении, только когда или он уже стал мной, перестав быть «другим», или я уже стал им, перестав быть собой». Отсюда философ делает вывод, что никакая феноменология «другого» невозможна без предпосылки о «другом другом» (или «другом другом»), то есть того в Другом, чем я не могу стать в принципе, и что не может стать мной [10]. Как пишет Ю. М. Лотман в монографии «Культура и взрыв», именно эта «область непереводаемого», исключенная из диалога, и задает его познавательную ценность. Однако трансцендентальная субъективность, всегда равная самой себе, не является достаточной предпосылкой диалога, а следовательно, и сознания, сама природа которого диалогична: элементарный акт рефлексии, как показал М. М. Бахтин, возможен лишь через отношение к самому себе как к Другому. Собственно, догматизм (как в нравственности, так и в мышлении) связан с неспособностью человека абстрагироваться от самого себя, *представить* себя Другим, а Другого – собой: например, себя – медведем, а медведя – «горным человеком». Характерно, что И. Кант, критически отзываясь о творческой силе воображения, утверждал невозможность помыслить разумное существо, будь то ангел или Бог, иначе, как в образе человека [11]; с этим утверждением закономерным образом «рифмуется» последующее отождествление О. Контом Бога с человечеством как единством всех прежних, нынешних и будущих поколений. Закономерно поэтому, что в гуссерлевской теории интерессубъективности, по сути, происходит отождествление другого *тела* с телом *Другого*, что, на наш взгляд, неправомочно. По Э. Гуссерлю, необходимым условием постижения другого Я является признание сущностной аналогичности всех трансцендентальных эго, которое, в свою очередь, происходит за счет признания физического и физиологического сходства всех эмпирических субъектов [12]. Таким образом, по сути, интерессубъективность в гуссерлевской «редакции» означает не постижение Другого, а умножение Я.

Результатом самопознания с помощью «голого» интеллекта является отождествление Я с интеллектом (декартовское «*cogito*», кантовское «трансцендентальное единство апперцепции»). Попытки вундеркиндов объяснить, алгоритмизировать свой талант чреватые его утратой (так «сороконожка ходить разучилась»). Как отме-

чал М. К. Мамардашвили, предпосылкой объяснения чего-либо является полное «изъятие» из него сознания. Но в данном случае изъятим оказывается творческий дар. Последнее слово отсылает к религиозно-философскому представлению о том, что человеческим в человеке является божественное (С. А. Франк). Мамардашвили, выражая ту же самую мысль, предпочитал говорить о «сверхчеловеческом». То есть речь идет не об эмпирическом субъекте («человеке-машине» Ж. Ламетри), и не о кантовской трансцендентальной субъективности, всегда равной самой себе, а о том «возможном человеке», который только и является предметом философии [13]. Но тогда единственно возможным подлинным объяснением человека как познающего субъекта является *использование* им своего дара, т. е. собственно творчество. Поэтому М. К. Мамардашвили говорил о ньютоновской механике, что «автор этого произведения ... сам произведен в пространстве этого произведения, извлечен созданием его из глубин человека “Ньютон”, о которых последний ничего не знал или знал всякие пустяки» [14]. В процессе познания происходит сущностная трансформация человека (учитывая сартровский тезис о том, что сущность человека не предшествует существованию), развитие у него новых «органов мышления», которые, с одной стороны, нельзя «свести к чистому “духу”, ... а с другой – дедуцировать их из имеющихся или возможных в будущем физических законов» [15]. Таким образом, у Мамардашвили речь идет не о трансцендентальном субъекте, использующем тело в качестве «зонда» (А. Ш. Тхостов) – *сам субъект* не может быть «отмыслен» от тела, поэтому для характеристики познающего субъекта Мамардашвили в труде «Стрела познания» вводит понятие «мыслеорганизм».

В этом контексте правомерно предположить существование прямой связи между Dasein и дизайном, сознанием и телесностью: трансцендентальная субъективность является залогом аподиктичности опыта, но сама возможность качественно нового опыта связана с качественной же трансформацией субъекта познания, который не может быть отмыслен от своего физического аспекта. При этом поскольку в человеке невозможно разделить естественный и сформированный культурой слои поведения, физический аспект личности не должен отождествляться с индивидуальной телесностью. В этом контексте заслуживает особого упоминания «персонология» Н. С. Трубецкого, предметом которой выступала как «частночеловеческая» личность, так и «многочеловеческая» («симфоническая» – в терминологии иерархического персонализма или «коллективная», говоря современным языком). Более того, окружающую природу, в которую вписана

та или иная симфоническая личность, Трубецкой также рассматривал в качестве неотделимой части такой личности. Персонология, с одной стороны, должна была стать общим фокусом исследований социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин, с другой – способствовать всестороннему развитию личности, то есть быть даже больше, чем наукой. Таким образом, «персонология» Н. С. Трубецкого задает предельную перспективу осмысления человека, позволяя говорить не только о концепциях личности в разных культурах, но и о самих этих культурах в целом как о различных концептуализациях личности и воплощениях феномена человека. Эта же самая мысль встречается и у близкого к русскому органицизму и евразийству О. Шпенглера: «Быть знатоком людей – это значит разбираться также и в тех человеческих организмах большого стиля, которые я называю культурами, понимать их выражение лица, их язык точно так же, как понимают всех их у отдельного человека» [16]. В данном контексте снимается граница между познанием бытия и самопознанием личности, человеческого в человеке.

В то же время нельзя обойти вниманием и экзистенциалистский постулат, согласно которому объективированные результаты трансцендирования личности, то есть собственно культура, медленно омертвляются, выступая чем-то абсолютно чуждым человеку как познающему субъекту, ибо, согласно определению Ж.-П. Сартра, сознание есть то, что оно не есть и не есть то, что оно есть. Таким образом, философия, понимаемая как «самосознание культуры» (В. В. Мионов), всегда является *контркультурой*. С учетом этой оговорки можно сказать, что культура входит в субъект познания составной частью (бердяевское: не личность часть природы или социума, а социум и природа – части личности), но одновременно она и не входит в субъект познания – теми своими функциями, которые осуществляют самоподдержание, воспроизводство культурных форм вместо их преодоления (трансцендирования), то есть трансформации в новые формы. Поэтому М. К. Мамардашвили определяет познание как «экспериментирование с формами, а не сами формы». Притом что культурные формы являются условием раскрытия тех или иных возможностей человека, творчество новых форм (познание), как указывает М. К. Мамардашвили, размещается в докультурном (акультурном) зазоре [17]. Отсюда, кстати, становится понятным смысл сформулированного Б. П. Вышеславцевым «закона творчества во всей его широте (поэзии в широком смысле): оно творит из мечты, из фантастического образа, из *невозможного*» [18]. «Невозможным» (фантастическим) является всё то, для чего нет готовых культурных форм; напри-

мер, в науке это – «непарадигмальные проблемы» (А. С. Майданов). В этом же смысле С. Жижек определяет политику как «искусство невозможного», то есть выбор не из разных возможностей внутри некоей системы координат, а выбор самой системы координат. В качестве такой «невозможной» этики можно назвать идею Ф. Ницше о сверхчеловеческом целеполагании «по ту сторону добра и зла», попытки разработки «морали непредопределенности» Ж.-П. Сартром и С. де Бовуар и т. д. Фактически здесь идет речь о том, что *фантастическая образность позволяет переводить трансцендентное в имманентное*. Правда, А. Е. Левин в статье «Англо-американская фантастика как социокультурный феномен» пишет, что фантастика «оказалась способной заметить и развить лишь те аспекты будущих изменений, которые уже имели в общественном сознании какие-то прототипы. ... Ни сказка, ни поэзия, скажем, никогда не создадут образ частицы с отрицательной энергией, ибо для него просто не возникает в их “сфере деятельности” никаких аналогов» [19]. Но еще до того как была написана статья А. Е. Левина, на данный аргумент возразил В. Гейзенберг: по его оценке, Платон в своем самом фантазмагорическом диалоге «Тимей» предвосхитил постулат современной квантовой физики о том, что микромир, управляемый и описываемый чисто математическими закономерностями, лежит в основе эмпирически наблюдаемого (и как будто не имеющего с ним ничего общего) макромира.

При этом *фантастическая образность позволяет «проявить» (вывести из потаенности в про-свет бытия) те или иные ноумены не ценой «расколдовывания», а посредством сохранения их несоответствия с феноменальной, описанной на научном и обыденном языках, реальностью*. Такой «перевод непереводаемого» (Ю. М. Лотман) некоторое время кажется абсурдом (как кэрроловская «Охота на сарка», в которой сейчас видят предвосхищение основных принципов синергетики [20]) или заумью (как «хлебниковщина»). Если научное мышление, терминологизация, отождествляет ноумен с феноменом (вспомнить хотя бы знаменитое определение Ф. Энгельсом жизни как способа существования белковых тел), то метафоризация создает между ними подвижную связь: вещь оказывается не равной самой себе, поскольку ее «корневище» остается в ноуменальном мире. Метафорически определяя метафору, можно уподобить ее датчику, прикрепленному к животному, которое после этого продолжает вести свой привычный образ жизни в естественных условиях. Для науки же как зонда можно использовать тхостовское сравнение с палкой, с помощью которой исследователь может добиться от зверя лишь противоестественных реакций: или

агрессии (тогда как в дикой природе животные предпочитают не нападать на человека, а избегать его), или культурно детерминированных действий (в случае с дрессировкой).

Как доказывает, в частности, В. М. Розин, вторая сигнальная система и специфически человеческие социальные отношения складывались параллельно с воображением, обеспечивавшим для них предметную основу. «Эволюция» того или иного сигнала, например, обозначающего «спокойствие», из *составной части* соответствующей (безопасной) ситуации в «знак», то есть в ее *обозначение*, невозможна без «перепредставления» ситуации: когда, например, вместо побега от хищника наш обезьяноподобный предок по соответствующему сигналу вожака остался на месте, сохранив спокойствие. То есть, по выражению В. М. Розина, он как бы помешался на миг (видя одно, воображал и видел прямо противоположное), ввергнув хищника в замешательство своим непредсказуемым, алогичным поведением; после чего тот ретировался в поисках более «нормальной» пищи [21]. Таким образом, шутка М. Задорнова о том, что «обезьяна сошла с ума и стала человеком», получает строгий научный смысл. Данная реконструкция генезиса семио- и социосферы (ибо речь, фактически, идет о зарождении виртуального пространства культуры) соответствует данным этологии, сообщаемым Ю. М. Лотманом в его последней книге «Культура и взрыв». Антропоморфизируя, можно сказать, что животные воспринимают человека как сумасшедшее животное (тогда как человек зверя – как глупого человека), ибо если поведение животных ритуально, то человеческое тяготеет к изобретательству, нарушению стереотипов.

Можно предположить, что воображение, игравшее значительную роль в формировании второй сигнальной системы, также будет иметь ключевое значение в процессе перехода к «третьей сигнальной системе», о потенциальной возможности которой писали не только корифеи научной фантастики И. А. Ефремов («Час Быка») и братья Стругацкие («Волны гасят ветер» и др.), но и В. М. Бехтерев, проводивший совместно с дрессировщиком В. А. Дуровым серию экспериментов по мысленному воздействию на поведение животных [22]. Перспективной в контексте данной темы кажется и гипотеза М. К. Мамардашвили о полевой природе сознания: «По обыденной привычке мы, как правило, вписываем акты сознания в границы анатомического очертания человека. Но, возможно, существованием, каким-то первичным образом сознание размещено вне индивида и представляет собой какое-то пространственно-подобное или полевое образование» [23]. Но в таком случае в нем, вероятно, возможно «телепатическое общение»? На это косвенно

указывает следующее утверждение Мамардашвили: «Понимание случается тогда, когда помимо ряда словесно-знаковых форм присутствует дополнительный эффект сосуществования двух точек какого-то “поля”. ... И любая удавшаяся коммуникация: реализовавшаяся любовь, акт понимания и многое другое – все это предполагает некое слияние, вложение одних состояний в другие. Все эти явления, – опыт которых имеет каждый из нас, – говорят о том, что какие-то свойства существуют: сродственность, сонастроенность, пересечение (каким образом одно находит другое, родственное ему, и не проходит мимо – а иногда проходит мимо, это тоже интересная проблема)» [24]. Не имея возможности подробно вдаваться в данную проблему, бегло коснемся лишь некоторых контраргументов. Так, в своей статье «Вечность мифа об экстрасенсорном восприятии» В. П. Лебедев, в частности, ссылается на выдвинутый С. Лемом эволюционный аргумент против телепатии. Суть его состоит в том, что если бы телепатия была в принципе возможна, она представляла бы такой мощный инструмент в борьбе за жизнь, что «телепатические» особи давно стали бы не исключением, а нормой. На это можно возразить, что, с одной стороны, паритет в отношении телепатии обнул бы ее эффективность, с другой – повсеместное распространение данного качества среди современных людей или, тем более, их обезьяноподобных предков, сделало бы невозможным социум («социальную стадию эволюции матери»). Ведь, как показал А. К. Секацкий в своей кандидатской диссертации «Онтология лжи», социализация состоит в освоении всё большего количества модусов лжи, включая правила этикета и нормы приличия: «что иметь в виду, а что – на виду» и т. п. Достаточно, впрочем, вспомнить художественно-философский эксперимент А. Камю («Посторонний»), убедительно показавший, что патологически честный человек неизбежно будет изолирован обществом, вплоть до физической ликвидации. Кроме того, например, Д. И. Дубровский рассматривает возможность возникновения телепатии на базе высокотехнологичной техносферы и очерчивает ряд встающих в связи с этим проблем: «Наша земная социальная самоорганизация основывается на относительной автономности личности, что выражается в относительной “закрытости” ее внутреннего, субъективного мира. В подавляющем числе случаев личность “открывает” и “закрывает” его по своей воле и весьма избирательно. Что произойдет, если это будет нарушено? Если личности станут “открытыми”? Или одни будут “открытыми”, а другие “закрытыми”? Или небольшая группа “закрытых” сможет “открывать” кого захочет вопреки их воле? Ведь наверняка техно-

логии расшифровки нейродинамических кодов явлений субъективной реальности окажутся в руках государственных или крупнейших финансово-экономических структур, а не исключено, что и в руках некоего объединения злонамеренных лиц» [25].

Согласно другому популярному аргументу против принципиальной возможности третьей сигнальной системы, непосредственный обмен «с помощью какого-либо поля кодов из одного мозга в другой (притом в точно определенный его участок), минуя все органы чувств» (в чем и заключается суть телепатии), не устраняет языковой барьер. Между тем данное обстоятельство не исключает телепатическое общение в форме *обмена образами*, то есть образного мышления, воображения (как, собственно, и происходило в случае с экспериментами Дурова-Бехтерева). Что, как говорится, и требовалось доказать.

Примечания

1. Джемс У. Личность и ее составляющие // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырева, В. В. Архангельской. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 15.
2. Карсавин А. П. О личности // Путь православия. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. С. 238.
3. Декарт Р. Страсти души // Сочинения: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 483.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Митгард, 2007. С. 937.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1972. С. 228.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента-Наука, 1999. С. 142.
7. Ефремов Ю. Звездные острова. Галактики звезд и Вселенная галактик. Фрязино: «Век2», 2005. С. 229.
8. Бахтин М. М. К философии поступка. URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>.
9. Морохоева З. П. Личность в культурах Востока и Запада: к постановке проблемы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибир. изд. фирма, 1994. С. 13.
10. Пятигорский А. М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии // Непрекращаемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 404–405.
11. Кант И. Указ. соч. С. 946.
12. Волосков Р. А. Трансцендентальная субъективность и фоновые знания в процессе социального конструирования реальности: дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2010. С. 153.
13. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. М.: Политиздат. 1991. С. 11.
14. Мамардашвили М. К. Наука и культура // Как я понимаю философию. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. С. 308.
15. Там же. С. 296.
16. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 143.
17. Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 300.
18. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса; вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1994. С. 56.

19. Левин А. Е. Англо-американская фантастика как социокультурный феномен // Вопросы философии. 1976. № 3. С. 152–153.

20. Можейко М. А. Охота на Снарка // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 729–730.

21. Розин В. М. Культурология: учебник. М.: Гардарики, 2003. С. 86–87.

22. Бехтерев В. М. Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных. URL: http://gumerov.alfaspace.net/bibliotek_Buks/Psihol/Behter/_Vnush_09.php

23. Мамардашвили М. К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Как я понимаю философию. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. С. 73.

24. Там же. С. 76.

25. Дубровский Д. И. Проблема «другого сознания». URL: <http://iph.ras.ru/page48545006.htm>

УДК 167.7

С. Д. Лобанов

О ДИЛЕММЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье рассматривается дилемма исследователя. Эта дилемма создается недоопределенностью предрасположенностей (диспозиций) исследователя методами исследования.

The article deals with the investigator's dilemma which is conditioned by the investigator's dispositions being underdetermined by the methods of investigation.

Ключевые слова: дилемма, исследование, исследователь, диспозиция, недоопределенность.

Keywords: dilemma, investigation, investigator, disposition, underdetermination.

Познание – это поиск и, следовательно, прежде всего исследование. Одним из классических примеров исследователя служат слова Августина Блаженного в ситуации постижения природы времени: «Я ищу, Отец, не утверждаю» [1]. Процесс исследования как бы стягивается в дилемме, которую Августин Аврелий выражает следующим образом: «Я не знаю даже, чего я знаю» [2]. (Ср. в другом издании: «Я не знаю даже, чего я не знаю» [3].)

Исследование есть своего рода туго затянутый узел субъективного и объективного, который образуется проблемой природы восприятия, прежде всего отношения восприятия и реальности как таковой; проблемой отношения эмпирических свидетельств и теоретических обобщений, и т. д., и главное – проблемой выбора инструментов, орудий, способов исследования, или того, что в буквальном значении есть метод (мета – «в ходе, через» и одос – «путь»).

Здесь отчетливо видно единство исследования и метода, а именно: и то и другое есть *следование за чем-то, чему-то*.

Однако здесь методология понимается не столько в значении жестких предписаний-правил исследования, сколько предрасположенностей-диспозиций самого исследователя. Это обстоятельство традиционно обозначается в виде *вопрошания*. Вопросы исследователя здесь есть веши, пункты пути исследования. Постановка вопросов предполагает их выбор, а также возможных решений, прежде всего – гипотез. По верному замечанию Г. Райла, «теоретик же имеет дело не с одним лишь вопросом и даже не с перечнем пронумерованных вопросов. Он сталкивается с запутанным клубком трудно формулируемых, переплетающихся, ускользающих вопросов. Очень часто у него нет ясного представления о том, каковы его вопросы, пока он не выйдет на путь к ответу на них. Большую часть времени он даже не знает, каков общий характер той теории, которую пытается построить, и еще меньше – каковы точные формы и взаимосвязи составляющих ее вопросов» [4].

Подобное описание «дилеммы исследователя» находится в прямой связи с известным тезисом Дюгема-Куайна». В своей знаменитой работе «Физическая теория. Её цель и строение» Дюгем утверждает, что «*Experimentum crucis*» <«решающий эксперимент»> вещь в физике невозможная»: «...экспериментальная противоречие не в состоянии преобразовать физическую гипотезу в неоспоримую истину, как метод доведения до абсурда, употребляемый в геометрии <...>, у физика никогда нет уверенности в том, что он исчерпал все возможные допущения» [5]. И далее: «...гипотезы, которые, будучи взяты в отдельности, не имеют никакого физического смысла, в такой же мере подвержены контролю опыта, как и другие гипотезы... <i>какова бы ни была природа гипотезы, она никогда не может быть опровергнута опытом, взятая в отдельности. Противоречие со стороны опыта касается всегда некоторой группы теорий, как чего-то целого, и никогда невозможно выделить из этой группы именно то положение, которое должно быть опровергнуто» [6].

Примем достаточно точное обозначение этого тезиса Ларри Лауданом: «*неопределенность теории эмпирическими свидетельствами*». Отсюда, по аналогии, можно предложить обозначение сущности «дилеммы исследователя»: «*недоопределенность предрасположенностей исследователя методами исследования*».

Одним из классических примеров исследования служит философия в значении вопрошания, корпуса вечных вопросов, которые напрямую касаются природы самого человека и самой фи-

лософии. Философское исследование – это своеобразная синергия субъективного и объективного, знания и незнания.

Вполне допустимы окончательные решения вопроса «Что такое философия?» Важнейшее такое решение заключается в ответе на другой вопрос, *усиливает или уменьшает философия жизненные силы и способности человека*, поскольку на него может ответить каждый человек, так или иначе изучавший философию – каждый и по-своему. И это обстоятельство обрекает радикальный ответ о природе философии на значение *личного мнения*, с которым можно считаться или нет, даже если это мнение служит основой *дела всей жизни*: заниматься философией, чтобы достойно жить.

Настоящее *введение в философию* стремилось показать следующее: *философии не избежать*. Современный американский философ *Карл Гемпель (1905–1997)*, представитель *аналитического* направления философии, проделавшего огромную работу по критике классической философии, сформулировал «*дилемму теоретика*», которую можно сформулировать и истолковать так:

«Если теоретические понятия хорошо объясняют реальные явления и события, то их легко и удобно заменить формулой-законом в терминах наблюдений или чувственного опыта, которая (формула) позволит делать точные вычисления. Следовательно, эти (теоретические) понятия не нужны. Если же теоретические понятия не объясняют (или плохо это делают) реальные явления и события, то они тем более не нужны» [7].

Разрешение этой дилеммы-парадокса Гемпель видит в несводимости теоретических понятий к эмпирическим положениям-законам, в их неперебиваемости на язык наблюдений.

Вполне допустимы «дилемма физика-теоретика», «дилемма теоретической биологии», «дилемма математика» и т. д. В самом деле, математика не сводится к эмпирическим вычислениям. Само по себе понятие числа, открывающее способность, сопоставимую с таинством, схватывать универсальные связи явлений, ведет к философии с её понятиями «чистых форм», идей вещей, существующих самостоятельно, или платоническому направлению в философии. Еще более реальна «*дилемма философии (философа)*». Если философские понятия достаточно очевидны и прозрачны и хорошо объясняют (делают ясными, само собой понятными) реальные явления и события, то они после объяснения оказываются ненужными посредниками между людьми и миром. Если философские понятия не таковы, то они просто отбрасываются.

«Дилемма философа» хорошо показывает природу философии. *Философская ситуация* возникает в опыте осмысления неведомого, несказанного, несокрытого чем-то (являющегося

само собой), неопределенного, или того, что философы называют *трансцендентным*, или предполагающим переход за границы наличного, эмпирического существования.

Философии не избежать в том смысле, в каком возникает необходимость такого перехода. Вопрос заключается в том, *какой философии придерживаться* в жизни и профессиональной деятельности. Такой выбор предполагает знакомство с философскими понятиями и принципами, или тем, что иногда называется *философской грамматикой*.

Проблема философии заключается в её обосновании. Вполне понятный для профессионала-философа девиз «*Никакой философии!*» требует своего обоснования, точнее – отрицания философских оснований от простого отбрасывания за ненужностью до логически развернутых, или своеобразной философии.

Введение в философию – это опыт обоснования направленности философских исследований, который необходимо проделать всякому, кто заинтересован разобраться в вопросе «*Что такое философия?*», а также, и это, пожалуй, самое главное, в направлении собственного жизненного опыта.

Немецкий философ *Фридрих Шеллинг (1775–1854)* разделил философию на два вида: *отрицательная философия* («философия»), нашедшее свое завершение стремление к знанию, и *положительная философия* («философия»), свободное и бесконечное стремление познания.

По-видимому, Шеллинг весьма тонко заметил сердцевину философских изысканий, это – вечное стремление к познанию бесконечного мира. Такое стремление тождественно так или всякому человеческому влечению.

Примечания

1. *Августин А.* Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко; общ. ред. и ст. А. А. Столярова. М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 2000. С. 220.

2. Там же. С. 226.

3. *Августин А.* Исповедь // *Августин Аврелий; Абелия П.* История моих бедствий / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. М.: Республика, 1992. С. 174.

4. *Райл Г.* Дилеммы // *Райл Г.* Понятие сознания / пер. с англ. М. С. Козловой. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 1999. С. 376.

5. *Дюгем П.* Физическая теория. Её цель и строение / пер. с фр. Г. А. Котляра. СПб.: Книгоиздательство «Образование», 1910. С. 227.

6. Там же. С. 258–259.

7. *Гемпель К. Г.* Дилемма теоретика: исследование логики построения теории // *Логика объяснения / сост., пер., вступ. ст., прилож. О. А. Назаровой. М.: Дом интеллект. кн.: Рус. феноменолог. о-во, 1998. С. 164.* Ср.: «Если термины и общие принципы научной теории выполняют свои функции, т. е. если они устанавливают определенные связи между наблюдаемыми явлениями, то без них можно обойтись, поскольку»

ку тогда любую цепь законов и интерпретативных утверждений, устанавливающих такую связь, может изменить закон, который напрямую связывает наблюдаемые послышки с наблюдаемыми следствиями» (там же. С. 164).

УДК 1(091):124

А. Е. Михайлов

ЦИЦЕРОН О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО

В статье рассматривается становление в античной философии теоретико-методологических основ прогностики. Показана просветительская роль Марка Туллия Цицерона в разработке рациональной аргументации отделения истинного и правдоподобного в существовавших тогда способах и приемах предвидения. Раскрываются основные аспекты возможности предвидения, и выявляются критерии демаркации научных методов прогностического поиска от ненаучных.

The article analyzes the development of theoretic methodological foundations of prognostics in antique philosophy. The author reveals the enlightening role of Marcus Tullius Cicero in the elaboration of rational arguments of distinguishing the true and the true-like, the methods and techniques of prediction. Criteria of demarcation of scientific methods and prognostic investigations from non-scientific methods and techniques are revealed.

Ключевые слова: предвидение, предсказание, причинность, случайность, необходимость, рациональность, возможность, истинность.

Keywords: prediction, prognosis, causality, occasional, necessity, rationality, possibility, truth.

Кто хорошо сообразит, того сочту пророком наилучшим я.

Из трагедии Еврипида «Елена»

Стремление философов осмыслить возможности человека заглянуть в будущее, исследовать различные варианты способов и приемов получения такого рода знания в исторически сформировавшихся разных культурах восходит к античности. Аналитический обзор подходов к данной проблематике, сложившихся в философских школах античности, был сделан Марком Туллем Цицероном (106–43 гг. до н. э.) в трактатах «О природе богов», «О дивинации» и «О судьбе». Содержание этих работ и в настоящее время сохраняет свою актуальность для понимания философских теоретико-методологических оснований прогностики. Анализ Цицероном таких понятий, как судьба, необходимость, случайность, возможность, причинность, свобода, предсказуемость, истинность, способствует проясне-

нию критериев отделения научных методов прогностического поиска от ненаучных.

Процессы глобализации в современном обществе привели к возрастанию масштабности, сложности, гетерогенности проблем, осмысление и решение которых требуют философского синтеза как в модернизации оснований исторически сложившихся типов и форм мировоззрения, так и в выявлении факторов, определяющих перспективы развития человечества и возможность их предвидения и прогнозирования.

В цицероновском трактате «О природе богов» (45 г. до н. э.) эпикуреец Гай Веллей критикует учение стоиков о судьбе и дивинации. Он исходит из положения, что мир создан не богами, а природой, и упрекает стоиков в том, что они не допускают сотворение мира без божественного мастерства. Обращаясь к стоику Квинту Луцилию Бальбе, он говорит: «Так вы посадили на нашу шею вечного господина, которого мы должны бояться днем и ночью. Ибо кто же не будет бояться бога, который все провидит, обдумывает, замечает, который считает, что ему до всего есть дело, который во все вмешивается, весь в хлопотах.

Отсюда у вас появилась, во-первых, та фатальная необходимость, которую вы называете *εἰμαρμένῃ*, так что, что бы ни случилось, вы говорите, что это происходило от извечной истинности и вызвано неразрывной последовательностью причин. Но чего же стоит эта философия, которой, точно старухе, да и то необразованной, кажется, будто все происходит от судьбы. Отсюда же и ваша *μαντική* (искусство прорицания), что по-латыни называется «дивинация» (*divinatio*), и от которой, если бы мы захотели к вам прислушиваться, то заразились бы таким суеверием, что должны бы были почитать [за святых] и гарусников, и авгуров, и прорицателей, и толкователей снов» [1].

В другом своем трактате – «О дивинации» – Цицерон по поводу способности предчувствовать и узнавать будущее говорит, что «это была бы, конечно, великолепная и спасительная вещь (если бы только она существовала в действительности), с ее помощью смертная природа могла бы вплотную приблизиться к божественной» [2]. Однако для Цицерона из того, что мнение о том, что у людей есть способность предчувствовать и узнавать будущее (дивинация), распространено среди всех народов, еще не следует очевидность существования такой способности в действительности.

Это мнение свидетельствует лишь о том, что люди руководствуются скорее традицией, нежели разумом. Цицерон обнаруживает, что различные философы по-разному решают этот вопрос. Одни философы (Ксенофан из Колофона, Эпикур) полностью отвергают дивинацию, другие

(Пифагор, Сократ, Зенон, Демокрит, представители Старой Академии и перипатетики) – так или иначе ее признают.

Наибольший интерес для Цицерона представляет учение стоиков, защищавших почти все виды предчувствования и познания будущего. Позицию стоиков в первой книге трактата «О дивинации» отстаивает брат Цицерона Квинт. Он начинает с утверждения: «Если существуют такие истинные виды дивинации, через которые мы узнаем о будущем и которые мы поэтому и применяем, то существуют и боги; и, в свою очередь, если существуют боги, то должны быть и люди, способные провидеть будущее» [3]. Но ни первое, ни второе из этих положений сам Туллий не считает доказанным, поскольку будущее без всякого участия бога может обнаруживать себя в естественных предзнаменованиях, и даже если боги существуют, они, возможно, никакой дивинацией род человеческий не наделили.

Квинт, однако, ссылается на древность и всеобщность признания у всех народов двух видов дивинации: искусственной и естественной (*alterum artis est, alterum naturae*). К искусственным относятся те предсказания, где предполагается какое-то искусство, основанное на изучении древних наблюдений. Предсказания, полученные во сне или в экстазе (умоисступлении), считаются естественными.

Отдавая предпочтение констатации фактов, а не поискам их причин, Квинт считает, что трудно указать основание в каждом отдельном случае дивинации. Какой причиной можно объяснить способность безумной Кассандры провидеть будущее, тогда как мудрому Приаму это было недоступно? Квинт предлагает отказаться от вопроса об основаниях и заменить его вопросом: бывает или не бывает дивинация? Он не видит в этом плане существенного различия между дивинацией и другими видами знания, поскольку в то время еще отсутствовало разумное объяснение причинно-следственных связей многих наблюдаемых явлений. Не было разумного объяснения причин, например, притяжения железа магнитом (*lapis magnetis*) или целебных свойств растений, применяемых в медицине.

Почему те или иные события произошли так, а не иначе, и как можно было их предвидеть? Квинт признается, что этого не знает, но случайного совпадения не допускает. Иногда предсказания не сбываются. Но это случается не только с дивинацией. В любом искусстве, связанном с догадками и предположениями, могут быть ошибки. При различении ошибочного и истинного Квинт исходит из трактовки причинно-следственной связи как многократно повторяющегося совпадения предшествующего во времени явления с последующим.

От дивинации Квинт отличает предвидение людей, которых называет «сведущими» (*prudentes*), т. е. предусмотрительными (*providentes*), но не провидцами (*divini*). Те, кто длительное время занимался тем или иным видом деятельности, многое могут предвидеть. Так, предсказания Фалесом Милетским превосходного урожая оливок и солнечного затмения или Анаксимандром и Ферекидом землетрясений основаны на их учености и не имеют божественного происхождения.

Следуя утверждению, что все происходит от судьбы (*omnia fato fieri*), Квинт ее понимает как «порядок и связь причин, связанных таким образом, что каждая предыдущая порождает из себя последующую. Это вечная истина, проистекающая из всей вечности. А если это так, то, значит, ничего не произошло, что не должно было произойти, точно так же, как не сможет ничего произойти в будущем, действующие причины чего не содержались бы в природе. Из чего понятно, что судьба – это не то, что под этим понимает суеверие, а то, что понимает физика, – извечная причина всего, что произошло в прошлом, происходит в настоящем, произойдет в будущем» [4]. Из наблюдений частоты повторяющейся последовательности событий открывается возможность подметить, какое событие, если не всегда, то очень часто, следует за той или иной причиной. Отсюда выводится правдоподобность естественной дивинации.

Квинтом приводится формулировка детерминизма, которая близка той, которую сегодня называют лапласовской, предполагающей жесткую, однозначную причинную связь явлений. «Если бы мог найтись такой смертный, который мог бы духом своим обозреть всю цепь причин, то он не мог бы ни в чем ошибаться. Ибо тот, кто знает причины будущих событий, тот, несомненно, знает все, что произойдет в будущем. Но так как этого никто не может, кроме бога, то следует оставить человеку хотя бы возможность предвидеть будущее по каким-то признакам, указывающим, что должно последовать за ними. Ибо будущее наступает не внезапно. Время продвигается наподобие разматывающегося каната, оно не являет ничего нового, ничего такого, что бы раскрылось впервые, что видят и те, которым дана способность естественной дивинации, и те, для которых ход событий становится ясным в результате наблюдений» [5]. В таком подходе исключается возникновение нового в мире и признается действие извечных причин, полное знание которых доступно только для бога, а человек может лишь по каким-то признакам, знаменаниям догадываться о будущих событиях.

В доказательстве дивинации от природы утверждается, что человеческие души, когда они

во сне или в состоянии экстатического возбуждения, освобожденные от телесных уз, умом замечают то, что в обычном связанном с телом состоянии видеть не могут. Признавая существование дивинации, Квинт исключал лишь случаи злоупотребления по невежеству, из тщеславия и из лукавства.

Во второй книге «О дивинации» Цицерон критикует стоиков, указывая на то, что у дивинации нет своего предмета, поскольку она не может заниматься всем сразу, а в отдельных областях знания не может конкурировать с компетентностью специалистов, исходящих в своих предсказаниях из определенных оснований. Дивинация как предсказание и предчувствие того, что происходит случайно, противоположна предсказанию, которое основано на знании того, что совершается по естественной необходимости. Цицерон признает существование случайности, но считает, что случайное предвидеть невозможно.

Приступая к исследованию предполагаемого существования дивинации, Цицерон поначалу называет эту превосходнейшую способность «великолепной и спасительной вещью». Но по мере ее последующего критического рассмотрения приходит к выводу о том, что она не только не существует, но и при условии существования была бы бесполезной и даже вредной. Какую цель преследуют боги, возвещая предстоящее бедствие, которого мы не можем избежать? Зачем нам знать то, что фатально predeterminedо и изменить невозможно? Из-за дивинации жизнь для человека могла бы утратить все свои радости. Так не только боги, но «даже порядочные люди (*homines probi*) не поступают, не пророчат своим друзьям надвигающееся на них несчастье, которого те никоим образом не смогут избежать. Так и врачи, хотя часто знают, что болезнь смертельна, но больному никогда не говорят об этом. Потому что всякое предсказывание зла только тогда – доброе дело, когда оно сопровождается советом, как это зло отвести» [6].

Для Цицерона неприемлем подход Квинта к дивинации, в котором признается ее очевидная фактическая данность без объяснения причин. Ничто не может произойти без причины, и если что-то смогло произойти, то в этом не следует видеть чуда. Для Цицерона никаких чудес не существует. Ссылкам на чудо и догадку (*coniectura*), допускающим в дивинации произвольные толкования знамений, за которыми якобы скрываются действия богов, он предпочитает поиск «истинных причин происшедшего».

Положению стоиков, из существования богов выводящих существование дивинации, он противопоставляет, по его мнению, более правдоподобное умозаключение: поскольку нет дивинации, значит, нет и богов. Затем эту свою крайне

радикальную атеистическую мысль он стремится завуалировать. Ссылаясь на воззрения простого народа, коренные интересы государства, он говорит о необходимости поддерживать сложившиеся нравы, религию, учения и права авгугов, авторитет их коллегии. Но при этом он не оставляет и проводимую им линию критического рационализма, заявляя, что «в философии не должно быть места сказочным вымыслам». Опираясь лишь на «доводы рассудка», он старается представить любой вид дивинации как заблуждение, суеверие или обман. Дивинации он противопоставляет предвидение, которое сообразуется с природой. Цицерон стремится разделить дивинацию и предвидение, основанное на раскрытии естественного взаимодействия (*cognatio naturalis*) вещей, связи естественной причины (*vis naturae*) с тем или иным результатом.

В трактате «О судьбе» Цицерон ставит логическую задачу «объяснить значение и смысл тех высказываний, которые греки называют *ἀξιόματα*, т. е. тех, в которых говорится что-нибудь о будущем и о том, что может состояться или не состояться. Вопрос об их значении является темным. Философы называют их высказываниями *περί δυνατῶν*» [7]. Как и в других своих работах, Цицерон следует критическому методу академиков, но, оспаривая любые выдвинутые положения, теперь уже более определенно формулирует собственную позицию по вопросам рассматриваемой тематики.

Опровергая фатализм, predeterminedенность происходящего и того, что произойдет в будущем, Цицерон стремится находить основание для того и другого «в природе, или в фортунах». В сохранившейся части второй речи (первая речь полностью утрачена) Цицерон разбирает логические «ловушки» Хрисиппа по этому вопросу. Он начинает с анализа используемого Хрисиппом понятия «взаимодействие вещей», указывая на необходимость различения в нем «условия» и «причины». Природные условия могут влиять на какие-то вещи, а на какие-то – нет. Например, воздействие звезд влияет на некоторые вещи, но не на все.

Рассуждениям Хрисиппа по проблеме *περί δυνατῶν*, где исследуется значение возможного, Цицерон противопоставляет диалектику Диодора, согласно которой любое высказывание может быть только либо истинным, либо ложным. По мнению Диодора, все, что ложно говорится о будущем, быть не может, а произойти может только то, что либо истинно в настоящем, либо будет истинным в будущем. Иначе говоря, все происходящее подчинено жесткой необходимости и все возможное либо уже произошло, либо произойдет в будущем, то есть рассмотрение прошлого и будущего не допускает вариативно-

го подхода. В прошлом могло произойти только то, что произошло, а в будущем может произойти только то, что произойдет. «А это значит, что не более возможно изменить истинное в ложное из того, что произойдет в будущем, чем из того, что уже произошло. Но в отношении уже происшедшего эта невозможность очевидна, а в отношении будущего, поскольку оно скрыто от нас, это неясно» [8]. Однако, согласно Диодору, не только в прошлом, но и в будущем также ничего невозможно изменить из истинного в ложное. Цицерон в таком логико-гносеологическом подходе, утверждающем невозможность изменения будущего и невозможность превращения истинного будущего в ложное, не усматривает утверждения необходимости судьбы, а считал, что исследование здесь ограничивается разъяснением «значения слов».

В отличие от Диодора, Хрисипп утверждал, что может состояться и то, что не состоится. Но эта вариативность реализации в будущем различных возможностей оказывается иллюзорной, поскольку все происходит через извечный ряд причин, что исключает свободную волю человека и превращает его в раба судьбы. Хрисипп считал, что допущение движения без причины приводит к невозможности различения истинных и ложных высказываний. Он солидарен с Диодором в утверждении, что всякое высказывание или истинно, или ложно. И для него неприемлема позиция Эпикура, допускавшего возможность высказываний, не являющихся ни истинными, ни ложными. Следуя двузначной логике, Хрисипп делал онтологическое заключение о невозможности движения без причины, тем самым ставя в зависимость все происходящее от предшествующих причин и судьбы.

Выступая против фатализма, Цицерон отвергал эпикурейский вариант отрицания необходимости судьбы, поскольку в нем допускалось самопроизвольное отклонение атомов (*ἐλάχιστον*). Более остроумным он считал Карнеада, который вместо выдуманного Эпикуром отклонения атомов предлагал признать самопроизвольные (*voluntarii*) движения души, поскольку наша воля не нуждается во внешних и предшествующих причинах для контроля над находящимися в нашей власти движениями.

Цицерон считал, что из признания всякого высказывания либо истинным, либо ложным еще не следует полная зависимость происходящего от неизменных и вечных причин, исключаяющая всякую вариативность в реализации возможностей. Он указывает на существование случайных причин, которые не включены изначально в природу вещей и в мир. Но как согласуется его отрицание неотвратимости судьбы с утверждением, что будущее, если оно истинно, невозможно

изменить так же, как и прошлое? Цицерон различает, когда истинность будущего от вечности определена природной причиной, а когда истинность того, что произойдет в будущем, можно понять и без этой природной вечности. Он ссылается на Карнеада, утверждавшего, что «даже сам Аполлон может предсказать только такие будущие события, причины которых содержатся в природе, так как эти события должны необходимо произойти» и, более того, «Аполлон не может знать даже прошлого, если от него не осталось никаких следов, никаких признаков; тем более – будущего. Узнать, что произойдет в будущем, можно, только узнав [подготовившие его] действующие причины» [9].

Согласно Цицерону из признания утверждения «то, что должно произойти в будущем, истинно от вечности» еще не следует необходимость признания судьбы и дивинации. В этом случае трактовка причинности должна отличаться от трактовки ее стоиками. Наряду с извечной цепью причин допускается существование несвязанных с ней (свободных) действующих причин. Под причиной следует понимать только то, что и предшествовало, и совершило то, чему было причиной. Придерживаясь мнения, что всякое высказывание или истинно, или ложно, Цицерон делает вывод о том, что кое-что, будучи извечно истинным, в то же время может быть не связанным с извечными причинами и, следовательно, свободным от необходимости судьбы.

При сопоставлении фатализма (которого придерживались Демокрит, Гераклит, Эмпедокл, Аристотель) с мнением, допускающим неподвластные судьбе самопроизвольные движения души, Цицерон считал неудачной попытку Хрисиппа примирить эти две позиции. Он обратился к примеру с «одобрениями» (*“assensiones”*). В этом случае предметом рассмотрения становится внутренний механизм формирования мотивации принятия решений и действий. Если фаталисты утверждали, что и одобрения складываются силой необходимости, то несогласные с ними философы считали одобрения не зависящими от власти судьбы и необходимости. При опровержении зависимости наших одобрений и действий от судьбы эти философы использовали прием сведения к абсурду. Из признания судьбы следует признание зависимости от предшествующих причин наших желаний, а следовательно, и наших одобрений и действий. Поскольку они не в нашей власти, то «никак не заслуживаем мы ни похвалы, ни порицания, ни почести, ни наказания». Но это неправильно. Правдоподобнее заключить, что не все происходящее определено судьбой.

Хрисипп возражал против этого заключения, объясняя сочетающийся со свободой воли фата-

лизм не абсолютными и изначальными причинами, а вспомогательными и ближайшими. И, хотя сами эти причины не в нашей власти, из этого не следует неподвластность нам наших желаний. Одобрение не является беспричинным. Оно возникает под влиянием впечатления (*visum*), имеющего, однако, не изначальную причину, а ближайшую. Впечатление запускает процесс одобрения с собственной силой и природой. Хрисипп иллюстрирует это аналогией с волчком, когда толчок при запуске приводит его к самостоятельному вращению. Согласно Хрисиппу, из признания или непризнания всеобщего характера причинности следует признание или непризнание судьбы. Хрисипп признает причинность и судьбу, но отмечает, что в этом случае нужно помнить об указанном им различии между причинами.

Для Цицерона же представляется более важным признаваемое как Хрисиппом, так и его оппонентами «различие, что о некоторых событиях можно справедливо сказать, что предшествующие [им] причины таковы, что не в нашей власти, чтобы не произошло то, чему были эти причины, а о некоторых событиях, тоже вызванных предшествующими причинами, можно сказать, что в нашей власти, чтобы это произошло по-иному» [10]. Он полагал, что такое отношение свободы и причинности позволяет избежать признания судьбы, следовательно, и дивинации, поскольку в будущем кое-что можно изменить.

Таким образом, в последних работах Цицерона через полемику представителей различных философских школ античности осмысливалась проблематика возможности предвидения будущего, закладывались предпосылки для становления прогностики как одного из направлений философских исследований. Цицерон рассматривал возможность предвидения будущего в онтологическом, логико-гносеологическом и аксиологическом аспектах. Исходя из философской фундаментальности принципа причинности, он, наряду с причинами необходимыми и вечными (*causae aeternae*), признавал существование случайных причин (*causae fortuitae*), возникающих при некотором стечении обстоятельств и не predetermined самой природой вещей. Цицерон отвергал эпикурейский подход в обосновании объективного характера случайности через произвольное отклонение атомов как противоречащий принципу причинности, предлагая иную пробабилистскую интерпретацию этого принципа.

Но, исключая изначальную predeterminedность становящейся во времени физической реальнос-

ти, Цицерон гипостазирует совокупность высказываний обо всем, что было, есть и будет. Каждое высказывание может быть только либо истинным, либо ложным. Следовательно, если высказывание истинно, хотя высказывающийся об этом может и не знать, оно будет соответствовать положению дел независимо от времени. Из такой априорной истинности высказывания, которое уже не может превратиться в ложное, он делал вывод, что то, о чем говорится в истинном суждении, произойдет только так как об этом сказано. И неважно, под воздействием необходимых или случайных причин это будет происходить.

Но цicerоновская трактовка истинности вовсе не означает возможности полной предсказуемости будущего. Следуя такой вневременной двузначной логике, Цицерон признает ограниченность человеческих возможностей предвидения сферой действия в природе необходимых и вечных причин. То, что в предстоящем будущем зависит от случайных причин и свободной воли людей, по его мнению, человек не может ни предвидеть, ни предсказать. Вариативно-вероятностный подход Цицерона ограничивался сферой онтологии, но на гносеологию и логику он не распространялся.

Что же касается внутреннего мира человека, его свободы воли и активности, то, по мнению Цицерона, здесь причинно-следственные связи различаются в зависимости от того, находятся они в нашей власти или нет. И этого достаточно, чтобы отказаться от признания существования судьбы и дивинации. Но мотивация принимаемых решений и действий человека не может быть сведена только к различению подвластного и неподвластного, контролируемого и неконтролируемого, поскольку в этой сфере важнейшее значение имеют ценностные ориентиры, предпочтения и установки, в той или иной степени осознаваемые побуждения.

Примечания

1. Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 77–78.
2. Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 191.
3. Там же. С. 194–195.
4. Там же. С. 238–239.
5. Там же. С. 239.
6. Там же. С. 262.
7. Цицерон. О судьбе // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 299.
8. Там же. С. 305.
9. Там же. С. 311.
10. Там же. С. 315.

УДК 1(06)

О. А. Останина

КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ?

Статья посвящена анализу современного состояния исторического сознания. Существующие в нем тенденции – усиление неопределенности, парадоксальности, ослабление исторического чувства, глобализация – позволяют сделать предположение о его конце.

The article is devoted to analyzing the contemporary state of historical consciousness. Tendencies existing in it, such as the increasing uncertainty, paradoxicalness, weakening of historical feeling, globalization – allow to make an assumption about its end.

Ключевые слова: историческое сознание, историческое время, парадоксальность, исторический опыт, глобализация.

Keywords: historical consciousness, historical time, paradoxicality, historical experience, globalization.

Исследование исторического сознания важно и нужно с мировоззренческой точки зрения – историческое мировоззрение является условием самоидентификации общества, его ориентации в мире, сохранения или обеспечения своей жизнеспособности. Проблематизация и концептуализация исторического сознания значимы и с точки зрения теоретико-методологической, поскольку позволяют самоопределиваться истории как науке, выявляя, какова та особая реальность, на постижение которой она направлена. Специфика исторического знания заключается в том, что оно не может быть отделено от действительности, поскольку получаемое от прошлого знание оказывается существенной чертой самой истории, «вплетено» в нее. Благодаря историческому сознанию человек истолковывает жизнь, наделяет ее смыслом, организует историческую реальность, устанавливая значение событий и связи между ними. Историческое сознание задает отношение к традиции.

В данной статье речь идет не о специализированном историческом сознании, а, прежде всего, о сознании массовом, проявляющемся в повседневной деятельности, поведении, общении людей, живущих в современном российском обществе. Хотелось бы сделать два предварительных замечания. Во-первых, сознание всегда опосредовано обществом; как справедливо утверждает Т. Адорно, то, что опосредовано разумом, опосредовано и обществом. Во-вторых, вспомним классификацию видов истории (как знания) Ф. Ницше – он различает монументальную, антикварную и критическую истории. Данные за-

мечания, конечно, взаимосвязаны. Современному этапу исторического развития соответствует история критическая и, следовательно, критическое историческое сознание.

Для критического исторического сознания характерна трансформация, заключающаяся в новой конфигурации представления исторических фактов, которая, в свою очередь, обусловлена изменением принципов их отбора, смещением акцентов, оценок и т. п. Понятно, что переосмысление истории в рамках критического сознания не является самоцелью, а опосредовано целями и задачами, стоящими перед обществом, направлено на будущее, на реализацию наметившихся тенденций исторического развития. Если дело обстоит не так, то сознание не может быть определено, с нашей точки зрения, как собственно историческое. Сдвиги, дрейф содержания исторического сознания в российском обществе свидетельствуют, как представляется, не о его трансформации, а, скорее, о его конце. Разумеется, это одна из существующих ныне альтернатив эволюции сознания, но она пока, как мы полагаем, остается ведущей. Что имеется в виду и каковы основания для такого вывода?

Во-первых, нельзя не обратить внимание на явное расхождение между декларируемыми, как правило, «сверху», целями развития нашего общества, призванными детерминировать доминанты исторического сознания, и реальным положением дел. Это расхождение фиксируемо буквально во всех сферах, формах социального бытия: экономике, образовании, политике и т. д. Получается, есть некое «официальное» историческое сознание, оно и декларируется; и есть реальное сознание, крайне не однородное. Налицо характерное для истории России культурное, по меньшей мере, двоемирие. Это одна сторона проблемы; другая заключается в том, что такое расхождение, такая двойственность приводят вообще к растерянности, неопределенности и дезориентированности сознания.

Во-вторых, современному сознанию присущи парадоксальность, так называемый «кентавризм» – в нем уживаются, сосуществуют взаимоисключающие образы, понятия, оценки, что никак не способствует историческому самоопределению субъекта, будь то личность или социальная группа, народ в целом (в качестве примера можно назвать получившее распространение понятие «либеральный консерватизм»).

Известно, что в сознании как индивидов, так и социальных групп и общества могут быть представлены современные взгляды и идеи и, в то же время, целые пласты, по сути, архаичного сознания, казалось бы, давно исчезнувшего (например, научные знания и вера в чудеса, пророчества; «демократические» убеждения и домостроевское

понимание роли женщины в обществе и семье). Очевидно, когда расшатываются и оттесняются на периферию общественной жизни базовые ценности, разрушается сущностно-смысловой стержень, как бы цементирующий различные сегменты сознания, обеспечивающий его целостность, тогда и обнаруживаются компоненты, содержания сознания, возникшие в прежние исторические эпохи и не дававшие о себе знать. С другой стороны, и в историческом бытии вскрылись, похоже, такие архаичные пласты – в семейно-брачных отношениях (мотивация заключения браков, в частности), властных отношениях (роль фактора личностного взаимодействия, «личной преданности»; элементы сакрализации власти), экономических отношениях (трудовых, отношениях обмена и др.).

В-третьих, бросается в глаза явное падение интереса к истории, в том числе и потому, что современная жизнь с ней никак не связана. Об этом свидетельствует и уровень исторических знаний, например, выпускников школ. Здесь же можно сказать о «клиповости» подачи исторической информации и знаний, отсутствии в обществе согласия по важнейшим вопросам нашей истории, как, впрочем, и по видению нашего будущего.

Падение интереса к истории означает утрату исторического опыта, о котором пишет Ф. Р. Анкерсмит, то есть опыта переживания истории, «прочувствования» ее своей историей. «Возвышенный характер исторического опыта происходит из этого парадоксального союза чувств любви и утраты, то есть из сочетания удовольствия и боли, определяющего наше отношение к прошлому» [Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 30]. Равнодушие заменяет чувства и любви, и печали. О каком же историческом сознании можно, в таком случае, вести речь?

Более того, можно говорить и об утрате чувства времени, что выражено в установке «жить сегодняшним днем», без прошлого и будущего,

без того «просвета», «схождения времен», которое М. Хайдеггер считает важнейшей характеристикой исторического сознания. Именно время (и чувство времени) определяет целостность существования здесь, в настоящем; оно делает сознание активным, действующим. Целостность, как то или иное завершение бытия, относится к будущему, но, нацеливаясь на будущее как на идеал, модель, человек осмысливает и истолковывает прошлое. Осознанная устремленность в будущее рождает ответственность за настоящее, а значит, за историю, вводит в сознание новые идеи, понятия, указывая тем самым на значимость их будущего осуществления. Историческое – не только «здесь» и «теперь» в своей конкретности, но в связанности времен, их осмыслении, осознании себя в истории.

В-четвертых, нельзя не сказать, что трансформация общественного сознания происходит под влиянием объективных процессов глобализации. Данные процессы (сопровождающиеся процессами регионализации), в частности, приводят к изменению статуса национальных государств; идет дискуссия о судьбе народов, наций и национального государства в современную эпоху. А как же тогда национальная история и ее судьба? С чем можно и нужно соотносить историческое сознание, исторический опыт? С каким и чьим прошлым, с каким и чьим будущим? И не происходит ли «глобальная» трансформация исторического сознания? Сложно, на наш взгляд, определить, будет ли это новое сознание собственно историческим. Позитивное решение вопроса, очевидно, заключается в исследовании диалектики взаимосвязи национальной и глобальной истории. Негативное же решение чем-то напоминает гегелевское деление народов на исторические и неисторические, и Россия, как мы знаем, в первую группу Г. Гегелем не включалась. Так что в заключение мы приходим к положению, с которого начали, о мировоззренческой сущности и значимости исторического сознания.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 316:613.885

А. К. Витязев, Г. А. Борозинец

О МУТАЦИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мутация – термин, перенесённый усилиями А. Д. Тойнби и Л. Гумилёва из биологии в социальную историю. В данной статье углубляется обоснованность данного терминологического заимствования путём развития понятия «мутация».

Mutation is a term which was transmitted from biology to social history due to the efforts of A. J. Toynbee and L. Gumilyov. The appropriateness of this terminological borrowing is grounded in the article by way of developing the notion of mutation.

Ключевые слова: социокультурная мутация, социокультурная эволюция, общие принципы эволюции.

Keywords: socio-cultural mutation, socio-cultural evolution, general principles of evolution.

Термин мутация (лат. *mutatio* – изменение в системе) получил широкое распространение в научной литературе в XX в., хотя известен с XIII в. Так, например, учение о мутации, представлено в 12-й главе «Трактата о музыке» Иеронима Моравского (1275 г.). В качестве биологического термина употреблял голландский ботаник Хьюго (Гуго) Де Фриз в 1901 г. в своем труде «Мутационная теория» [1]. Английский историк А. Д. Тойнби видел в мутации один из путей возникновения цивилизаций. Российский историк Л. Гумилёв считал, что с мутацией связан этногенез.

Не возражая против мнения, что мутации – элементарный материал биологической эволюции, можно под мутацией понимать не только результат, но и сам процесс качественного изменения «генетического материала», приводящего к появлению новых или исчезновению старых признаков биологического организма.

Биологическую мутацию можно также рассматривать как источник многообразия живых (биологических) форм. Многообразие это позволяет биосфере частично сохраняться при вымирании биологических видов в процессе стихийного отбора, вызванного, например, изменениями климата, пандемиями, катаклизмами и катастрофами глобального характера.

Из этого следует, что как причина многообразия биологического мира мутация способствует самосохранению биосферы и жизни на Земле в переходных периодах.

Появление, вследствие мутации генотипа, прогрессивных или регрессивных признаков у фенотипа указывает на то, что классификация мутационного многообразия живых форм может строиться по оси прогресс-регресс. Кроме этого существует деление фенотипических признаков, полученных при мутации, на полезные и вредные, а также нейтральные или бесполезные.

Поскольку суть мутации состоит в качественном изменении (преобразовании) наследуемого, передаваемого от поколения поколению, материала (материализованной информации), в фенотипе проявляется она скачкообразно.

Считается, что «мутация – случайное явление, то есть невозможно предсказать: где, когда и какое изменение произойдёт».

В общем, следует предположить, что способность мутировать – универсальное свойство всех форм жизни, лежащее в основе наследственной (передаваемой потомству) изменчивости в живой природе.

И если явление самосохранения генотипической системы во времени путём её случайного прогрессивного изменения окажется не только прерывистым, но и последовательным, его можно будет отнести к биологической эволюции.

В то же время, открывая явление мутации наследуемого кода в иных воспроизводящихся системах, например, социокультурных, эволюцию можно понимать более широко, нежели это делается в рамках биологии. В этом случае, думается, открытые биологией основные принципы эволюции должны быть пересмотрены с использованием обобщения. Поскольку в обществе из поколения в поколение наследуется культура и её изменения – существует социокультурная мутация и другой, не биологический путь её наследования и отбора – можно использовать эти данные для выведения общих принципов эволюции для живых сложных систем.

Вот эти принципы:

– Принцип мутационного изменения кода воспроизведения или воспроизводства однородного ряда сложных систем.

– Принцип мутационной изменчивости.

– Принцип отбора приспособленных к внешней среде однородных рядов воспроизводящихся или воспроизводимых сложных мутантных систем вместе с их кодами.

– Принцип избранности.

– Принцип сохранения изменённого кода воспроизведения однотипных, подобных друг другу сложных систем путём транскрипции и трансляции.

– Принцип передачи.

Принимая данные принципы, следует не забыть развести понятия «воспроизведение себе подобных» и «воспроизводство себе подобных» и благодаря данному разведению отделить биологическое воспроизведение человека от социального его воспроизводства, к которому относится культурализация: усвоение культуры во всем её многообразии произведённым на свет (родившимся) человеком.

Итак, надо сказать, что, несмотря на биологические ограничения, процесс миграции категории «мутация» из науки в науку идёт. Пример – работы А. Тойнби и Л. Гумилёва. Если первый автор связывал мутацию с генезом цивилизаций, то второй – с этногенезом.

Приступая к исследованию генезиса цивилизаций, Тойнби начал с мутации примитивных обществ в независимые цивилизации, так как мутация, по его мнению, приводит к большим изменениям. Начав с социокультурной мутации, Тойнби обнаружил связанность её с процессом перехода общества от статического состояния к динамической деятельности. Для объяснения данного перехода автор также использовал понятие «мимесис». Мимесис он определил как приобщение людей к социальным ценностям через имитацию (подражание). В примитивных обществах, – пишет он, – мимесис ориентирован на старшее поколение и на уже умерших предков, авторитет которых поддерживается старейшинами, в свою очередь, обеспечивая влияние и престиж власти. В обществе, где мимесис направлен в прошлое, господствует обычай, поэтому такое общество статично. В цивилизациях мимесис ориентирован на творческих личностей, которые оказываются первооткрывателями на пути к общечеловеческой цели. В обществе, где мимесис направлен в будущее, обычай увядает и общество динамично устремляется по пути изменений и роста [2].

Ориентированность подражания на творческих личностей обеспечивает передачу результатов социокультурной мутации. И если развитие мутационной концепции А. Тойнби продолжить, следует в формировании и распространении новых идей и учений (информации) видеть источник социокультурных мутаций.

Подразделяя наследуемую, передаваемую из поколения в поколение, информацию на биологическую и социальную, невозможно не заметить

некоторой аналогии в обозначении механизма передачи. Если передачу информации при редупликации ДНК называют биологической транскрипцией, то устную передачу культурной информации при социализации именуют трансляцией. Существует также письменный путь передачи информации в ноосфере – социальная транскрипция. Все они сводятся к одному. Благодаря трансляции и социальной транскрипции (письменной и устной речи при общении) возможно не только следование моде, но и подражание кумирам, заимствование мировоззрения. Транскрипция позволяет и делиться информацией, и накапливать её в социальных хранилищах: библиотеках, музеях, базах данных и т. п. Унаследовав новые достижения, посредством мимесиса общество на новом уровне воспроизводит себя из поколения в поколение – ходит по кругу – пока не появятся и не отберутся новые полезные изобретения и открытия. Так, взрыв открытий и изобретений в XX в. позволил назвать его научно-технической революцией НТР. С ним связан постиндустриальный переход – мутация общества. Из этого следует, что общество меняется, когда воспринимает новые идеи.

Творческие, креативные люди, в том числе первобытные, создают в своём уме различные конструкты и конструкции, а затем воплощают, реализуют их, благодаря чему параноидальные продукты изобретателей начинают отсеиваться от нойяльных путём приживания последних в реальности. Генерируются новые идеи при появлении социального запроса, необходимости. Тогда возникают невиданные всплески духовного творчества. Например, «после завоевательного похода Александра Великого Македонского гении всего мира устремились в Александрию – некий космополитический метрополис, население которого состояло из людей со всех концов Земли, всех рас, национальностей, культур и всех известных религий». И дело было не столько в «Великой библиотеке», сколько в том, что возникало из столкновений и борьбы идей различных сект, культов, религий, философских школ. Среди самых значительных продуктов александрийского синкретизма были герметизм, христианство и гностицизм.

Г. Йонас, автор книги «Гностицизм», давая оценку одноименному религиозному явлению и учению, указал на то, что гностики были первыми спекулятивными «теологами» в новой эпохе религий, вытеснившей классическую античность. Гностический вызов, считал он, был одним из выражений кризиса, который испытывала культура, в общем. Что касается христианства, то оно, в некотором роде, возникло как нечто рядоположенное тому пёстрому конгломерату течений, что именуется нами гностицизмом [3].

2. Тойнби А. Д. Постигание истории. URL: <http://www.nsu.ru/filf/grpha/lib/toynbee.htm>

3. Йонас Г. Гностицизм. СПб.: Лань, 1998.

4. Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. М.: Изд-во Эксмо, 2004.

УДК 1(091):141.7

А. В. Пеков

«РУССКИЙ ВОПРОС» В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ТОМАША МАСАРИКА*

Статья посвящена выяснению философско-методологических оснований критики «русского вопроса» Томашем Гарригом Масариком в его основном труде «Россия и Европа». Автор стремится доказать, что поиск культурно-исторического субстрата «русскости» Масарик ведет в контексте «философии малой нации», ранее сформулированной им с целью осмысления чешской истории.

The given article aims at revealing the philosophical and methodological grounds of Tomáš Garrigue Masaryk's interpretation of the *Russian problem* in his main work *Russia and Europe*. The author seeks to prove that T. G. Masaryk searches the cultural and historical substance of *Russianhood* within the framework of the *philosophy of a small nation* earlier elaborated by him in an effort to comprehend Czech history.

Ключевые слова: история русской философии, историография русской философии, русский вопрос, философия национальности, национализм, Томаш Масарик.

Keywords: history of Russian philosophy, historiography of Russian philosophy, "the Russian problem", philosophy of nation, nationalism, Tomáš Masaryk.

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937), чешский и словацкий философ, социолог и публицист, первый президент независимой Чехословакии, принадлежал к числу первых в Европе и в славянской научной среде компетентных историков русской философии. Вместе с тем он был и первым европейским специалистом по «русскому вопросу» в широком, россиеведческом, смысле слова. Работы Масарика о России переведены на многие европейские языки и получили мировую известность еще при жизни автора. Завершенный накануне Первой мировой войны главный немецкоязычный труд Масарика «Россия и Европа», вышедший под заголовком «*К русской философии истории и религии. Социологические*

очерки» (1913), представляет собой беспрецедентное в то время исследование по охваченному авторским анализом числу первоисточников [1]. Это отнюдь не компилятивное, но оригинальное и творческое исследование философских и общественно-политических сочинений русских мыслителей от П. Я. Чаадаева до авторов сборника «Вехи». Сверхзадача монографии Масарика заключалась в поисках ответа на «русский вопрос»: что есть, чем должна быть и чем может стать современная Россия начала XX в.? Данный вопрос, по мнению автора «России и Европы», является всемирным по своему значению философским вопросом, способствующим выявлению особого культурно-исторического субстрата «русскости» с ценностно-мировоззренческих позиций разработанной им философии национальности.

Сравнение, но ни в коем случае не оппозиция и не антагонизм – так следует интерпретировать вынесенную в заглавие труда конъюнкцию «Россия и Европа». По мнению Масарика, Россия в силу своего масштаба и статуса великой державы является как бы увеличенным подобием Европы и одновременно архаическим воплощением ее культурно-исторических традиций: самодержавие как специфический русский абсолютизм, неразвитость гражданско-правовых институтов, теократическая ортодоксия и духовная цензура в сфере образования, феодальное по преимуществу хозяйствование – в котором «...все европейские недуги предстают в своей наиболее первоначальной чистоте» [2].

Сама по себе констатация наличного положения дел в различных сферах общественной жизни Российской империи на уровне данностей не требовала большой осведомленности и знания ее реалий в первоисточнике. Масарик, выходец из Австро-Венгрии, накануне первой общеевропейской бойни с небольшими поправками мог бы дать идентичную рекомендацию и империи Габсбургов. Дунайская монархия ежеминутно утрачивала мандат доверия населявших ее интеллектуалов-австрославистов из-за ее фанатичной приверженности экспансионистскому пангерманизму. В рамках Австро-Венгрии будущность нетитульных славянских наций была неопределенна и, очевидно, незавидна. Вместе с тем Масарик не считал альтернативой австро-венгерскому империализму утопично-некритичное русофильство, так называемый «неославизм», германофобский по своей этиологии. Распространявшийся среди «австрийских славян» накануне Первой мировой войны неославизм выражался в инстинктивном уповании на провиденциальную роль России в будущем решении участи всех славянских народов. Именно так Масарик, словак по рождению и чех по убеждению, оценивал популярные в среде австро-венгерских славян смутные панславист-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а «Философское россиеведение за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: направления, школы, центры».

ские чаяния, которые в решающий для их исторических судеб момент распада дуалистической монархии обернулись хаотичным политическим дилетантизмом.

Вся жизнь Масарика как политического деятеля была посвящена выяснению смысла чешской истории и решению вопроса, которое в своих конкретно-политических формах увенчалось становлением Первой республики и возникновением чехословацкой национальной общности. Наш исходный тезис заключается в том, что за «русский вопрос» Масарик берется, базируясь на ранее выработанной им в качестве теоретической предпосылки «философии малой нации». Такую философию он рассматривал в качестве оппозиции «теократической» тенденциозной объяснительной схеме, которая чисто методологически терпит провалы. Этому соответствовала критика Масариком мессианского мышления и панславизма, преломленных в творчестве русских консерваторов-«теократов» (славянофилы, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Вл. Соловьев, которого чешский автор именует глашатаем филокатолической «свободной теократии»). Отсюда его своеобразные «философские рекомендации», направленные на преодоление мыслящей Россией «навевающего сна православия» и «косного восприятия действительности» [3] благодаря погружению в критицизм Канта и скептицизм Юма.

Рубежным событием, определившим главную национальную особенность чехов и воплотившим в себе гуманистический смысл чешской истории, с тех пор органично вписанной в общеевропейское русло, Масарик считал инициированное Яном Гусом в полемике с католической ортодоксией религиозное обновление. Лежавший в его основе импульс исходил, как аргументировал Масарик, из источника не сугубо национальных, а, напротив, общечеловеческих чаяний религиозной свободы и толерантности. Им соответствовала вера во всепобеждающую силу критического мышления, чуждая наивному упованию на чудеса, авторитет и объективистское гипостазирование порождаемых воображением фантастических мыслеформ.

Главное событие чешской истории, по мнению Масарика, оказалось в исторической перспективе созвучным позднейшим завоеваниям западноевропейской Реформации и Великой французской революции. При всей неоднозначности подобного отождествления следует обратить внимание на настойчиво проводимую автором схему: истинно и собственно национальная идея совпадает с общечеловеческим, *das Allmenschliche*, смысл которого Масарик передает чешскими терминами *humanita* и *všelidskost* – гуманизм и всечеловечность. Чешское национальное возрождение, вдохновленное Гусом, отстаиваемые им нрав-

ственное обновление, приоритет общечеловеческого над сугубо национальным, его гуманная программа не случайно были фундированы и мотивированы религиозно, как справедливо полагает чешский теолог, философ и религиовед Отакар А. Фунда [4]. Именно поэтому каждая нация, исходя как из своего естественного (национальное самосознание, общий язык и религиозная традиция), так и исторического права (национальная суверенная государственность), должна быть свободной и самостоятельной в политическом и экономическом отношении. Многонациональные империи, не делегирующие не титульным нациям гражданские права и свободы в полном объеме, утрачивают моральное право на существование; великодержавный шовинизм и угнетение других народов невозможны актуально и лишены каких-либо философско-исторических оправданий, так как непредставимы *sub specie aeternitatis*.

Антитеократическое и демократическое кредо Томаша Масарика выносит смертный приговор Австро-Венгрии [5] и предвосхищает неминуемость общественно-политической трансформации революционизирующейся России, правда, без столь откровенного намека (как в случае с Австро-Венгрией) на конечное падение империи.

Панславизм как очарование молодым и свежим по сравнению с романскими и германскими народами Европы славянским культурным субстратом в философском отношении, по мысли Масарика, обязан своим возникновением Иоганну Гердеру. Масарик не находит достаточных объективных оснований в подобных ожиданиях исторических свершений от обладающих якобы голубиным, миролюбивым характером, исконно демократичных славян; ему явно импонирует отход таких деятелей чешского национального возрождения, как Ф. Палацкий и К. Гавличек, от панславизма в сторону собственно чешской проблематики. Панславизм в николаевской России воспринимался как угроза легитимации сложившегося политического порядка и негласной имперской солидарности в Европе, поэтому интерпретация его правящими кругами как революционной программы, угрожающей почвеннической теории официальной народности, отнюдь не курьезна и не удивительна. Две крупнейшие славянские нации, русские и поляки, продуцируя те или иные варианты национального мессианизма, оказались тем не менее довольно равнодушны к панславизму, который, не будучи по существу законченной программой политического действия, в XX столетии растворился в теоретическом пространстве этнологии, сравнительной лингвистики и литературоведения [6].

Тем не менее именно в панславистский контекст, правда, в его специфически религиозный

извод, сосредоточенный вокруг православия, Масарик на страницах «России и Европы» помещает анализ воззрений русских славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Автор определяет славянофильство в целом как теократический продукт эпохи реставрации и вдохновенное Гердером и Шеллингом романтическое бегство в собственное идеализированное прошлое. Чешскому философу претит не только теократическая смычка славянофилов с официальным ортодоксальным клерикализмом, но и связанное с этим вырисовывание гносеологических структур особого «православно мыслящего ума», цельного в противовес раздвоенному европейскому логическому *ratio*.

Первостепенное значение для Масарика, «человека дела» и практика, имеет аполитичный консерватизм славянофилов и усмотрение в славянстве мощного стимула к формулировке умеренно шовинистического антиевропейского мировоззрения. Наблюдая его довольно резкую критику славянофилов, можно поставить обоснованный вопрос, насколько четко Масарику удалось разглядеть такие специфические условия возникновения «московского кружка», как пробудившийся интерес к собственной древности, попытке обрести в акте принятия Киевской Руси восточного христианства духовный стержень национального самосознания, искомый фактор национальной идеи, который применительно к чехам Масарик извел в верности гуситского наследия общечеловеческим идеалам. Не будет преувеличением утверждать, что подобный православно-центричный вариант русской национальной идеи не бесспорен, по мнению пражского профессора. Он постольку не соответствует идее Масарика «национальное в идеале тождественно гуманно-общечеловеческому», поскольку, оперируя понятием истинной религии, очерчивает разительный контраст и самобытность России, в отличие от европейского (обще)человечества. Однако стоит воздержаться от поспешного приписывания автору вывода о том, что Россия не Европа ровно настолько, насколько она сугубо самобытна.

Масарик, начинавший свою научную деятельность как социолог (автор блестящей магистерской диссертации «Самоубийство как массовое явление современной цивилизации»), через все свое творчество пронес доверие к социологической методологии, точному оперированию статистическими данными, за что не единожды в посвященной ему исследовательской литературе удостоивался причисления к позитивистам, что в целом небесспорно. В заключение второго тома «России и Европы» Масарик признается, что чисто научные основы современной ему философии национальности и сравнительной эт-

нологии остаются невыясненными, поэтому рассмотрение взаимных отличий европейских народов, их специфических признаков и в связи с этим решение краеугольного для его труда вопроса о самобытности русских является делом будущего.

Данный же анализ построен, по признанию автора, на основе критического осмысления бытующих оценок. В итоге наличная нехватка методологического инструментария компенсируется подчас ценностными суждениями, отнюдь не общезначимыми вкусовыми представлениями, приведением специфически отобранных и сгруппированных текстов к общему знаменателю, т. е. их причислению к ориентациям «теократия-демократия». Ведь очевидно, что часть русских «теократов» аполитична или, как Вл. Соловьев, внутренне сложнее предложенной схемы-оппозиции, а «демократы» зачастую охвачены квазирелигиозным брожением. Нарочитая хрестоматийность поставленных русским философам диагнозов – объективистская вера в авторитет, недостаточный критицизм, нехватка последовательного и систематического труда – в то же время отнюдь не предполагает с необходимостью излечение Кантом и Юмом, изучение которых должно якобы непременно довершить теоретический синтез многообразной в своих формах русской философии.

Вместе с тем было бы неправильно упрекать Масарика в излишнем субъективизме. Напротив, его способ изучения фактов русской истории и содержания русской философии следовало бы обозначить как критический реализм, проникнутый уважением к национальному своеобразию и искренним стремлением глубоко постичь суть русской культуры на языке оригинала. Однако стоит отметить, что автор «России и Европы», подходя к «русскому вопросу» как всемирному вопросу истории философии, говоря о настоящем России как прошлом Европы, бессознательно поместил «русский вопрос» в контекст философии истории «малой нации». В итоге восприятие русской мысли реализовалось у Масарика сквозь призму собственных демократически-республиканских воззрений. Гарантию выживания малой нации на примере чешского народа он видел в политической независимости от империи-угнетателя. Самоопределение чешской нации он связывал также с ее вступлением в эпоху «нового просвещения» и переоткрытием тех плодов европейской мысли, которые были прежде всего конгениальны общетеоретическим установкам, политическим идеалам и религиозным взглядам самого Масарика.

Пражский профессор и первый президент Чехословакии до сих пор остается, пожалуй,

самым ярким паневропейцем и последовательным западником в истории чешского и словацкого народов. Блестяще предвосхитив развал Австро-Венгрии и приняв деятельное участие в этом процессе, Масарик стал своего рода «пророком в своем отечестве», чего нельзя сказать о его прогнозе относительно будущего Российской империи, распад которой он не сумел предвидеть напрямую с такой же точностью. Монография Масарика, предназначенная первоначально именно для русского читателя, вышла в Германии накануне Первой мировой войны, в которой Россия и Австро-Венгрия оказались воюющими сторонами. Запрещенная в России цензурой «Россия и Европа» во многом осталась монументальным портретом вскоре канувшего в прошлое мира, поэтому сочинение Томаша Масарика можно назвать чрезвычайно своевременным, но не успевшим вовремя обрести читателя, что еще драматичнее выявляет его особое место в историографии русской философской мысли.

Примечания

1. *Masaryk Th. G.* Russland und Europa. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Soziologische Skizzen. Zwei Bänder. Verlegt bei Eugen Diederichs in Jena, 1913. Современное российское издание данной монографии вышло в трех томах. См.: *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Т. 1–3. СПб.: РХГИ, 2000–2004.
2. *René Wellek.* The Philosophical Basis of Masaryk's Political Ideals. Ethics, Vol. 55. № 4 (Jul., 1945). The University of Chicago Press. P. 303.
3. *Alain Soubigou.* Thomas Masaryk. Librairie Arthème Fayard, 2002. P. 139.
4. *Funda A. Otakar.* T. G. Masaryk. Sein philosophisches, politisches und religiöses Denken // Basler und Berner Studien zur historischen und systematischen Theologie. Herausgegeben von Max Geiger und Andreas Lindt. Band 36. Bern, 1978. S. 200.
5. *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Т. II. СПб.: РХГИ, 2004. С. 242.
6. *Oskar Krejčí.* Geopolitics of the Central European Region. The View from Prague and Bratislava. VEDA. Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava, 2005. P. 162.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2-044.372

А. В. Леопа

КРИЗИС ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В статье освещается, что одним из проявлений глобального системного кризиса явился кризис европоцентристского исторического сознания. Европоцентристское историческое сознание, сформировавшееся в XVII–XVIII вв., за основу берёт расовое, национальное, антропологическое и экономическое превосходство европейской цивилизации над остальными народами, утверждает представление о том, что европейское общество является образцом, моделью для неевропейских цивилизаций. Современный кризис европоцентристского исторического сознания обусловлен кризисом его фундаментальной основы – рационализма.

The author considers the crisis of Eurocentric historical consciousness as a consequence of the global system crisis. Eurocentric historical consciousness, which emerged in the XVII–XVIII centuries, is based on the idea of racial, national, anthropological and economic superiority of European civilization over other nations. It claims that the patterns of European society are a model for non-European civilizations. The present crisis of Eurocentric historical consciousness is caused by the crisis of rationalism as its basis.

Ключевые слова: глобальный системный кризис, историческое сознание, европоцентристский миропорядок, рационализм, глобализация.

Keywords: global system crisis, historical consciousness, Eurocentric world order, rationalism, globalization.

Нынешний глобальный системный кризис, несущий в себе черты кризиса парадигмального, обуславливает смену старой и становление новой основы мироустройства. Одним из проявлений такого масштабного характера кризиса, затрагивающего все стороны жизни человечества, является кризис европоцентристского исторического сознания.

Фундаментом, основанием европоцентристского исторического сознания явилось зародившееся под влиянием революций Коперника – Галилея – Ньютона научное мировоззрение, которое позднее получило название рационализма (Р. Декарт, Б. Спиноза, В. Лейбниц и др.).

Тезис Р. Декарта “*Cogito ergo sum*” – «Я мыслю, следовательно, существую» можно считать лейтмотивом данной темы. В историческом плане он означал онтологическую подмену чувств рациональностью и послужил обоснованием положившему начало формирования исторического сознания европейской цивилизации на основе главной идеи – рационализма, а через эту идею выход на европоцентристские позиции в осмыслении исторического процесса, на формирование европоцентристского исторического сознания и мировоззрения. Именно на долю Декарта выпало бремя истории – стать одним из основоположников философии Нового времени и классического рационализма.

В основе классического рационализма XVIII в. было представление о мироздании как о некоем организме, который действует по некоторым вполне чётко определенным и неизменным законам. Этот механизм был однажды запущен, и его дальнейшее функционирование раз и навсегда определено. В мире царствует жёсткий детерминизм, а человек, как сторонний наблюдатель, не способен что-либо изменить и как-то существенно вмешаться в однажды начертанный ход событий. Но человек наделён способностью познавать эти законы и использовать их в собственных интересах. Такую позицию особенно чётко сформулировал Френсис Бэкон, который считал необходимым познание законов Природы для того, чтобы иметь возможность ставить их на службу человечества. Смысл, призвание и задачи науки Ф. Бэкон характеризует весьма чётко во введении к «Великому Восстановлению Наук»: «И наконец, – писал он, – я хотел бы призвать всех людей к тому, чтобы они помнили истинные цели науки, чтобы они не занимались ею ни ради своего духа, ни ради неких учёных споров, ни ради того, чтобы пренебрегать остальными, ни ради корысти и славы, ни для того, чтобы достичь власти, ни для неких иных низких умыслов, но ради того, чтобы имела от неё пользу и успех сама жизнь» [1].

Рационалистический подход был положен мыслителями эпохи Просвещения и в основу учений об историческом процессе, об обществе. Философы французского Просвещения Вольтер, Монтескье, Дидро представляли общество как рациональную совокупность индивидов-атомов, вершину истории видели в идеалах Просвеще-

ния, в идеалах универсальной рациональности и разумности, основанных на естественнонаучном мировоззрении.

К началу XIX в. в немецкой классической философии, основанной на рационализме, стали отчётливо проявляться европоцентристские взгляды на историю, ход исторического процесса, смысл истории. С позиций европоцентризма выводит Гегель и так называемый принцип снятия: народы – авангарды, воплощающие новейшую поступь истории в своём развитии, снимают всю предшествующую историю культуры и тем самым делают её ненужной. Соответственно, и теория авангарда: авангард монополизует историю, ибо в нём воплощён мировой дух. Поэтому все остальные народы и культуры, не относящиеся к авангарду, не имеют права голоса в истории. Более того, их специфическая позиция может исказить проект истории, олицетворенной в деятельности авангарда. Отсюда деление народов на исторические и неисторические, имеющие и не имеющие право голоса в истории.

Следует отметить, что именно Гегель и его последователи Х. Бауэр, Б. Бауэр, Д. Ф. Штраус, Ф. Фишер, К. Фишер и другие заложили основы современных европоцентристских концепций исторического процесса, смысла истории.

Европоцентристские мотивы прозвучали и в философии позитивизма, в первую очередь это социал-дарвинистские, расово-антропологические и биологизаторские концепции истории, видными представителями которых во Франции были Ламарк, Кабанис, Виктор Курт де Лилль, Кувье, Бори де Сент-Винсент, Демулен, Шарль Конт, Ваше де Ляпуж, Ж. А. Гобино и др.

Как апофеоз европоцентристскому историческому сознанию прозвучало заявление американского футуролога Фукуямы о конце истории, поскольку существует лишь одна система, которой предстоит продолжать доминировать в мировой политике, а именно – либерально-демократический Запад [2].

Таким образом, начиная с XVII в. в историческом сознании европейского общества формировалась идея европеизма, а затем европоцентризма, за основу которой немецкие, английские и французские историки и философы брали расовое, национальное, антропологическое, экономическое превосходство европейской цивилизации над остальными народами. Выдвинутые ими теории рационализма, прогресса, модернизма сформировали в историческом сознании представление о том, что передовой тип социального (экономического, социального и политического) развития и передовой тип европейского общества должен выступить для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования (теория модернизации).

Сегодня сформировавшееся историческое сознание Западной Европы, основанное на европоцентризме, переживает глубокий кризис. В первую очередь, этот кризис обусловлен кризисом рационализма как фундамента, основания европоцентристского исторического сознания. Уже в конце XVIII в. Великая французская революция поставила под сомнение учение о рационализме французского Просвещения. На ужасы якобинского террора послереволюционная Франция ответила романтической рефлексией. Представители романтизма (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье, Ж. Мишле и др.), заявив о себе как о философско-эстетической теории, выступили против рационализма и холодной рассудочности Просвещения. Просвещению была дана оценка как деструктивному явлению во французской истории.

Суть современной проблемы рационализма состоит в том, что индустриальная цивилизация, породив гигантски мощную технонауку, инициировал безудержный планетарный научно-технологический процесс, идеологию эконоцентризма и безудержного потребительства, не создала прочной нравственно-мировоззренческой основы, которая позволила бы всем творениям современной эпохи гарантировать человечеству достойное будущее, перспективу сохранения планетарного социума в мире. Любая стратегия, любые планетарные действия индустриальной цивилизации, направляемые системой доминируемых ныне нравственных, мировоззренческих, интеллектуальных начал, сопряжены с экзистенциальным риском и не могут считаться обнадеживающими.

Как справедливо отмечает А. Тойнби, человечество сегодня потеряло чёткие ориентиры и «не видит пути в будущее», его ожидают либо самоликвидация, либо исчезновение личности в тоталитарном мировом режиме. Человек, поработанный техникой, утратил духовную и нравственную самобытность [3].

Ёмкую оценку кризисного состояния рационализма дал академик Иван Тимофеевич Фролов, главным в своей жизни считавший философию. Эта была сфера его размышлений о человеке, о его проблемах и перспективах. «Философия, – писал он, – любовь к мудрости. А мудрость – соединение разума и нравственности. Но люди не проявили мудрости, и в итоге достижения и результаты деятельности разума поставили их перед лицом смертельных угроз и опасностей» [4]. Поставив перед собой задачу осмыслить те изменения, которые происходят в самой науке и в её взаимоотношении с человеком и обществом, И. Т. Фролов в качестве результата практического применения научных знаний называет освоение атомной энергии, выход в космос, информационную революцию, освоение но-

вых материалов и многое другое. В то же время он особо подчёркивает, что благодаря науке человек стал обладателем таких мощных сил, которые позволяют ему и создать отвечающий его требованиям «мир человека», и уничтожить цивилизацию. Чтобы наука никогда не была использована против человека, необходимо рассматривать науку не саму по себе, а в связи с теми целями, для достижения которых и используется научное знание. Если этой целью является благо человека, наука приобретает гуманистическую ориентацию. Исходной идеей здесь должна стать идея «единства науки и гуманизма» [5]. Интерес человека в том, чтобы новый гуманизм «воплотился в жизнь, стал ведущей духовной силой прогресса человечества» [6]. В то же время ему был чужд сциентизм с его убежденностью во всемогуществе науки и равнодушию к ценностям гуманизма. «Лишенный всякой духовности, – отмечал И. Т. Фролов, – разум безразличен к добру и злу, у него элиминировано нравственное чувство, он беспощаден и страшен. Фантастические образы машинной цивилизации чудовищны именно вследствие полной бездуховности. Человек будущего, – по его убеждению, – это не просто *Homo Sapiens*, а *Homo Sapiens et humanus*, т. е. человек разумный и гуманный, а значит нравственный; общество будущего – демократическое и гуманное; наука, обращенная к человеку – наука гуманизированная» [7].

Условия существования человечества в век глобализации не располагают учёных к принятию тех идей рационально спроектированного, благополучного будущего, которое вдохновляло мыслителей Просвещения. Социальные аналитики века постиндустриализма не лелеют больше надежд на возможность избавления от всего того, что мы ощущаем в социальных реалиях этого века как тревожащие, беспокоящие, раздражающие. Относительно шансов преодоления неопределенности модерн-экзистенции почти все социальные аналитики нашего времени являются пессимистами: все они в той или иной форме признают, что неопределенность модерн-экзистенции – это следствие безудержной интенсификации планетарного научно-технического активизма. Глобальные процессы, происходящие ныне в сфере знания, науки, информации, вряд ли в состоянии устранить неопределенность человеческого существования. По этой причине надежды социальных философов, возлагаемые на стабилизирующую мощь названных сфер, в XXI в. всё чаще воспринимаются как самонадеянные и безответственные [8].

Наступивший кризис европоцентристского исторического сознания является следствием кризиса европоцентристского миропорядка. «Кризис поставил окончательную точку на пе-

риоде господства евро-центристского или западно-центристского миропорядка... можно со значительной долей уверенности утверждать, что кризис поставил такую же окончательную точку на символе глобализации – так называемом “Вашингтонском консенсусе”, возможно, и на англосаксонской модели рыночной экономики. Ведь не случайно Вашингтонский консенсус был сформулирован на фоне эйфории относительно так называемого “конца истории” в результате якобы полной и окончательной победы западной либеральной модели общественного-политического устройства современного мира» [9].

«Ошибка наших представлений, – отмечает Л. Штраус, – состоит в предположении, что весь мир будет следовать за Западом по пути процветания западными методами. Этого не случилось. Считалось, что полное соблюдение прав человека даёт ему возможность свободно развиваться и все будут поступать так же, а значит, будут равны, что прогресс обеспечивает всё большее процветание, а оно – всё большую свободу и справедливость, что этот прогресс ведёт к обществу всеобщего равенства, к всемирной Лиге свободных и равных наций, состоящих из свободных и равных людей. А так как существование какой-либо группы свободных и процветающих стран длительное время невозможно, следует добиться процветания каждой страны и всего мирового сообщества. Сохранение Западной демократии обеспечивается демократизацией остального мира (“глобальная демократия”). Однако действительность оказалась сложнее предположений неоллиберальных идеалистов середины века» [10].

И действительно, приблизительно с середины XX в. ширился круг оппонентов США, осуществляющих мировую гегемонию.

Начавшийся примерно в XVII в. «вызов Запада» состоял не столько в экономической, политической и военной экспансии стран этого региона, сколько в самом факте его существования, в необходимости реагировать на существование Запада путём изменений, ускоренного собственного развития даже независимо от того, побуждает их к этому Запад или нет. С появлением «западного мира», первым осуществившего переход от традиционного общества к современному (модернизация), стало возможным дискурсивно противопоставлять западную «современность» в качестве горизонта развития всему остальному миру. «С появлением Запада человечество оказалось как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении. Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задаётся Западом, одновременной привлекательностью Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования» [11]. Тем самым, легитимизировав свой

вызов в концепции прогресса, Запад предложил всему остальному миру общую линию развития к современности, в конечном счёте воплотившуюся в двух моделях модернизации: «вестернизации» и «догоняющей модели».

Фарид Закария, автор бестселлера «Постамериканский мир», вышедшего в 2008 г. и посвященного закату Америки, считает, что современным трансформациям предшествовали «три тектонические силы перемен», которые за последние пятьсот лет обусловили фундаментальные изменения международной жизни – её политики, экономики и культуры.

Первой такой силой автор считает подъём Западного мира, начавшийся в XV столетии и драматически ускорившийся в конце XIX столетия. «Этот процесс, – отмечает Ф. Закария, – как мы знаем, создал модерн: науку и технологию, торговлю и промышленную революцию. Он также создал продолжающееся политическое господство народов Запада. Вторым изменением, которое имело место в последние годы XIX столетия, был подъём Соединённых Штатов. Вскоре после их индустриализации Соединённые Штаты становятся самой могучей нацией со времён Римской империи... И особенно за последнее столетие Соединённые Штаты стали господствовать в глобальной экономике, политике, науке и культуре. За последние двадцать лет это господство стало внеконкурсным, феномен беспрецедентный в современной истории. Теперь мы живём внутри третьей великой силы изменений современной эры. Её можно было бы назвать “подъём остальных” (therise of therest). За несколько минувших десятилетий страны всего мира переживали экономический рост, который был совершенно немислим... Этот рост особенно очевиден в Азии... Это изменение можно назвать “подъём Азии”» [12].

Если на политико-военном уровне США остаются в мире единственной сверхдержавой, то в каждом другом измерении – промышленном, финансовом, образовательном, социальном, культурном – распределение власти переходит, движется прочь от американского господства. «Это не значит, что мы вступаем в антиамериканский мир, но мы движемся к постамериканскому миру, который определяется и направляется из многих мест и многими народами» [13].

В таких условиях, отмечает автор, чтобы оставаться единственной сверхдержавой, Соединён-

ные Штаты все эти годы наращивали своё экономическое, финансовое, научно-техническое, военное и культурное могущество. Таким образом, если на военно-политическом уровне Америка господствует в мире, то широкая структура однополярности – экономическая, финансовая, культурная – ослаблена. «Мир не будет однополярным на десятилетия, и он однажды, внезапно изменится и станет биполярным или многополярным» [14].

Конечно, очертания, даже самые общие, будущего глобального мироустройства пока неясны. Возможны разные сценарии хода событий. Осознание зыбкости надежд на окончание и повсеместное торжество американизма подсказывает потребность в проработке альтернативных вариантов развития на основе богатого исторического опыта.

Примечания

1. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М.: Мысль, 1991. С. 352–353.
2. Fukuyama F. The West Has Won: Radical Islam Can't Beat Democracy and Capitalism. URL: <http://www.guardian.co.uk>
3. Toynbee F. Surviving the Future. L., 1971. С. 154.
4. Келле В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И. Т. Фролова // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 3.
5. Келле В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И. Т. Фролова // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 5–7.
6. Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки, воспоминания, материалы / Г. А. Белкина, В. И. Игнатьев, Е. Д. Фролова, М. Г. Фролова; под ред. Г. А. Белкиной. М.: Наука, 2001. С. 567.
7. Келле В. Ж. Там же. С. 7–8.
8. Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 61.
9. Гаджиев К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 45.
10. Strauss L. Political Philosophy and the Crisis of Our Time // The Post – Behavioral Era. Perspectives on Political Science. N. Y., 1972. С. 220.
11. Федотова В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. М.: Культурная революция, 2008. С. 96.
12. Zakaria F. The Post-American World. N. Y.; L., 2008. С. 1–2.
13. Там же. С. 4–5.
14. Там же. С. 218.

В. В. Морозов

СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – БАЗИС РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается сущность инновации как социальный механизм, который не только обеспечивает импульс, но и вызывает к жизни способ развития. Изучение закономерностей взаимодействия инновации с различными социальными системами показывает отличие процессов, поддерживающих стабильность систем, от иных процессов, которые приводят к новому состоянию системы.

Речь идёт о взаимодействии инновации и образования как социального института и процесса, ибо образование (наряду с наукой) становится важнейшим ресурсом развития. Инновационный тип развития обусловил особенности формирования человеческого капитала, т. е. связь образования с производственной деятельностью на протяжении всей трудовой жизни в рамках системы непрерывного обучения.

The article considers innovation as a social mechanism which not only gives an impulse, but also calls to life a way of development. Studying the laws of interconnection of innovation with different social systems shows the difference of processes which support system stability, from other processes which lead to a new state of systems.

Education as social institute and a process is interconnected with innovation, for it (side by side with science) is a major resource of development. The innovative type of development has determined the specific features of forming the human capital, that is, the connection of education with production activities in the period of all working life within the system of permanent training.

Ключевые слова: инновация, традиция, социальная система, образование, развитие личности, непрерывное обучение, педагогическая идея, педагогические технологии.

Keywords: innovation, tradition, social system, education, personality development, permanent training, pedagogical idea, pedagogical technologies.

Гибкость и динамичность как важное интегральное свойство системы образования находят свое выражение в постоянно развивающихся и оперативно перестраивающихся ее звеньев и подсистем. Это связано с разработкой и апробацией в экстремальных звеньях новых технологий обучения, управления процессом обучения. Чем более масштабны преобразования в педагогической системе, тем большую значимость приобретает их научное обеспечение – педагогическое, психологическое, методическое. Новые внешние условия функционирования системы образования приводят к разработке новых организационных форм.

Для понимания сущности социально-инновационной деятельности важно рассмотреть единство трех составляющих, имеющих принципиальное отношение к проблеме «образование – общество»: 1) сам человек как носитель конкретного жизненного опыта; 2) система образования как институт, ориентированный на какую-то совокупность требований, называемых социальным заказом; 3) будущее, предполагающее набор проблем и поиск путей их решения.

Если говорить о сущности инновации как социальном механизме, который обеспечивает не только импульс, но и вызывает к жизни способ развития, то необходимо основательно изучить закономерности взаимодействия инновации с различными социальными системами именно под этим углом зрения, поскольку следует отличать процессы, поддерживающие стабильность систем, от иных процессов, которые приводят к новому состоянию системы, которое должно описываться в терминах, фиксирующих изменение первоначальной структуры [1].

Показатели, по которым можно судить о возможностях инновационного развития образовательной системы, часто носят амбивалентный характер. Важно в первую очередь определить качество, в котором система образования рассматривается во взаимоотношении с другими социальными системами – сервисное обслуживание по социальному заказу или структура, определяющая развитие, т. е. ресурс развития. В первом случае сама система адаптируется к социальному заказу, а отношение к системе образования строится на затратном принципе, во втором – с её помощью изменяется социальная действительность, а это обеспечивает инвестиции в развитие, что предполагает её соответствующую трансформацию. В связи с этим возникают новые проблемы, поскольку превращение образования в особый вид практики общественного развития является кардинально новой постановкой вопроса о том, как должно быть организовано такое образование [2].

В сборнике «Педагогические технологии в современной школе» рассматриваются актуальные вопросы проектирования инновационных педагогических технологий, их научное и методическое основание, технология авторских учебных программ, основание педагогических знаний, диагностирование развития личности учащегося [3]. Для получения нужного результата в инновационной деятельности необходимо четко разработать алгоритм – последовательность действий преподавателя при разработке инновационных технологий.

Ускоряющийся ход общественного развития, начиная с доиндустриальной эпохи, постоянно нарушал равновесие между потребностями об-

щества и возможностями удовлетворить эти потребности, что заставляло отказываться от явно устаревших способов человеческой предметно-преобразующей деятельности, создавать и совершенствовать новые уровни отношений с окружающим миром на основе накопленного значимого опыта. Эта способность общества восстанавливать, а затем и поддерживать на новом уровне равновесие с природой опирается на культуру-творческую деятельность людей, которая может быть определена как непрерывный процесс синтеза традиций и новаций.

Установившиеся на определенном этапе развития человеческой культуры традиции ограничены рамками прошлой деятельности. Эти границы, программы деятельности перестают в некоторый момент обеспечивать осуществление и регуляцию жизнедеятельности общества. Тогда потребность общества в развитии выдвигает на первый план созидательный аспект культуры, которая находит свое выражение в инновации. Суть последней заключается в выработке таких механизмов, способов деятельности, которые позволяли бы обществу и отдельному индивиду адаптироваться к непредвиденной традицией ситуации. Определяющим признаком инновации являются преодоление имеющихся стереотипизированных программ поведения и созидание новых оригинальных культурных форм в процессе как индивидуального, так и коллективного творчества.

Другим важным свойством, присущим традиции на всех этапах ее функционирования, является вариабельность. Изменяющиеся условия среды, неизбежные преобразования компонентов окружающей среды постоянно нарушают связи структурной детерминации, в итоге по мере увеличения массовости подобных отклонений возрастает не только неопределенность традиционных программ деятельности, но и нередко происходит их отклонение от ранее утвердившихся стереотипов. Когда подобные изменения достигают таких масштабов, что имеют несколько вариантов программы предметнопреобразующей деятельности, наблюдается процесс формирования новой традиции.

При этом не следует забывать, что сущностным ядром всего процесса образования и воспитания является «педагогическая идея», обозначающая стержень, концептуальное начало. Это то, что выражает дух педагогики как таковой и обеспечивает её целостность при смене и разнообразии заимствуемых педагогикой из других наук фундаментальных представлений, а также при смене педагогических парадигм.

Инновационные образовательные процессы в современном российском обществе выносятся на суд широкой педагогической общественности

адекватные требованиям времени разработки, которые вполне конкурентоспособны в сравнении с западным образовательным опытом. Однако груз проблем самого широкого спектра, внимание, уделяемое преимущественно ступеням (циклам) организации образования, не способствуют тем усилиям со стороны педагогической общественности, которые необходимы для внедрения нового. Внедрение новых технологий обучения, как правило, предполагает существенные усилия по повышению квалификации педагогов. Нередко инновационный опыт предусматривает комплекс достаточно специфических образовательных условий, предполагающих понимание и существенную организационную поддержку со стороны руководства учебного заведения.

Что касается педагогической теории, то ее содержание не способствует формированию подлинной педагогической культуры преподавательских кадров. Педагогика абстрагировалась от норм научной, диалектической философии. Так, определение ее предмета и изложение принципов дидактики, по сути дела, не претерпели качественных изменений со времен Я. А. Коменского. Из поля зрения этой науки выпали такие требования диалектики, как принцип историзма, совпадение исторического и логического, восхождение от абстрактного к конкретному, объективность рассмотрения и др. Педагогика «забыла» суть закона единства (тождества) противоположностей, т. е. не учит искусство выявления и разрешения противоречий в излагаемом материале. Педагогика при разработке своих проблем возвращается в рамках чисто рассудочной, формальной логики, что часто приводит к догматизму, софистике, эклектике и схоластике.

Специфика исследуемых отношений заключается в том, что речь идет о взаимодействии, с одной стороны, инновации, с другой – образования как социального института и процесса, который, в свою очередь, рассматривается в качестве одного из важнейших ресурсов развития, ибо если нет развития человека, его способностей и его творческих сил без образования, то и образование (наряду с наукой или вместе с ней) становится важнейшим ресурсом развития [4].

В современных условиях общественного развития, когда глобализационные процессы охватили все страны мира, *первое направление интенсификации* особое внимание уделяет развитию способностей, универсальным особенностям деятельности обучающегося, в частности самостоятельности, самоорганизации, приемам оптимизации жизнедеятельности. Затраты учебного времени при этом компенсируются возросшей продуктивностью познавательной деятельности в целом. *Второе направление интенсификации* предусматривает целенаправленное развитие лич-

ностных качеств в совокупности с достижением учебно-воспитательных целей в конкретной области знания. Таким образом, педагогическое воздействие в рассматриваемом случае стремится к такому содержанию, которое обеспечивало бы и всестороннее развитие личностных качеств обучающегося, и эффективное достижение учебно-воспитательных целей. Ко второму направлению интенсификации может быть отнесено большинство современных систем обучения (развивающее, проблемное обучение).

При реализации, прежде всего, второго направления интенсификации наиболее остро заявляет о себе проблема разработки таких подходов к обучению, которые доступны для освоения преподавательским составом, и благодаря этому технологичны и эффективны в ходе их применения. Острота проблемы во многом обусловлена стремлением совместить учебный процесс и диагностичное развитие способностей обучающегося, что приводит к сложности и громоздкости попыток технологизировать инновационную практику. При этом все равно не удастся избежать высоких требований к педагогическому мастерству, интуиции, креативным способностям педагога.

В основу новой гуманистической парадигмы закладывается мощный гуманитарный компонент, который способен изменить человека, его мировоззрение, систему ценностей, моральные установки и нравственность, интеллект и образованность.

Смысл любых педагогических нововведений, так же как и нынешних реформ российской системы образования, может быть правильно понят лишь путем прояснения их философских предпосылок, философских оснований. К таким основаниям, т. е. причинам и условиям, порождающим различные направления реформационной деятельности в сфере образования, принадлежат философские представления о человеке, его бытии и познании, об обществе, о культуре, о свободе, индивидуальном и историческом творчестве людей [5].

Инновационный тип развития обусловил особенности формирования человеческого капитала. Прежде всего, это неразрывная связь образования с производственной деятельностью на протяжении всей трудовой жизни специалиста, и здесь решающую роль должна играть система непрерывного обучения, где на первый план выходит творческий элемент.

Радикальная реформа отечественного образования, а не паллиативные решения в виде различных «модернизаций» и «оптимизаций» существующего – необходимое условие для того, чтобы наше общество стало конкурентоспособным во всех сферах общественного бытия, не утратив при этом своей самобытности, оригинальности,

своеобразия, благодаря которому мы сможем сохранить свою уникальную культуру. Следовательно, образование – основной источник формирования социального капитала, важнейшая ступень развития личности.

Рынок труда в постиндустриальном информационном обществе принципиально изменился. Современный человек вынужден менять свою специальность в среднем каждые пять лет. Вместе с тем, как показывают современные исследования, успех в какой-либо деятельности практически не зависит от полученной специальности [6].

В общих чертах социальный заказ образованию на подготовку новых специалистов – творцов будущего был дан лидерами восьми ведущих государств в 2006 г. на саммите в Санкт-Петербурге. В принятом здесь документе «Образование для инновационных обществ XXI в.» провозглашено намерение уже в ближайшем будущем построить глобальное информационное общество. Основные итоги саммита следующие:

- новые стандарты образования и перестройка образовательных систем;
- новая иерархия в содержании образования (с усилением роли математической, инженерной и естественнонаучной подготовки);
- новые преподавательские кадры и новая педагогика, ориентированные на использование современных технических средств;
- активные формы и методы обучения;
- новый образовательный продукт, ответственный за результаты деятельности, готовый к постоянному инновационному творчеству, самосовершенствованию, успешной партнерской деятельности.

Важной характеристикой современного образования, претендующего на мировой статус, является реализация новых приоритетов, целей инновационного образования с усилением его воспитательной функции. В триаде традиционного образовательного цикла «знания – умения – навыки» время властно требует поставить на первое место политические, нравственные и культурные ценности, международные нормы и правила поведения людей. Недооценка или игнорирование социальной составляющей личности человека-творца в условиях глобализации становятся исключительно опасными для выживания человечества [7].

Отличительной чертой современности является динамизм процессов, происходящих во всех сферах жизни общества, стремительно изменяющихся образовательные практики. Можно выделить следующие основные тенденции изменений:

- новая миссия образования – создавать целостность образовательного пространства;
- мировая тенденция поиска новой парадигмы образования (ограниченность классической

модели образования; разработка новых фундаментальных идей; появление новых форм образовательных практик);

– использование в международной практике образовательного индекса в качестве критерия оценки уровня развития страны;

– формирование открытого образовательного пространства (компьютеризация, информатизация и гуманизация образования; создание системы непрерывного образования; свободный выбор профиля обучения; практика образовательных обменов; развитие международных образовательных связей и пр.);

– расширение парадигмы обучения – от созерцания к деятельности, от деятельности к личности (обучать мышлению, способам деятельности, рефлексивным представлениям);

– смена представлений о месте человека в образовательной практике: от роли «винтика» к «личности» и на современном этапе – к ее «сущности». Личность, наделенная субъективными свойствами (автономностью, зависимостью, способностью к выбору, рефлексии, саморегуляции и т. п.), а не только социальными качествами, становится системообразующим фактом педагогического процесса.

В целом, процессы модернизации образования сходятся на личности, и в центре новых процессов – изменения в понимании роли образования в современном мире, который рассматривается как мир возможностей, целостности и смысла, в который вводятся усилиями индивидуального действия – разума, эмоций, воли, в котором активность и право выбора принадлежат индивиду [8].

При всем многообразии инновационных проектов и попыток диверсифицировать школу основной «проблемный узел» борьбы традиций и инноваций лежит в плоскости фундаментального противоречия образования – между интересами социума и личности. Наиболее ярко это противоречие выражается в противопоставлении двух систем образования: так называемой «*знаниевой*», которая нацелена, прежде всего, на передачу новым поколениям богатого культурного наследия предшествующих поколений с целью адаптации их к жизни в социуме и воспроизводства самого социума, и *развивающей системы*, которая призвана служить задачам развития каждого человека как индивидуальности [9].

Известно, что человек входит в мир образования, являясь носителем определенного социокультурного опыта, представленного в виде имеющихся, часто неосознанных, знаний, аккумулированных на уровне каких-либо местных ценностей. Это требует от педагогического центра федерального уровня более тесного отслеживания региональных потребностей в области образовательных инициатив. В то же время посте-

пенно происходит перенос акцента с обучения на учение и самообразование. Это связано с представлением об образовании как средстве приобщения к знаниям о том, как разрешить те или иные проблемные ситуации.

В процессе социализации человек усваивает знания, нормы и регулятивные принципы, в том числе и такие, которые определяют научное мировоззрение, являющееся основополагающим, базисным в нашу эпоху. Это позволяет утверждать, что освоение научной реальности составляет неотъемлемую часть социализации. В процессе социализации интериоризируются основные правила не только поведения, но и мышления. Уже на уровне первичной социализации происходит определенное соприкосновение с научной реальностью, а наука во многом определяет современное мировоззрение.

Социальный заказ, который стоит перед системой образования сегодня, можно сформулировать в самой общей форме как формирование инициативной, предприимчивой, самостоятельной личности, открытой для постоянного самообразования, готовой к новациям и изменениям. Однако этот заказ обычно отдает предпочтение традиционным формам обучения, поэтому он не отражает личностной ценности образования, индивидуально-мотивированного отношения человека к собственному образованию. Образование в меняющемся и усложняющемся мире выступает в качестве особой ценности, в обмен на которую можно получить многие блага. Система образования целостно и автономно встроена в систему «параметров порядка» цивилизации. Циклы взаимодействия этих систем развиваются в настоящем времени при помощи причинно-следственных каузальных, непосредственных связей, а в прошлом и будущем времени – при помощи синхронных, опосредованных связей. Система образования – это, пожалуй, единственная социальная система, которая связывает судьбу личности и других субъектов истории с судьбой цивилизации [10].

Примечания

1. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 466.
2. Рубцов В. В. Проектирование образовательных систем как вид социальной практики // Образование: традиции и инновации в условиях социальных перемен. М., 1997. С. 36.
3. Беляева В. А. Основы проектирования инновационных педагогических технологий в современной школе // Педагогические технологии в современной школе. Рязань: Изд-во РГПУ, 1996.
4. Маркович Д. Ж. Образование как ресурс развития // Образование: традиции и инновации в условиях социальных перемен. М., 1997. С. 14–15.
5. Стрельченко В. И. Рациональность и гуманистические идеалы образования // Credo. 2006. № 1. С. 141, 157.

6. Высшее образование в России: состояние и направление развития: аналит. докл. / под ред. В. Л. Глазычева. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 10.

7. Панафин А. С. Глобализация в условиях современного мира // Философия образования. 2008. № 4(25). С. 238.

8. Иванкина Л. И. Дискурс образовательных практик: тенденции изменений // Философия образования. 2005. № 2(13). С. 83.

9. Куницкая Ю. И. Педагогическая позиция: паритет адаптивной и развивающей функций образования // Философия образования. 2005. № 2(13). С. 105.

10. Каширин В. И. Метарефлексия и метаобразование // Метаобразование как философская и педагогическая проблема: сб. науч. ст. Ставрополь, 2001. С. 149–158.

УДК 316.083

В. В. Наумов

ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИНТЕРНЕТА

В статье рассматривается новый тип социального расслоения, возникающий в связи с распространением новой формы коммуникации – коммуникации Интернет. В статье выделяются основания расслоения и социальные группы, формирующиеся по этому основанию.

The article discusses a new type of social stratification, arising from the proliferation of new forms of communication – communication on the Internet. The article highlights the basis of the stratification and the social groups formed in accordance with it.

Ключевые слова: социальное пространство, социология Интернет, социальные группы, социальная стратификация.

Keywords: social space, Internet sociology, social groups, social stratification.

Одним из важнейших достижений, кардинально изменивших образ жизни человечества, является создание и развитие Всемирной паутины, или сети Интернет. Но еще в 1969 г., официально считающемся годом его зарождения, американские военные не могли и предположить, что компьютерная сеть, созданная для надежной передачи данных в случае военной агрессии со стороны Советского Союза, впоследствии образует глобальное информационное пространство, охватывающее уже к 2008 г. более 1,5 млрд пользователей по всему миру (более четверти населения планеты) и продолжающее динамично развиваться и по сей день.

С невероятной скоростью Интернет распространился и в России, так или иначе охватив бо-

лее 70% населения страны, прочно войдя в нашу жизнь и став таким же обыденным явлением, как телефонная связь или телевизионное вещание. Этот новый феномен социального взаимодействия и социального общения с недавнего времени стал представлять большой социально-экономический интерес, однако, к сожалению, в Российской Федерации полномасштабные исследования социальной структуры аудитории Интернета проводились в достаточно ограниченном объеме. В социологической науке, за редким исключением, до сих пор господствует пренебрежительное отношение к Интернету и его аудитории. Во всяком случае, регулярных исследований социальных процессов в сети Интернет проводится крайне мало, а опросы, предлагаемые сегодня на большей части сайтов, имеют к научным исследованиям косвенное отношение. Исключением выступают отдельные эмпирические исследования, проводимые с 2007 по 2010 г. ВЦИОМ и в середине «нулевых» годов ФОМ и КОМКОН. Однако и здесь интерес представляет вовлеченность различных социальных страт реального мира в интернет-взаимодействие, но не стратификация, возникающая в интернет-сообществе и ее влияние на социальную структуру реальности.

Вместе с тем Интернет в России из сферы досуговой и коммуникативно-развлекательной все более превращается в одно из ведущих социальных пространств, охватывающих, по экспертным оценкам, почти треть взрослых россиян. В интернет-пространство перемещают свои действия крупные и средние компании, политические партии, средства массовой информации. Столь массовое перемещение социальных и экономических факторов в новое коммуникативное пространство приводит к усилению его неоднородности. Возникает естественное расслоение интернет-аудитории. Однако структура этого социального расслоения и его влияние на стратификацию до сих пор не стали предметом специального научного исследования. Отсутствие систематически организованных позитивных исследований этой проблемы в нашей стране (до настоящего времени здесь господствуют философы) приводит к росту неопределенности и в разработке бизнес-стратегий, и в наших представлениях о социальной структуре общества в целом, формах организации групповой солидарности.

Представляется, что в Российской Федерации сложилась ситуация, когда Интернет воспринимается россиянами, во-первых, как источник информации, во-вторых – как средство связи, в-третьих – как мощный инструмент развития бизнеса и деловой активности и, наконец, в-четвертых – как источник развлечения [1].

В то же время практически нет специализированных социологических исследований в об-

ласти внутренней структуры аудитории русского Интернета, ее взаимодействия с реальной социальной структурой общества. Не прослежены формы конвертации социальной структуры Интернета в социальную структуру общества за его пределами. Тот факт, что Интернет давно стал социальным явлением, которое уже сегодня сильнее всего воздействует на социальную структуру общества, практически проигнорирован российской научной мыслью.

Сегодня уже излишне говорить о значимости Интернета для самых разных сторон нашей жизни. Термин «информационное общество» из интеллектуальной экзотики стал несомненной реальностью для сотен миллионов жителей нашей планеты [2]. Несмотря на то что Интернет, особенно скоростной – относительно недавний гость на российских просторах, его распространение также становится уже значимым социальным фактором. История становления русского (советского) Интернета крайне стремительна. На протяжении жизни менее чем одного поколения он радикально изменил образ жизни миллионов граждан страны [3]. Число пользователей Интернета в России, по оценкам фонда «Общественное мнение», составляло в 2007 г. около 12,5 млн человек (11% населения).

Аудитория Интернета предстает перед нами сложностратифицированной, причем в двух аспектах. Во-первых, сами пользователи сети, чаще всего, представляют вполне конкретные социальные и социально-профессиональные страты. Скажем, Интернет уже достаточно прочно вошел в качестве структурообразующего элемента страты банковских работников и, шире, финансистов. Столь же неотъемлемым атрибутом выступает Интернет и в рамках профессионального сообщества журналистов, ученых. С другой стороны, само интернет-сообщество достаточно четко стратифицировано, исходя из того, как часто и для чего используется Интернет. На сегодня уже существуют данные, позволяющие сделать вывод о том, какие страты русского общества в целом наиболее активно представлены в Мировой паутине. Прежде всего, это данные опросов Всероссийского центра исследования общественного мнения. Некоторые до-

полнительные данные содержат работы Б. Докторовой, П. Залесского и некоторых других [4]. Итак, попробуем, ориентируясь на эти данные, нарисовать портрет аудитории русского Интернета. Здесь и далее будем опираться на результаты опросов, приведенные в работе О. Павленко [5] (табл. 1).

Как видно из табл. 1, все больше россиян регулярно используют сеть Интернет (т. е. пользуются ей не реже чем несколько раз в месяц): так, если в 2006 г. доля таких респондентов составляла 19%, то сейчас – уже 38%. При этом большая часть в данной группе обращается к сети ежедневно (23% против 5% в 2006 г.), еще 11% – еженедельно, 4% – ежемесячно. 1% пользуются Интернетом эпизодически. Постепенно снижается доля тех, кто вообще не использует Интернет (с 76% в 2006 г. до 60% в текущем году).

Регулярный пользователь сети Интернет – это, чаще всего, житель Уральского или Центрального округов (48 и 45% соответственно), обеих столиц (68%), респондент в возрасте 18–24 лет (70%), с высоким уровнем образования (57%) и материального положения (51%). Таким образом, выявляется не только социальное, но и социально-географическое неравенство между пользователями Интернета. Речь идет уже не столько о большей или меньшей технической грамотности, сколько о материальных затратах пользователей. Так, пользователь Московского региона тратит на «покупку» скоростного Интернета в 4–5 раз меньше, чем житель Приморья. Соответственно, определенная часть пользователей «отсекается» по материальным основаниям (см. табл. 2).

Как и прежде, Интернет нужен его пользователям (согласно табл. 2), главным образом, для работы или учебы, однако доля таких респондентов снижается (с 77% в 2006 г. до 58% в текущем году). Однако «работа» здесь понимается более как поиск информации, нежели активное продвижение собственной. В то же время больше становится тех, кто использует глобальную сеть для ведения переписки (с 42% в 2008 г. до 51% в текущем году). В числе прочих аргументов пользования Интернетом – расширение кругозора и получение новостей (49 и 48% соответственно). Растет доля россиян, использующих

Таблица 1

Пользуетесь ли вы Интернетом, и если да, то как часто? (закрытый вопрос, один ответ)

	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Практически ежедневно	5	11	15	23
Несколько раз в неделю	8	9	8	11
Несколько раз в месяц	6	7	6	4
Эпизодически, но не менее 1 раза в полгода	4	3	3	1
Не пользуюсь	76	69	69	60
Затрудняюсь ответить	1	0	0	0

Интернет для того, чтобы общаться с другими людьми (с 20% в 2006 г. до 39% в текущем году), слушать музыку, смотреть фильмы, читать книги (с 20 до 38%), искать единомышленников (с 9 до 28%), играть (с 11 до 21%). Как видно из результатов опроса, за 4 года доля россиян по каждому из этих показателей выросла в среднем в два раза. Немаловажным фактором является совершение продаж и покупок через Интернет (12%). В меньшинстве – те, кто ищет в Интернете сайты эротического содержания (5%).

Согласно опросу (табл. 3), в Интернет пользователи чаще всего выходят дома (82%). Сравнительно меньше тех, кто выходит в сеть на рабочем месте (13%). В меньшинстве – те, кто пользуется Интернетом в гостях (3%) или в интернет-кафе (1%). В целом, независимо от возраста, россияне чаще всего пользуются Интернетом дома и, в первую очередь, это касается пожилых сограждан – в этой группе респонденты выходят в глобальную сеть только дома (96%). На работе Интернетом чаще других пользуются 45–59-летние сограждане (22% против 8–14% в других возрастных группах).

Наиболее активное время пользования глобальной сетью – с 19.00 до 23.00 часов, именно в это время выходят в Интернет большинство опрошенных (60%). Каждый четвертый делает это во второй половине дня, после обеда, с 15.00 до 19.00 (24%). Значительно меньше тех, кто использует Интернет в обеденное время, с 12.00 до 15.00 (16%), утром, с 7.00 до 12.00 (13%), или ночью, с 23.00 до 7.00 (12%). Стоит отметить, что респонденты, активно использующие Интернет на работе, в отличие от остальных пользователей, чаще всего выходят в сеть в послеобеденное время, с 15.00 до 19.00 (56%) или же в обеденное время, с 12.00 до 15.00 (41%). Однако сам по себе факт использования Интернета в минимальной степени характеризует социальную общность. Разве что (и то не всегда) отделяя тех, кто пользуется Интернетом, от тех, кто не пользуется. Пожалуй, существенным здесь выступает то, зачем именно пользователи входят в виртуальное пространство. Как уже было сказано выше, большая часть используют Интернет для учебы или работы. Однако столь общие ответы не дают наглядной картины того, как именно используется Ин-

Таблица 2

Для чего вам необходим доступ к сети Интернет?
(закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто пользуется Интернетом)

	2006 г.	2008 г.	2010 г.
Для того чтобы следить за новостями, событиями в мире и стране	44	39	48
Для работы/учебы	77	62	58
Для пользования электронной почтой, ведения переписки	44	42	51
Чтобы слушать музыку, смотреть фильмы, читать книги и пр.	20	28	38
Чтобы играть	11	14	21
Для просмотра сайтов эротического содержания	3	6	5
Для общения с другими пользователями в чатах, на форумах и т. д.	20	29	39
Для поиска друзей, людей, близких по интересам	9	16	28
Для совершения покупок онлайн	0	0	12
Для получения необходимой информации, расширения кругозора	0	0	49
Другое	1	4	1
Затрудняюсь ответить	2	2	0

Таблица 3

Где вы чаще всего пользуетесь Интернетом?
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто пользуется Интернетом)

	Все опрошенные	Возраст				
		18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
У себя дома	82	83	82	83	6	96
На своем рабочем месте	13	8	14	11	22	0
У родственников, друзей, знакомых	3	5	2	4	0	0
На учебе	0	2	0	0	0	0
В интернет-кафе	1	1	1	1	1	0
Другое	1	1	1	0	1	0
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	0	4

тернет в этих процессах. Здесь встречаются такие варианты, как прослушивание интернет-лекций ведущих ученых и педагогов и, шире, дистанционное образование; получение и выполнение домашних заданий через специализированные форумы и группы (чаще всего «ВКонтакте» и «Живом журнале»); использование материалов, размещенных на справочных сайтах, при выполнении заданий и подготовке к семинарам; коммуникация с удаленным партнером в онлайн-режиме; проведение отдельных операций (перечисление средств, электронные платежи и т. д.); ведение электронного документооборота; деловая переписка.

Очевидно, значимость Интернета различается в зависимости от типа деятельности. В одних случаях это эпизодическое использование. Сами формы использования, по существу, дублируют те, которые уже сложились «в реале». Скажем, можно обратиться к справочникам, но интернет-справочники быстрее и доступнее, можно написать письмо, но электронная переписка намного оперативнее. В других случаях операции с использованием Интернета существенно меняют структуру самой деятельности: скажем, электронные платежи или онлайн-конференции. Наконец, третий тип деятельности возможен только в виртуальном пространстве. Он создается им и не может существовать без него. Это виртуальные биржи, интернет-издания, постоянно действующие виртуальные семинары и тому подобные формы активности.

Вполне понятно, что лица, включенные в интернет-деятельность, проводят в сети существенно больше времени. Если в Европе, по данным, приводимым Р. Карабановым [6], такая аудитория составляет более 35% пользователей, то в России – чуть более 12%. При этом большая их часть сосредоточена в крупнейших городах-миллионниках, прежде всего в столицах.

Другая массовая форма использования Мировой паутины – получение информации о новостях, событиях в мире. Здесь тоже возникают вариации: от эпизодического обращения к новостным разделам поисковых систем до полной переориентации на информацию в интернет-таблоидах, блогах и т. п. В последнем случае, как показывают эмпирические работы М. Мак-Люэна и некоторых авторов [7], возникает качественно иное информационное пространство, особенно если пользователь ориентируется не только на русскоязычные сайты, но и на сайты на иных языках. Показательно, что число таких пользователей в России (точные данные отсутствуют), по экспертным оценкам, также колеблется в районе 12%.

Сильно дифференцированы и социальные агенты, для которых Интернет – возможность про-

смотра новых кинофильмов, чтения книг, прослушивания музыкальных произведений. Хотя большая часть из этой группы принадлежит к младшей возрастной когорте, определенное число пользователей воспринимают это как часть своей профессиональной деятельности (ученые, кинематографисты, критики, дизайнеры и др.). Число этих пользователей к общему числу участников группы – от 18 до 22%. Именно они входят в группу наиболее частых посетителей Мировой паутины.

Пожалуй, наиболее однородна группа (достаточно многочисленная, по данным опросов), целью которой является расширение кругозора. Это наиболее нерегулярные посетители, основная масса которых входит в самую младшую и в самую старшую возрастную когорту [8].

Таким образом, аудитория российского Интернета не только включает в себя представителей различных слоев населения, дифференцированных по уровню дохода, образовательному статусу, профессиональной принадлежности и месту жительства, но и сама порождает внутреннюю дифференциацию [9]. Стратифицирующими факторами здесь выступают время, проводимое в Мировой паутине, виды деятельности, социальная значимость (престиж) данного вида деятельности.

Наложение этих факторов друг на друга и позволяет описать наиболее важные группы аудитории русского Интернета.

Широкая группа пользователей, эпизодически посещающая Мировую паутину, использует ее в качестве «помощника» для осуществления основной деятельности, протекающей вне сети. Как правило, Интернет выступает элементом престижного потребления, формой демонстрации собственной «прогрессивности» («посетители»). В отношении возраста и дохода эта группа дифференцирована слабо, как и в отношении места жительства.

Группа пользователей, ориентированная на информационный сектор Интернета – читатели блогов, зрители кинофильмов, получаемых через Интернет, и т. д. Здесь регулярность посещений возрастает. Однако активность этой группы, как правило, ограничивается размещением комментариев, созданием групп по интересам в сетях типа «Одноклассники» или размещением впечатлений о поездках и встречах («пользователи»). Это, как правило, люди среднего возраста (35–50 лет) и дохода, ощущающие недостаток традиционных СМИ, потребность высказать свое мнение.

К группе «активных пользователей» можно отнести социальных агентов, не ограничивающихся посещением, чтением и комментированием. Эти люди, в значительной части, ведут свои блоги,

активно участвуют в форумах, создают темы для обсуждения, затевают дискуссии. Наиболее активные из них размещают статьи, участвуют в работе электронных СМИ и пр. При всей разнообразности видов деятельности участников этой группы можно обнаружить в их облике некоторые общие черты. Как правило, это представители младших и средних возрастных групп, жители крупных городов, проводящие в Интернете значительную часть жизни (до 50% активного времени). Интернет является для них другой реальностью. В «обычном» мире эти люди зарабатывают деньги, выполняя, чаще всего, достаточно рутинную работу.

Последний кластер пользователей – люди, профессионально связанные с Мировой паутиной. Это не только администраторы сайтов и журналисты интернет-изданий. Это игроки и операторы международных финансовых рынков, ученые, предприниматели, государственные служащие, маркетологи и многие другие. Как правило, это люди с доходом выше среднего, средней возрастной группы, проживающие в крупных городах с развитой информационной и экономической инфраструктурой. Они не только пользуются информацией, размещенной в сети, но и создают эту информацию («оператор информационного пространства»). Поскольку досуговые формы здесь тоже зачастую связаны с Мировой паутиной, то определить точное время присутствия в сети здесь крайне сложно. В интервью представители группы определяют это словами «живу в сети».

К сожалению, существующие данные всероссийских опросов не позволяют точно определить количество участников, входящих в каждую из выделенных групп.

Итак, подведем итоги. Интернет уже прочно вошел в нашу жизнь, большинство «продвинутых» людей уже не представляют свою жизнь

без него. И несмотря на то что в нашей стране он стал развиваться с некоторым запаздыванием от стран Западной Европы и США, и у нас (по крайней мере, у большинства городского населения) он стал неотъемлемой частью жизни, быта, досуга. Как и все нововведения, Интернет имеет и отрицательные особенности, как, например, распространение компьютерных вирусов, нежелательного контента для определенных слоев населения (например, сайты эротического содержания, одинаково доступные и взрослым, и детям), а также вызывает зависимость (как правило, от онлайн-игр и социальных сетей), которые, однако, с лихвой компенсируются положительными качествами, уже описанными в данной статье. Развитие Интернета, особенно в плане его доступности и просвещения населения, сулит нашему обществу большие перспективы.

Примечания

1. Соколова А. Н. Электронная коммерция: мировой и российский опыт. М.: Открытые системы, 2003.
2. Иноземцев В. А. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус: Век, 1995.
3. Докторов Б. Интернет – новое российское чудо // Петербургский журнал социологии. 1999. № 2. С. 5–7.
4. Залесский П., Спектор М. Сколько нас? Какие мы? Портрет российской интернет-аудитории // Мир Internet. 1999. № 7–8(34–35).
5. Павленко О. Интернет-аудитория и интернет-коммерция Дальнего Востока России // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2009.
6. Карабанов Р. Электронная система расчетов в Интернете // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 2001. № 1. С. 96–98.
7. Иноземцев В. А. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус: Век, 1995.
8. Журавлева Е. Ю. К содержанию понятия «Интернет» // Труды Всероссийской научной конференции «Гуманитарная информатика» (9–12 ноября 2004 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2004.
9. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

С. М. Окулов

ФИЛОСОФСКО-ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КОМПЕТЕНЦИЯХ И НЕ ТОЛЬКО ...

Сделана попытка осмыслить проводимую реформу высшего образования с точки зрения изменения сознания человека.

The author attempts to comprehend the contemporary higher school reform from the point of view of changes in public consciousness.

Ключевые слова: реформа, университет, сознание.

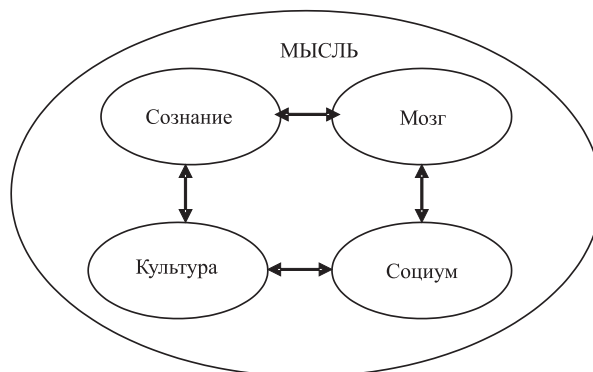
Keywords: reform, university, consciousness.

В настоящее время происходит реформа высшего образования России. Сделаем попытку анализа этих преобразований с точки зрения сознания человека, точнее, тех изменений в сознании человека, к которым приведет это реформирование.

В качестве методологической схемы примем следующий простой принцип [1]. У человека возникает мысль. Естественно, что с этим связаны определенные процессы, происходящие в мозге последнего, но не только. Любая наша мысль соотносится с тем, если так можно выразиться, культурным фоном, в котором «обитает» человек. Мысли человека не просто влетают ему в голову из ниоткуда, база их – это культура (среда) его обитания. Человек действительно может «приподняться», выйти за пределы (иначе не было бы нового) культурного слоя своего обитания, но влияние последнего очевидно, и без него ни одна мысль не зародилась бы в его мозге. Примеры людей, воспитанных животными, наглядно показывают, что мозг человека, лишенный культуры, не мыслит самостоятельно на вербальном уровне.

Однако и культура не есть некая абстракция, она не подвешена в воздухе сама по себе, она связана тысячами нитей с материальной (социальной) составляющей нашего бытия. Эта составляющая включает и производственные силы, и типы используемых технологий, и место обитания, и своды существующих законов, и типы по-

ведения человека и так далее. Назовем эту составляющую для краткости социумом. Итак, любая наша мысль, индивидуальная мысль, имеет, если так можно выразиться, четыре измерения (см. рисунок). Между измерениями нет жестких следственно-причинных связей типа «материя – первична, сознание – вторично». Имеет место переплетение связей, причем переплетение во времени. Например, некое «силовое» социальное решение, претворяемое в жизнь, приводит к культурным изменениям, к появлению новых мыслей у человека, реализуемых в социуме. А если человек не один, а их много? Тогда говорят о массовом (социальном) сознании. Но это исходное решение есть результат чьей-то мыслительной деятельности. Каждое явление (мысль) есть и причина и следствие. Все движется по кругу, причем по многослойному кругу, и «ходить» по этому кругу можно в любом направлении. «Разгрести» эту мешанину сверхсложно и обычно, человеку проще оставаться (мыслить) в рамках определенных схем, называемых редукционистскими. Упрощая наш исходный принцип, исключим физиологическую основу мысли – мозг. Анализ того, как наши мысли влияют на мозг (его структуру, развитие определенных участков и т. д.), – предмет специальных исследований (в этом направлении наукой получены, вероятно, только некие частные зависимости), но то, что такая зависимость есть, как и обратная, примем как факт, подтвержденный практикой.

Четыре измерения мысли

Итак, вернемся к теме нашего обсуждения. В социуме принято решение о переходе на двухуровневую систему обучения в высшей школе, что,

согласно утверждениям идеологов, обеспечит вхождение России в образовательное пространство Европы (а были ли другие способы вхождения?). Анализ причин этого решения – проблема отдельного исследования. Такие силовые решения были в истории страны, это не первое. Достаточно вспомнить приход к власти коммунистов и время их правления. Было заявлено, что дети пролетариев получают неограниченные возможности в части образования. И действительно, в первое время Россия получила тысячи плохо подготовленных инженеров и ученых (достаточно вспомнить фамилию Т. Д. Лысенко). Одним из последствий этого явления стало лидерство России по растрате природных ресурсов, загрязнению среды обитания и так далее. В какой-то степени высшее образование со временем «выправилось», особенно в естественнонаучном направлении. Однако последствия идеологии «кухарка может править государством», или, что то же самое, принадлежность партии является необходимым, а иногда и достаточным, условием принадлежности к правящей элите во всех видах деятельности, продолжают сказываться во всем. Выделим ряд ключевых моментов на уровне социума при принятии решения о новой структуре высшего образования:

– в конце прошлого века в России помимо всего прочего произошла идеологическая революция (произошел и происходит массовый сдвиг в сознании людей), ключевым моментом которой является понятие «рынок», рынок во всем, с его основополагающим принципом потребления «получить как можно больше, а заплатить при этом как можно меньше»;

– сохранившаяся тенденция (уже на уровне менталитета) – высшее образование любой ценой, уверенность родителей в том, что диплом о высшем образовании позволит их детям занять более достойное место в жизни (понятие «достойное» все больше связывают с понятием «обеспеченное»);

– коммерциализация высшего образования при низком уровне финансовой обеспеченности основной массы населения;

– «затратность» для государства как структуры содержания существовавшей бесплатной системы получения высшего образования (сюда входят и затраты на поддержку всех систем, стоящих над вузами – управленческих, исследовательских и так далее).

В чем же суть образовательных стандартов высшего образования нового поколения? В основе их, особенно в основе первого уровня, лежат два «кита»: так называемая компетентностная модель подготовки студента (ориентированное на компетенции образование, слово «модель» явно лишнее) и модульно-рейтинговая схема оцен-

ки знаний. Попробуем понять, в чем суть этого реформирования, «сильно ли обстригается дерево» высшего образования или, наоборот, оно разрастается. А главное, к каким трансформациям в сознании оно может привести или уже приводит.

Компетенция (лат. *competere* – добиваться, соответствовать, подходить) – знания, опыт человека в определенной области, дающие ему возможность глубоко понимать сущность явлений, событий и тому подобное [2].

Из истории понятия. Оно идет из теории обучения языкам [3], затем распространяется на профессионализм в управлении, в обучении общению, в целом, начинают говорить о социальной компетенции – Дж. Равен, 37 видов компетентности [4]. И, конечно, понятие «подхватывается» педагогикой – Н. В. Кузьмина, пять видов профессионально-педагогической компетентности [5]. А затем процесс идет по нарастающей, но грань между классическими знаниями, умениями, навыками (академический подход к образованию и оценке его результатов) и профессиональной компетентностью остается расплывчатой. Наряду с понятием «компетентность» используют его синоним «базовый навык» [6]. Итог можно было бы подвести следующим «содержательным» определением: «Ключевые компетентности суть самое общее и широкое определение адекватного проявления социальной жизни человека в современном обществе» [7], но оно не проясняет ситуацию. Еще вариант: «Компетентностная модель освобождает от диктата объекта (предмета) труда, но не игнорирует его, тем самым ставит во главу угла междисциплинарные, интегрированные требования к результату образовательного процесса» [8].

Снимем «пенообразующий» слой (высказывание не носит негативного оттенка – любое явление при его обсуждении, разработке имеет эту составляющую), а попытаемся угледеть суть.

Определенный разрыв между профессиональной подготовкой выпускника вуза и требованиями, предъявляемыми, скажем так, производством, был всегда и до проводимой реформы. Идеологи преобразований, используя данный факт как исходное утверждение, говорят о том, что в результате внедрения новой схемы подготовки этот разрыв будет фактически устранен за счет формирования новых качеств специалиста. Эти качества появятся у выпускника в результате развития многих личностных (компетенции: здоровьесбережения, ценностно-смысловой ориентации в мире, гражданственности, самосовершенствования и т. д.) и социальных компетенций (социального взаимодействия с обществом, общения и т. д.), определяющих его конкурентоспособность на рынке. Предположим, что это действи-

тельно так. Но как достичь этих компетенций? Фактически перечень компетенций спускается свыше по каждому направлению подготовки специалиста, и перечень дисциплин учебного плана также задан. Устанавливается некое соответствие между дисциплинами и компетенциями – и все. Найден исключительно «красивый» выход из положения. Мы, по большому счету, не знаем, чего достигать, тем более как этого достигать, но мы можем условно сформулировать то, чего хотелось бы достичь. Исходя из этого, свяжем наши желания с тем, что есть, и будем считать, что желаемое достигается («хотели как лучше, получилось как всегда»).

Второй «кирпичик» реформирования основан на введении модульно-рейтинговой схемы оценки достижений студентов с последующей проверкой этих достижений путем тестирования. По большому счету, все виды деятельности студента оцениваются условными баллами и при сумме баллов, превышающей некое пороговое значение, считается, что предмет изучен, а если еще и пройден тест, то все замечательно. При этом система баллов известна заранее, и можно просчитать, как получить результат, затрачивая минимальные усилия (получаем то, что требуется, платим минимум умственных усилий – рынок). Системы тестирования имеют некую общую составляющую – с их помощью оценивается некий минимум знаний. Не требуется мыслить критично, независимо, продуктивно, не требуется самостоятельно (дополнительно) разбираться в глубинах изучаемого предмета. Это не оценивается. Студент и до университета долгие годы в школе «работал» на оценку. Многим и в голову не приходит, что учение может иметь какую-то другую ценность, помимо оценок.

А сейчас обратимся к сознанию человека, определяемому как совокупность мыслей, возникающих при его деятельности. Человека можно заставить делать все что потребуется, единственное, что невозможно заставить – это «впадать» в состояние мысли, пребывать в состоянии мысли, а по-простому – мыслить. Человек может делать это только сам. И по большому счету предназначение преподавания не в том, чтобы сообщать некую заданную сумму фактов по изучаемому предмету (хотя и это требуется), а в том, чтобы студент захотел «впадать» и «впадал» в состояние мысли по проблематике предмета. Очевидно, что только в этом случае на выходе системы высшего образования мы получаем действительно профессионала в конкретной области деятельности, легко адаптирующегося к условиям внешней среды, а не человека с документом о высшем образовании, в лучшем случае помнящего некую сумму фактов, связанных с выбранной специальностью.

Требуется ли вводимая система пребывания студента в состоянии мысли? Нет. Изучается предмет. Заранее просчитываются те усилия, которые следует приложить, для получения желаемого результата (а это может быть и пресловутое «удовлетворительно»), и все (рыночный механизм). Мы имеем некую сделку как по отдельному предмету, так и в целом – некий конвейер по выдаче документов, подтверждающий наличие у выпускника знаний, а не сами знания. Из высшего образования «вынимается душа», университет превращается в фирму по распродаже уцененных дипломов.

«Изъятие души» проявляется и в следующем. Требуется ли от преподавателя достойная работа? Просчитываем те усилия, которые необходимы для успешного прохождения тестирования. «Обстаиваем» свой предмет всей необходимой бумажной документацией, требуемой не для деятельности, а для отчетности по деятельности, которой может и не быть. И все. Высшему образованию в этом случае не требуется преподаватель – личность, профессионал по удержанию студента в состоянии мысли в рамках своего предмета, требуется инструмент для совершения сделки, он и оценивается социумом как инструмент (зарплата доцента вуза – 9000 рублей, начинающего ассистента – около 5000 рублей в месяц).

В итоге произойдет трансформация сознания, и не только студента, но и преподавателя. А задачи? Они выполняются. Запрос родителей о получении их детьми высшего образования будет выполнен, коммерциализация образования продолжится, и оно будет функционировать строго по рыночным законам, государство сократит расходы.

Университеты в последние 20–30 лет в результате попыток бюджетной экономии, противоречивых реформ теряют способность не только к развитию, но и к простому воспроизводству (особенно педагогические вузы), что несет в себе угрозу для страны в целом. Только те страны, в которых студент будет пребывать в состоянии мысли, будет уметь думать и решать проблемы, имеют будущее.

Примечания

1. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006.
2. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов. 3-е изд., испр. и доп. / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. М.: ООО Изд. центр «Азбуковник», 2008.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
4. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.
5. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высш. шк., 1990.

6. Оскарссон Б. Базовые навыки как обязательный компонент высококачественного профессионального образования // Оценка качества профессионального образования: Доклад 5 / под общ. ред. В. И. Байденко, Дж. ван Зантворта. Европейский фонд подготовки кадров. Проект ДЕЛФИ. М., 2001.

7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентности подхода в образовании. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.

8. Байденко В. И., Оскарссон Б. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса // Профессиональное образование и формирование личности специалиста. М.: 2002. С. 22–46.

УДК 101.1(091)(430)

Н. А. Пленкова

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РОЛИ ОБОНЯНИЯ

Статья посвящена рассмотрению важности чувства обоняния в трудах Георга Зиммеля. За возможность распознавать мельчайшие оттенки ароматов человек вынужден расплачиваться возрастанием индивидуализации и изолированности, ставших уже обычным явлением для современной культуры. Кроме того, Георгом Зиммелем была исследована роль искусственных ароматов как способа социальной адаптации.

The article is devoted to considering Georg Simmel's conception of olfactory sensitivity. For the possibility to identify nuances of the finest flavors, mankind has to pay with an increase in individualization and in isolation which has become a common phenomenon in modern culture. Georg Simmel has also investigated the role of artificial flavors in social adaptation.

Ключевые слова: язык запахов, чувство обоняния, обонятельные впечатления, искусственные запахи.

Keywords: the language of smell, the olfactory sensitivity, olfactory impressions, artificial smells.

Проблемы ольфакторной чувствительности долгое время рассматривались лишь с точки зрения естественных наук, однако в последнее время эта тема привлекает внимание гуманитарных дисциплин: антропологии, культурологии, лингвистики. Одним из первых свою концепцию восприятия запахов предложил выдающийся философ и культуролог Георг Зиммель. Небольшое философское эссе «Экскурс о социологии чувств» представляет собой попытку культурософского осмысления роли обоняния в жизни человека. Философские воззрения Г. Зиммеля окажут влияние на все последующие размышления о роли ольфакции, поэтому они, безусловно, заслуживают внимательного изучения.

Эссе «Экскурс о социологии чувств» автор, обладающий ольфакторной сверхчувствительностью, включил в работу «Социология пространства» (1890), однако оно обособлено от основного текста. «Социология чувств» относится к тому подразделу, где речь идет о значении дистанции, пространственной близости и удаленности в жизни человека. Отдельные размышления, касающиеся ольфакторной чувствительности, содержатся и в других работах Г. Зиммеля: «Социологическое значение чужака» (1890), «Философия денег» (1900), «Большой город и психическая жизнь» (1903), «Философия моды» (1905).

Исследователь философских и социологических воззрений Зиммеля Л. Ионин отмечал, что философу на начальном этапе его научной деятельности были свойственны познавательные установки, характерные для позитивистски настроенного натурализма. До наступления эпохи Нового времени обонянию не придавалось большого значения, его роль в жизни человека существенно принижалась. Именно Георг Зиммель вернул обонянию «статус-кво». В своих трудах Г. Зиммель отмечал, что по сравнению со зрением и слухом социологическое значение низших чувств второстепенно, но подчеркивал, что значение обоняния не настолько мало, как это предполагалось ранее [1]. В современном мире люди разучились получать информацию с помощью обоняния, как это было в первобытном обществе, но подсознательно они продолжают остро реагировать на обонятельные впечатления.

Поскольку каждый человек имеет свой индивидуальный аромат, общение между людьми происходит на чувственном уровне. Философ подчеркивает важность обонятельного впечатления в восприятии субъекта по сравнению с познанием, направленным на объект.

Пять чувств, одинаково важных для человека на физиологическом уровне, имеют совершенно разное общественное и культурное оформление. Слух и зрение обслуживаются особыми сигнальными системами – языком и музыкой, текстом и изображением. Соответствующие системы складываются в институциональные конструкции – язык, литературу, искусство, образование. Г. Зиммель, говоривший о подчинении «безграмотных» чувств – вкуса, обоняния, осязания – чувствам более высоким: зрению и слуху, замечал, что обоняние не может претендовать на обеспеченность такими же абстрактными знаковыми системами, какими оперируют слух и зрение. «Обоняние не создает объект, как это делает зрение и слух, а остается, так сказать, заключенным в субъекте, что символически проявляется в отсутствии самостоятельных, объективных называющих выражений для различных запахов», – утверждал философ [2]. Мы часто говорим, что пахнет вкусно,

сладко, кисло, но это все выражения из области вкуса, обонятельные ощущения нельзя спроецировать на уровень абстракции.

Так называемый «язык запахов», который неоднократно пытались создать в разных культурах, не годится для передачи и хранения информации на ольфакторно-воспринимаемых носителях, поскольку он быстро улетучивается. А. Левинсон, один из первых исследователей Г. Зиммеля, предлагает иной способ измерения ольфакторной информации. По его мнению, именно обороты парфюмерной промышленности могут служить мерой объема информации, которая циркулирует по ольфакторным каналам [3]. В данной измерительной шкале сами сигналы, поступающие от ольфакторной системы, будут выдержаны в двоичном коде: «нравится» или «не нравится», запах благоприятный или неблагоприятный, если воспользоваться классификацией запахов Галлера, то их можно разделить на приятные, неприятные и нейтральные. Г. Зиммель считал, что неприятные запахи преобладают. По мнению философа, обоняние, в отличие от всех других чувств, дает поляризованные впечатления, оно пристрастно, оценочные реакции преобладают над нейтральными. Обонятельные реакции не выходят на тот семиотический уровень, где существуют смысловые связки с закрепленными значениями, то есть слова. В то же время обонятельные впечатления гораздо более четко означены в элементарном двоичном коде, чем сложные зрительные и слуховые. Именно это сочетание большой определенности наряду с плохой пригодностью для вербализации и дискурсивного осмысления делает запах парадоксальной действительностью, осязаемой, но неуловимой.

Окружающая человека сфера запаха выполняет функции социальной и межличностной дифференциации: является одной из причин инстинктивных антипатий и симпатий, которые имеют зачастую большие последствия для социологических отношений, например, между двумя расами, живущими на общей территории. Индивидуальный аромат, присущий каждому человеку, складывается из множества различных нот: он зависит от оттенка кожи, обмена веществ, генетической предрасположенности, образа жизни, здоровья, психических и физиологических особенностей, употребляемой пищи. Поскольку разные народы имеют свои особенности, то им присущ свой индивидуальный запах, это является одной из косвенных причин расизма. В «Экскурсе о социологии чувств» Георг Зиммель приводит пример, согласно которому причиной отвержения высшим обществом африканцев является запах, окружающий их тело [4]. Смутную, зачастую непонятно откуда взявшуюся, взаимную

неприязнь между евреями и германцами тоже объясняли этой причиной.

Социальный вопрос, по Зиммелю, – это вопрос носа. Личный контакт между людьми, принадлежащими к различным социальным кругам, в конце XIX в. является важным фактором социального прогресса, «сближение двух миров» оказывается невозможным в силу непреодолимости обонятельных впечатлений. Философ считал, что многие представители высших сословий, несомненно, пожертвовали бы значительной долей личного комфорта, если бы это потребовалось во имя моральных или социальных интересов, они бы отказались от многих привилегий и удовольствий в пользу тех, кто не получил наследства. «Но отдавать и жертвовать они согласились бы в тысячу раз охотнее, чем физически соприкасаться с народом, покрытым «благородным трудовым потом» [5]. Именно запах наиболее ярко повествует о нищете, «никакое зрелище пролетарской нищеты и уж тем более никакой реалистический рассказ о ней, кроме самых вопиющих случаев, не потрясет нас так чувственно и так непосредственно, как тот дух, что встречает нас, когда мы входим в подвальную квартиру или в притон» [6].

В целом с ростом культуры большое значение придается чувствам, действующим на близком расстоянии, люди становятся очень чувствительными на этих коротких дистанциях. Человек с особо острым обонянием получает из-за этой утонченности больше антипатий, чем симпатий, чувствительность современного человека, говорил Зиммель, причиняет ему более страданий, чем приносит удовольствий. Обоняние же изначально есть чувство, рассчитанное на меньшее расстояние по сравнению со зрением и слухом. На определенной дистанции все чувства еще могут уловить нечто, но на более значительном удалении, например, звуки еще слышны, а запахи уже неразличимы. Таким образом, отсюда следует, что при увеличении расстояний чувственность теряет значение [7].

Георг Зиммель высказал предположение, что возрастающая индивидуализация человека и выборочность его связей являются следствием утонченного обоняния. В современной культуре по сравнению с культурой первобытной сфера восприятия всех чувств, очевидно, уменьшается, но возрастает их ценностное значение. Современного человека шокируют и кажутся невыносимыми для его органов чувств многие предметы и явления, которые раньше не вызывали реакции подобного рода. Зиммель отмечал, что с такой, отчасти непосредственно чувственной, отчасти эстетической реакцией, как у него, уже не так легко вступать в традиционные объединения, в тесные связи, в которых не спрашивают о его

личном вкусе, о его личной чувствительности. И это неизбежно ведет к большей изолированности, к более четкому очерчиванию личной сферы. По мнению философа, на примере обоняния эта тенденция заметнее всего: современное стремление к гигиене и чистоплотности является в равной степени ее следствием и причиной [8].

В философском эссе Георга Зиммеля также ставится вопрос об искусственных запахах, о социологической роли парфюмерии. Эта проблема становится актуальной, поскольку именно на рубеже XIX–XX вв. происходит зарождение парфюмерной промышленности, появляются первые парфюмерные дома, которые и сегодня остаются законодателями мод данной отрасли: Lubin, Roger & Gallet, Houbigant, Guerlain. Столица Франции становится средоточием мировой палитры ароматов.

Сам Зиммель под искусственным запахом понимает своеобразный синтез индивидуально-эгоистической и социальной телеологии в области обоняния. По его мнению, духи добавляют к личности нечто взятое извне, однако настолько сливающееся с нею, что оно как бы исходит от нее. «Духи увеличивают сферу человека, как сияние золота и брильянта: тот, кто находится поблизости, погружается в их аромат и таким образом как бы вовлекается в сферу этой личности» [9]. Особенно показательным в данном отношении является то, что духи растворяют личность в целом, однако дают ей характером своего воздействия на чувства более мощное и отточенное выражение, нежели ее непосредственная реальность. Мы ощущаем не просто некий запах, но идентифицируем социальную принадлежность его носителя, в том числе и по запаху дешевого одеколона или дорогих духов.

Правдивую информацию о человеке может дать только его естественный запах, но в целях социальной адаптации люди вынуждены отказываться от него, скрывать его точно так же, как свое тело под одеждой. Парфюмы посылают вместо натурального сигнала о человеке и его теле искусственный, они замещают природный запах рукотворным, поэтому вместо истинного человека возникает некто искусственный. В связи с этим духи перекрывают личную атмосферу и одновременно привлекают к ней внимание. Предполагается, что аромат духов, создающий фиктивную атмосферу, будет приятен любому, что он представляет собой социальную ценность. К указанным выше функциям можно добавить, что «духи должны нравиться независимо от человека, субъективно радовать окружающих, и при этом доставляемая радость должна относиться за счет личности их носителя» [10].

Искусственные ароматы и в современной культуре продолжают выполнять функции, отмеченные Г. Зиммелем. Парфюмерия, зародившись в

недрах XIX в., сегодня является самой элитарной промышленностью. Запах все чаще становится элементом внешней «экипировки», своеобразным требованием, предъявляемым к туалету, символом принадлежности к определенному социальному слою. Кроме того, для современной культуры аромат является знаком индивидуальности, способом выделиться из толпы. С этой целью в XXI в. стали использоваться радикально новые ароматы: запахи фруктов и овощей, кожи, асфальта, резины, микросхем и пыли. Также в последние несколько лет запахи стали постепенно становиться частью жизни человека. С помощью ароматов создают и благоухающую ауру среды обитания, будь то дом или офис. Они незаменимы во время духовных практик, требующих предельной сосредоточенности, например, для занятий йогой.

Таким образом, вклад Георга Зиммеля в осмысление ольфакторной чувствительности человека довольно существенен. Философ, исследуя основные структуры повседневности, обратился к проблеме органов чувств человека, в частности, к социологической роли обоняния. Новаторство и оригинальность идей Г. Зиммеля в решении данной проблемы заключается в том, что философ отмечает недооцененную роль обоняния. Исследуя роль запахов в межличностном общении, он подчеркивает, что зловонные запахи являются причиной возросшей избирательности связей человека, что неизбежно ведет к изоляции, к четкому очерчиванию личной сферы. Можно заметить, что с развитием культуры, парфюмерии, в частности, действие чувств на расстоянии ослабевает, а вблизи, наоборот, усиливается: например, отталкивает отсутствие элементарных гигиенических практик. Обоняние же изначально есть то чувство, которое рассчитано на небольшое расстояние по сравнению со зрением и слухом. Кроме того, Георг Зиммель единственный из философов обратился к теме искусственных ароматов, предвидя возрастающую культурную и социальную роль парфюмерии в современном мире.

Примечания

1. Зиммель Г. Эссе о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 31.
2. Там же. С. 32.
3. Левинсон А. Пять писем о запахе // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 64.
4. Зиммель Г. Эссе о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 32.
5. Там же. С. 33.
6. Там же.
7. Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы. URL: <http://christosocio.info/content/view/163/72/>

8. Зиммель Г. Экскурсы о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 34.

9. Там же. С. 36.

10. Там же.

УДК 37.015.2

Г. Н. Травников

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье приводится понимание инновационной педагогической деятельности. Анализируется антропологический образ человека, который может быть заложен в инновационной педагогической деятельности. Показано, что философско-антропологический подход ориентирован на систематическую разработку антропологии как синтетического учения о человеке и разрабатывает проблемы, связанные с обоснованием педагогической антропологии на основе использования всех достижений человекознания, предварительно осмысленных философской антропологией.

Comprehension of innovational pedagogical activity is represented in the article. The author analyses man's anthropological image which may become a foundation of innovational pedagogical activity. Philosophical-anthropological approach is shown to be aimed at systematic development of anthropology as a synthetic doctrine of man. This approach is connected with the foundation of pedagogical anthropology based on all the achievements in studies of man, initially comprehended by philosophical anthropology.

Ключевые слова: человек, образование, образ человека, антропологический подход, педагогическая деятельность, инновационная деятельность.

Keywords: man, education, image of man, anthropological approach, pedagogical activity, innovative activity.

Изменения в представлениях о человеке и технологиях его формирования связаны с реальным вызовом человеческой культуре со стороны все более развивающегося общества [1]. Дать ответ на этот вызов может только свободный и развивающийся человек, а также новое понимание инновационной педагогической деятельности. Возможны два понимания инновационной педагогической деятельности, рассмотрим различное и общее этих пониманий.

Общим является то, что педагогическая деятельность отталкивается от определенного образа человека, она, как и любая деятельность, есть сознательная целенаправленная активность, в которой цель, поставленная в начале, достигается в конце деятельности. Педагогическая деятельность ставит задачу воспроизводства человека, определенного исходным образом. Соб-

ственно реализация образа есть продукт работы школы. Кроме того, в педагогической деятельности воспроизводство ученика является продуктом деятельности учителя.

Различие отражает суть пониманий инновационной педагогической деятельности. Первое понимание педагогической деятельности вообще характерно для стабильного общества, в котором школа призвана воспроизводить человека, образ которого уже намечен или существует. Такой человек определен в своем воспроизводстве набором функций, которые ученик должен иметь по выходе из школы. При этом все внимание сосредоточено на нравственности и функциональности, однако осознание субъективности школьника в плане его индивидуальной неповторимости и творческого развития культуры несущественно.

Второе понимание существует для развивающегося общества, где воспроизводства недостаточно, поэтому воспитание сосредоточено не на настоящем и не на функционале, а на будущем, на потенциале самостоятельного будущего развития ученика после школы. С этой точки зрения развивающееся общество бросает ученику вызов не функционирования, а развития, и общество более заинтересовано в ученике, развивающемся и развивающем само общество, нежели в ученике, продолжающем функционировать в рамках традиционного набора норм и функций.

Очевидно, что в каждом обществе востребованы оба типа ученика, при этом и понимания не исключают друг друга, но первое понимание преобладает в обществе стабильном, а второе основано на дефиците развивающихся индивидуальностей в развивающемся обществе.

В первом понимании тип новации, ожидаемый от ученика и требуемый в системе образования, касается функциональности ученика. Это должны быть новации, повышающие эффективность обучения и работы учителя и сосредоточенные на развитии собственно деятельности учителя. Они совершенствуют педагога, его методики, которые воспринимаются как средства повышения эффективности функционирования. В целом это повышение прочности и объема знания и навыков. Во втором понимании новации направлены не столько на функциональность учителя, сколько на личность ученика. Это означает, что в центре внимания второго типа инноваций, во-первых, лежит не функциональность, а личностный процесс обучения, во-вторых, находится педагогическая деятельность не столько со стороны действий учителя, сколько со стороны самодействия ученика. Следовательно, это инновация, предполагающая иной характер самой педагогической деятельности, создающая не новые средства для учителя для формирования ученика, а

образовательную среду для саморазвития и самоформирования ученика. Именно такую инновационную педагогическую деятельность мы будем называть антропологической.

В первом случае педагогическая деятельность является закрытой, сосредоточенной на действиях учителя, а позиция ученика в ней предполагается подчиненной и исполнительной. Во втором случае педагогическая деятельность открыта для субъективности и собственной мотивации ученика, не совпадающей с задачами функционального обучения. В первом случае новация просчитывается со стороны повышения эффективности воздействия на учебный процесс и ученика, причем в центре внимания оказывается учебный процесс, во втором ученик исходно принят субъектом, при этом воспитательный процесс является базой для учебного, что вносит в педагогическую деятельность элементы неопределенности, диалога, саморазвертывания мотивации самого ученика.

Результатом первого случая является привыкший быть исполнителем, лояльно относящийся к учителю ученик, способности которого к саморазвитию не актуализируются. Во втором случае ученик уже в школе получает (как главное) навык саморазвития и самореализации и лучше приспособлен к динамично развивающемуся образу жизни. В первом случае существует опасность снижения уровня субъективности ученика, во втором – заложена опасность создания ученика-эгоиста.

Таким образом, существующие понимания инновационной педагогической деятельности различаются в определении степени значимости саморазвития ученика, однако это различие радикально меняет понимание самой педагогической деятельности.

Инновация первого типа преобладает в системе образования, воспроизводящей ученика по имеющимся традиционным или давно установленным шаблонам, тогда как в обществе, стремящемся к динамичности, на первый план должен выходить второй тип инновации.

Рассмотрим, как переход инноваций в новое качество отражается на педагогической деятельности. Во-первых, педагогическая деятельность должна стать инновационной в своей основе, то есть учитель должен перейти в состояние саморазвития. Это означает, что для развивающегося общества необходимо, чтобы любая педагогическая деятельность была одновременно и инновационной, и предусматривающей постоянное развитие учителя.

Во-вторых, в антропологической инновационной педагогической деятельности преобладающей должна стать цель обеспечения условий саморазвития ученика, чтобы из него формировалась или самоформировалась самостоятельная и са-

моразвивающаяся индивидуальность, свободная, творческая, способная поддержать ответ общества на вызов развития.

Итак, инновационная педагогическая деятельность существенно отличается от обычной или от общего понимания деятельности в том, что деятельность направлена на объект, а педагогическая деятельность – на субъект. Это создает новацию на уровне предмета, ибо уникальная личность ученика – всегда нечто новое.

Кроме этой специфики предмета педагогической деятельности есть еще специфика средства и результата. Средством антропологической инновационной педагогической деятельности становится развивающийся учитель, ибо учителю, который развивается, проще научить быть развивающимся ученика. Таким образом, инновационная педагогическая деятельность касается уникального опыта и развития учителя как необходимого условия инновационной педагогической деятельности вообще.

По отношению к результату отличие антропологической инновационной педагогической деятельности заключается в том, что ее непосредственный предмет – знания ученика – не являются действительной целью, так как действительной целью педагогической деятельности является свободный, творческий, саморазвивающийся человек или реализация того образа человека, который закладывается в саму педагогическую деятельность.

Итак, понятия инновации и инновационной педагогической деятельности можно разграничить, определив существенные отличия второго понятия, по следующим категориям:

1) по предмету, при этом антропологическая инновационная педагогическая деятельность в качестве предмета рассматривает не объем знаний ученика, а его развивающуюся субъективность;

2) по средству: не новация учителя и новая технология, а развитие самостоятельности ученика;

3) по результату, который в инновационной педагогической деятельности расположен в будущем и рассматривается не как готовый ученик, а как его перспектива и эффект развития, необходимый результат работы школы в развивающемся обществе.

Следовательно, первое понимание инновационной педагогической деятельности ставит задачу воспроизводства в стабильном обществе функциональной стороны личности, а в динамическом обществе – субъективности, причем не учителя, а ученика, и не столько в настоящем, сколько в будущем.

С нашей точки зрения, антропологическая педагогическая деятельность может быть только инновационной, причем инновации в средствах,

предметах являются элементами главной инновации по результату. Если не ставить цель развития ученика, если учитель сам не развивается, если оценка способностей ученика дается на настоящий момент, а не на будущий, это снижает эффективность инновации, понимаемой в рамках второй точки зрения.

Итак, инновационная педагогическая деятельность должна быть ориентирована антропологически, а помещение человека в центр этой деятельности (антропоцентризм педагогической деятельности) означает не что иное, как вышеперечисленные три новые свойства самой педагогической деятельности. Реализация второго понимания опирается на то, что педагогическая деятельность может быть только антропологической инновационной педагогической деятельностью, она и должна стать предметом анализа в настоящей работе.

Деятельность означает направленность активного человека-субъекта вовне на природу и себя самого. В отношении к деятельности инновации касаются всех ее сторон: предмета, материала, условия, средства, цели, продукта, результата и т. п. Педагогическая деятельность отличается тем, что она направлена не на объект (что характерно для деятельности вообще), а на субъект. Инновационная деятельность обычно связывается с улучшением качества работы педагога, и если субъект игнорируется, что противоречит главной специфической черте педагогической деятельности, то получается инновация абстрактно-методического типа, которая не относится к антропологической инновации. Если мы подразумеваем общество динамическое, которому нужны развивающиеся субъекты, то человек понимается антропологически как главная цель деятельности педагога. В этом случае получается, что любая педагогическая деятельность инновационная, но не столько со стороны педагога, сколько, главным образом, со стороны ученика.

Если мы имеем систему образования, целью которой является ученик-функция, то это противоречит инновационному (развитие и учителя, и ученика) и антропологическому (приоритет саморазвития ученика) характеру педагогической деятельности вообще.

Таким образом, для понимания сути инновационной педагогической деятельности необходимо проанализировать антропологический образ человека, который может быть заложен в инновационной педагогической деятельности. Этот образ человека как саморазвивающегося и творящего культуру существа возникает в целостной форме в философской антропологии. Если раньше на первом плане философии человек появлялся как существо познающее (гносеологический аспект) или преобразующее бытие (онто-

логический аспект), то теперь он рассматривается как специфическая форма бытия.

Однако между философской антропологией и ее образом человека и педагогическим представлением о процессе формирования человека существует разрыв. Можно в целом сказать, что антропология дает антропологический образ человека саморазвивающегося, а педагогика, в основном, опирается на образ человека формируемого. Для построения концепции инновационной педагогической деятельности необходимо определить и разрешить актуальную проблему современного образования, связанную с определением философского образа человека, который может стать ориентиром для конечного результата деятельности.

С одной стороны, современное образование в плане воспроизводства классических идей Просвещения ориентируется на образ человека, заданный традиционными ценностями. Это человек, обладающий смыслом бытия, имеющий собственные цели и убеждения, спонтанный в самом себе в понимании мира. С другой стороны, общество объективно встает на путь развития технологий и выдвигает в качестве общественных потребностей другой образ человека – человека-функции технологических систем.

В этом заключается объективное противоречие между образом человека, требованиями к субъективности и саморазвитию ученика и характера современной педагогической деятельности. Заметим, что различные философские течения отражают противоречивость и сложность определения человека. Являющееся на данный момент предметом изучения и разработки определение философского образа человека, соответствующего нашим представлениям, позволит разрешить на методологическом уровне многие проблемы в образовании.

Первая концепция философско-антропологического плана была создана в Германии и изложена в работе М. Шелера «Формы знания и образование» (1926 г.), а затем развивалась в трудах Г. Рота, А. Гелена, Х. Плеснера, О. Ф. Больнова. Основополагающий труд по философской антропологии «О систематике антропологии» принадлежит А. Гелену. За основу своих взглядов он принимает положение И. Канта о том, что «философская наука о человеке включает высказывания о человеке как целом, пользуясь материалом “отдельных наук”» [2]. Поэтому А. Гелен утверждает, что человек есть предмет единый и доступный одной науке. Это убеждение распадается на два тезиса: о единстве вида «человека» и единстве или «целостности» в себе каждого отдельного человека. А. Гелен строит философскую антропологию, стремясь свести воедино данные отдельных наук о человеке. Как

М. Шелер и Х. Плеснер, он ищет специфику положения человека как особым образом организованного живого существа, который открыт всему миру.

А. Гелен в целом исходил из исследовательских установок М. Шелера и Г. Плеснера, дополняя их историческим и социально-культурным материалом. Философско-антропологические разработки М. Шелера, Х. Плеснера и А. Гелена подхвачены К. Левитом, Т. Липпсом, Л. Бинсвангером и др. Это можно расценивать как формирование самостоятельного философского течения, специфичного для иррационального антропологического направления современной неклассической философии. Однако и в рамках этого направления философской антропологии, в специальном смысле претендующей на роль особой науки, противостоят в качестве самостоятельных иные течения: философия жизни, экзистенциализм, постмодернизм.

Все ученые антропологического направления показывают человека как существо, в природу которого заложена способность переходить границу имеющегося бытия и формировать вокруг себя новый мир, источник которого находится в голове человека. Можно сказать, что стержнем антропологического образа человека является это качество перехода границы, преодоления предела. В педагогике это качество человека освоено недостаточно и применяется относительно редко.

Исходным положением в становлении философско-антропологического подхода в воспитании в российской педагогике стали идеи К. Д. Ушинского о содержательном и познавательном наполнении педагогики и ее взаимодействии с науками о человеке. По мнению К. Д. Ушинского, педагогика – это «собрание правил практической деятельности», требующее научного обоснования. Логика этого обоснования такова: если общая антропология есть учение о человеке как биологическом виде, то педагогическая антропология есть учение о человеке развивающемся, воспитывающемся. Под понятием «педагогическая антропология» он понимал «изучение человека во всех проявлениях его природы со специальным приложением к искусству воспитания» [3].

Философско-антропологический подход ориентирован на систематическую разработку антропологии как синтетического учения о человеке и разрабатывает проблемы, связанные с обоснованием педагогической антропологии на основе использования всех достижений человеческого знания, предвзвешенно осмысленных философской антропологией. Данный подход обуславливает особый метод исследования. Специфика этого метода, отличающая его от методов классической науки, может быть определена двумя чертами: во-первых, непосредственным постижением

ем жизни человека во всей ее полноте и богатстве, во-вторых, сосредоточенностью исследователя исключительно на процессе поиска истины бытия (как предназначения), но не на самой истине.

Философско-антропологический подход сосредоточен на постижении духовного бытия, поэтому он относится к так называемым онтологическим подходам, которые стремятся постичь человека посредством понимания в процессе диалогического взаимодействия. Данный подход утверждает понимающую методологию. Он задает специфическую философскую направленность всем субъектам педагогической деятельности не только в виде мировоззрения, методологии, но и в виде способа бытия, понимающего бытия, бытия в состоянии непрерывного диалога с собой, с другими, с культурой. Антропологический образ человека определяет, что высшей ценностью является человек, истина его бытия. Личность «снимается» человеком зрелым как универсумом. Антропологический подход переносит акценты с феноменологии личности на онтологию человека.

Философско-антропологический подход обуславливает новый тип представления о человеке, основанный на антрополого-онтологических категориях человеческого (подлинного) бытия: дух, жизнь, индивид, индивидуальность, субъект, человек, человеческое бытие, диалог, ценность, смысл жизни, личность, творчество, саморазвитие, взаимопонимание и др. Формирование философско-антропологической концепции, которая обосновывает педагогическую деятельность, на наш взгляд, опирается на следующие принципы, которые мы эксплицируем из массива уже созданных философско-антропологических концепций [4]:

1. Антропологический принцип, предписывающий рассмотрение понятия «человек» в качестве исходной категории, а всех других понятий и категорий – как предназначенных для понимания сущности человека и специфики его бытия, фиксирует выбор человека в качестве исходной, базовой ценности и акцентирует внимание на актуализации, воспроизведении и самоосуществлении человеческого в человеке. Таким образом, человек оказывается в центре, а педагогика предполагает, прежде всего, формирование человека субъектом, способным к саморазвитию.

2. Онтологический принцип, обуславливающий рассмотрение наличия различных способов бытия субъектов, при этом онтология понимается как особенная, уникальная картина мира, присущая только этой индивидуальности. Это отражает феноменологическую установку философии Э. Гуссерля, основывающейся на том, что человек определяет и оценивает свое бытие из соб-

ственных представлений. Противоречие между антропологическим и педагогическим образом человека в плане его бытия состоит в том, что педагогика пытается определить бытие ребенка через естественные законы и тем самым предугадать путь его развития, а антропология предпочитает отталкиваться от саморазвития человека, предоставляя ему средства и условия реализации собственного представления о бытии.

3. Принцип диалога, обеспечивающий субъект-субъектный характер взаимоотношений участников деятельности, их ценностно-смысловое равенство и паритетность, создающий возможность свободной диалогической самореализации субъектов. Диалог предполагает взаимодействие точек зрения и многомерное пространство коммуникации не в поверхностном плане контакта и защиты своей позиции, а в глубинном плане подлинных целей и смыслов индивидуальности, который может быть и не открыт для учителя. Само бытие сменяется диалогом, оно становится двойным, причем разным и со стороны учителя и со стороны ученика. Это учит человека относиться в будущем к другому как своеобразному и самодостаточному бытию (Ж.-П. Сартр «Бытие и Ничто»).

4. Принцип рассмотрения понимания и взаимопонимания в качестве необходимого условия гуманности. Понимание предполагает собственную точку зрения ученика, которая должна учитываться таким образом, как того хочется самому ученику. Понимание не должно превалировать, но должна появиться особенная понимающая среда развития.

5. Принцип рассмотрения способности человека к самовоспитанию. Наличие и необходимость развития способностей человека к самовоспитанию есть ценностная детерминация собственного саморазвития и подчинение ей мотивации и способов творчества себя и мира вокруг.

6. Принцип креативности, который в системе антропологической инновационной педагогической деятельности становится ключевым, так как требует сочетания нескольких типов творчества мира, ученика, учителя и т. п.

В традиционной педагогике статус педагогической деятельности определен системой образования, основан на функционировании институтов и формировании человека как объекта педагогической деятельности по известному заранее шаблону. Антропологический подход к педагогической деятельности полагает эту деятельность исходно инновационной и требует переосмысления статуса этой деятельности.

Человек в деятельности делает сам свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. В этом смысле человеческая деятельность может быть определена как активность субъекта, направленная на объекты или на дру-

гих субъектов, а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности. Вместе с тем становится возможным вычленение и понимание структурной связи следующих трех основных элементов деятельности [5]:

1) субъекта, наделенного активностью и направляющего ее на объекты или на другие субъекты;

2) объекта, на который направлена активность субъекта (точнее, субъектов);

3) самой активности, выражающейся в том или ином способе овладения объектом субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другим.

Рассмотрим положение педагогической деятельности в педагогике.

Структура и содержание педагогической деятельности не являются однозначно понимаемыми. В научной среде существует, по крайней мере, два подхода к анализу деятельности: психологический и методологический [6]. Психологический подход основан на работах научной школы А. Н. Леонтьева и близких к ней психологических школ.

В рамках методологического подхода (Г. П. Щедровицкий), истоки которого базируются на идеях Г. Гегеля и К. Маркса, носителем педагогической деятельности является не отдельный индивид, а, наоборот, сама деятельность становится субстанцией сама по себе, которая захватывает индивидов и тем самым воспроизводится. Такое понимание педагогической деятельности на примере языка сформулировал немецкий философ В. Гумбольдт: «Если же вы возьмете человеческий социальный организм, то уже непонятно, складывается ли социум из отдельных людей или же он “изготавливает” отдельных людей с самого начала как элементы своей системы <...>. Оказывается, что существует всего лишь одна единица – весь универсум человеческой деятельности» [7]. Интегрированный психолого-методологический подход к педагогической деятельности трактуется двояко [8]: с одной стороны, как деятельность ученика, организуемая им совместно с педагогом и направленная на создание индивидуального образовательного результата, с другой – как деятельность учителя и ученика по установке места и роли образовательного результата в деятельностной структуре и генезисе общечеловеческих ценностей.

Перед нами предстает явное противоречие, которое носит методологический характер: методология психологии, где субъект осуществляет деятельность, противостоит методологическому философскому подходу, представленному в работах Г. П. Щедровицкого, где человек – элемент системы деятельности.

Это противоречие присутствует объективно в жизни человека и отражается в методологии наук.

В разрешении этого противоречия мы не можем рассудочно принять ни одну из изложенных позиций.

Обе концепции взяты нами потому, что они предельно приближаются к образу самостоятельного развивающегося человека. В первой это достигается собственным развитием и интересом, во второй – преимущественно с помощью рефлексивной составляющей самодеятельности.

Очевидно, что антропологический подход к педагогической деятельности противоречит и первой и второй точкам зрения. В концепции Г. П. Щедровицкого подчеркивается реальность отчуждения индивидуальности в деятельности, в том числе и педагогической. Действительно, человек, попавший в систему, в том числе систему образования, становится винтиком этой системы, и многие его поступки непонятны без понимания требований этой системы. С другой стороны, при стремлении развивать субъекта-ученика роль системы преуменьшается. Но в обоих случаях речь не идет о формировании навыка самостоятельности и автономизации ученика как самостоятельного субъекта в будущем. В антропологическом подходе предполагается, что ученику показываются противоречия, а он в будущем сам их разрешит по-своему, тем самым создаются условия для возникновения возможности индивидуального бытия и доверия к индивидуальности. Следовательно, можно сделать вывод, что вышеперечисленные самые близкие к воспитанию субъекта методологии не совпадают с антропологическим подходом.

Проблема понимания инновационной педагогической деятельности, таким образом, исходит от переноса общего понимания деятельности на

педагогическую деятельность. Можно сказать, что понимание педагогической деятельности отталкивается более от деятельности вообще (преобразующая мир активность субъекта), чем от антропологического образа человека (саморазвивающийся субъект).

Выделенный антропологический подход к деятельности не акцентирован в разработках по философии деятельности. Он сливается с преобразующей ролью основной деятельности. В этом плане инновационная педагогическая деятельность имеет важную специфику, которая требует переосмысления понятия деятельности в целом. Онтологическая и методологическая разработанность содержания категории деятельности неоднозначна. В отношении деятельности как научного понятия налицо противоречие, состоящее в разрыве между признанием его принципиальной важности и уровнем его научной разработки.

Примечания

1. Николин В. В. Человек будущего в системе образования. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 34.
2. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 158.
3. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии: в 6 т. Т. 5. М., 1960. С. 9.
4. Степанов Е. Н., Лузина Л. М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. М.: Творческий центр, 2003. С. 130.
5. Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 45–46.
6. Хуторской А. В. Современная дидактика. Учебник нового века. СПб., 2001. С. 40.
7. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 253–254.
8. Хуторской А. В. Современная дидактика. Учебник нового века. СПб., 2001. С. 44.

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ

УДК 510

Е. М. Вечтомов

ОБ ЭСТЕТИКЕ МАТЕМАТИКИ

В статье рассматриваются философские вопросы эстетики математической формы познания. Анализируются проявления красоты в математике. Утверждается, что красота математики заключается в её дедуктивном и структурном характере.

The paper considers philosophical aspects of aesthetics in mathematical form of cognition, analyzes the manifestations of beauty in mathematics and points out that this beauty is connected with its deductive and structural character.

Ключевые слова: эстетика, красота, математика, познание, наука, культура, дедукция, структура, форма, формула.

Keywords: aesthetics, beauty, mathematics, cognition, science, culture, deduction, structure, form, formula.

Эстетичность познания. Виктор Гюго удивительно точно выразил всю гамму человеческого познания, выделив три его ипостаси: «Разум человеческий владеет тремя ключами, открывающими все: цифрой, буквой, нотой. Знать, думать, мечтать. Все в этом». На символах-китах *цифре, букве и ноте* зиждется человеческое знание – как обыденное, так и научное. Цифры, буквы и ноты образуют общий алфавит языка познания и общения. Из цифр составляются *числа*, буквы складываются в *слова*, за нотами слышится музыка, стоит *муза*. В числах выражается *точное знание*, они принадлежат *математике* и *науке* в целом. Вне языка человеческое мышление, по видимому, невозможно; человеческая мысль протекает в словесной форме, выражается в ней. Музы, рождая *красоту*, покровительствуют *искусству* и *культуре*.

Научное познание исследует и открывает *истину*. Художественное познание постигает и творит красоту, *гармонию*. Мир един и гармоничен, но не однополюсен. Любой полюс предполагает наличие противоположного, и они объективно сосуществуют и взаимодействуют (триадичность бытия). Истина невозможна без *лжи*, красоте противопоставляется *безобразное*, оттеняющее и

возвеличивающее её. Это – *логика бытия*, в которой заключена истина абсолютная. Безупречная истина гармонична, а настоящая красота истинна. Красота обосновывается наукой. Пушкинский Сальери изрёк: «Поверил я алгеброй гармонию». Наука есть область культуры (в широком смысле слова). Но наука и искусство (в смысле ценностных идеалов и установок) принципиально отличаются друг от друга.

Называя фундаментальные категории истины и красоты, мы сразу вспоминаем понятие *добро*, составляющее вместе с ними знаменитую мировоззренческую триаду. Диалектика истины и красоты порождает добро. Согласно Бенджамину Франклину, «красота без доброты умирает невостребованной». Сама по себе беспристрастная истина может быть холодной и отстранённой, а блестящая красота казаться высокомерной и недоступной. Только союз истины и красоты служит духовным вектором человеческого познания, вызывает добрые чувства, противостоит *злу*.

Триаду учительского девиза «Сеять разумное, доброе, вечное!» также можно выразить категориями истины, добра и красоты соответственно. Как понятия человеческого сознания они несут на себе определенный отпечаток относительности и субъективизма. Но мало кто сомневается, что это фундаментальные универсалии, отражающие основные лики Творца. Стало быть, *истина, добро и красота* имеют абсолютный и объективный характер, они тесно взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют между собой.

Поиском истины заняты *наука* и *искусство*, но делают это по-разному. Научное познание опирается на логику, факты и даёт точное знание. Художественное же познание есть сфера *прекрасного*, ассоциируется с интуицией и разным мышлением. Категории *добра* и *зла* относятся к *этике*, воплощаются в понятиях морали, совести, справедливости, права. Проявления истины и красоты этически и целесообразны.

Среди различных форм познания мира человеком выделяются две – *математическая* и *философская*. Изречение Джорджа Сантаяны, что «подобно тому, как все искусства тяготеют к музыке, все науки стремятся к математике», выражает основополагающий методологический постулат – *принцип математизации знания*. И, соответственно, математический способ познания является ведущим в научном познании. Ма-

тематическое познание схватывает изучаемые явления посредством математического моделирования и гипотетико-дедуктивного метода, опираясь на сокровищницу теорий и мощь аппарата существующей математики.

Философское познание имеет мировоззренческий характер. А его научный аспект заключён, прежде всего, в развивающейся системе основополагающих философских категорий. Система философских категорий служит понятийной, координатной сетью, набрасываемой на исследуемые объекты. Она подобна сити, через которое просеиваются истины, напоминает целостный план возделывания поля, на котором будет расти и плодоносить фундаментальное знание. Философское познание способно открывать и всеобщие закономерности. Среди них первостепенное значение имеют фундаментальные законы диалектики, сформулированные Георгом Гегелем.

Две культуры. Полистаем страницы последней главы книги физика, академика Е. А. Фейнберга [1], которую автор назвал «Интеллектуальная революция. На пути сближения двух культур». В этой книге философски осмысливаются взаимоотношения искусства и науки, интуиции и логики, на которых основываются соответственно гуманитарное знание и естественные науки (как две равноправные культуры). Два подхода к познанию мира были обозначены ещё в античности: научная деятельность и творчество философов и художников (это, в первую очередь, математика и западная философия), сохранившие и преумножившие своё духовное значение в дальнейшей жизни человечества. Слияния естественных и гуманитарных наук, конечно же, не произойдет. Однако естествознание и математика начинают осознавать необходимость в гуманитарном знании и то, что они сами являются частью человеческой культуры.

По Фейнбергу, причина сближения двух культур «лежит в самом росте математизированного знания – в компьютеризации (если выразить это одним словом), точнее, в том, что *стремительно возрастает доля интеллектуальной деятельности, которая может быть передана машине* и которую машина выполняет неизмеримо быстрее и надежнее, чем человек. В принципе так может быть охвачена вся формализуемая часть мыслительной деятельности человека. Совершенствование ЭВМ состоит в том, что машине передаются все более сложные формально-логические операции. *В результате все отчетливее выступают внелогические, подлинно творческие и целиком “человеческие” компоненты науки, которые ранее ... были в значительной степени заслонены огромным вкладом необходимой логической деятельности*». Автор подчеркивает, что

на рубеже тысячелетий произошла «интеллектуальная революция», выявившая «все возрастающую роль внелогического, интуитивного синтетического суждения в науке». Отмечается особое положение «чистой» математики, в которой подавляющее значение имеет логическое мышление, что «необходимо именно для поиска путей дальнейшего, все более существенного освобождения мыслительной деятельности от “грубого труда” в других областях знания...». Процесс гуманизации науки, «все более выявляющий роль внелогических компонентов в естественнонаучном и математизированном творчестве, идет одновременно с “обратным” процессом математизации в гуманитарной сфере там, где это возможно. При этом математизация, составляющая сущность прикладной математики, сама начинает использовать методы дискурсии, свойственные гуманитарным наукам, и потому меняет свой характер. Во всем этом и заложена объективная основа для развития взаимопонимания “двух культур”».

Красота спасает мир? В статье В. Россмана «Разум под лезвием красоты» рассматривается проблема: как понимать знаменитое высказывание Ф. И. Достоевского «Красота спасет мир»? Автор раскрывает смысл этой фразы Фёдора Достоевского в рамках критической философии Иммануила Канта, в психоанализе Зигмунда Фрейда и западной аналитической философии. Содержанием критической философии у Канта являются три критики, последовательно отвечающие на вопросы: «Что мы можем знать?», «Что мы можем делать?» и «На что мы можем надеяться?» Третья критика представляет собой то единственное, что связывает добро и истину. Критика чистого разума приводит к метафизической необходимости веры и морали, выходящих за пределы разума. Третья критика подготавливает почву для другой добродетели – *надежды*.

Россман пишет: «В центре внимания третьей критики – учение о красоте и целесообразности в природе. Наиболее интригующий момент этой критики состоит в том, что Кант связывает понятие красоты с надеждой. Красота и, прежде всего, наша способность замечать и получать удовольствие от красоты даёт нам основания надеяться, что мир устроен таким образом, что наши цели не чужды целям этого мира. Красота определяется Кантом как “бесцельная цель”. Эта “бесцельность” и дает человеку надежду. Красота спасает наш безнадежный и от всего изолированный мир субъективности, намекая на присутствие высшего существа, которое – человек может на это надеяться – обеспечивает гармонию между непознаваемым миром и познавательными способностями» [2].

Задача философии психоанализа Фрейда – помочь людям в борьбе с демонами бессознательного и сексуального, которые терзают психику человека и лишают его разума. Имеется только два способа укрощения разрушающей человека сексуальности – её подавление или её сублимация в производство красоты. Фрейд выбирает второй путь – путь красоты как сублимации остаточной сексуальной энергии в творчество. Такая красота и спасает человека.

У Достоевского красота другая, хотя её логика созвучна и Канту, и Фрейду. Красота у Достоевского и Канта открывает путь в другое измерение бытия и приводит к божественной любви первого и к моральному добру второго. Но красота у Достоевского связана с эросом, являющимся для него началом и разгадкой всего сущего.

Далее, Россман замечает, что «чрезмерно разросшийся мир идей вытесняет и подавляет жизненный мир: в мире, переполненном идеальными сущностями, людям становится тесно и неуютно» [3]. Аналитическая философия, по словам Россмана, ассоциирует этот переполненный идеями мир с магической бородой Платона, как и волосы библейского Самсона, заключающей в себе всю мощь метафизической философии. Важнейшей установкой аналитической философии, выраженной метафорически, является обрезание бороды Платона. Это обрезание Россман рассматривает как проявление некоей интеллектуальной эстетики, «подвергающей корневые конструкции разума под редуцирующее лезвие бритвы. В этом плане красота способна спасти мир – для разума! – как раз потому, что она спасает от “внемировых” отвлекающих излишеств сам разум». Но и без бороды, то есть без идей и идеологии, жизнь невозможна.

«Формулы» красоты. Из чего складывается понятие прекрасного? Признаками красоты в науке и жизни могут служить логичность, соразмерность, структурность, абстрактность, универсальность, простота, нетривиальность, неожиданность, историчность, целесообразность, соответствии объекта представлению о нем и т. д.

Математика является источником и носителем всех этих проявлений красоты и культуры.

Многие учёные и мыслители пытались, каждый по-своему, вывести общую формулу красоты. Приведем некоторые из них.

– Мера красоты = порядок/сложность (Гаррет Биркгоф).

– Красота = наглядность + неожиданность, а в свою очередь наглядность = простота + изоморфизм (В. Г. Болтянский).

– Эстетическая значимость равна отношению: необходимая сложность/минимальная программа (М. В. Волькенштейн).

– Красота тождественна целесообразности (И. Е. Ефремов).

– Математика есть изящное искусство (Я. Шапуновский).

– Красота = обобщенный стандарт + динамический элемент (Р. Х. Шакуров).

Большое внимание взаимосвязям математики и искусства уделяли А. В. Волошинов [4], Б. В. Раушенбах [5] (в теории перспективы) и В. В. Налимов [6] (на основе теоретико-вероятностной формулы Байеса).

Впрочем, скорее всего, не может быть единой формулы красоты (как и формул добра, зла, любви). Но существует *принцип красоты*, который может быть назван *принципом эстетического отбора*. Он служит надёжным критерием «эстетической целесообразности»: узнавания прекрасного и отсеивания безобразного. В науке эстетический отбор заключается в зарождении, выживании и развитии наиболее целесообразных, эффективных, совершенных понятий и теорий.

Тем не менее все сформулированные выше подходы весьма полезны, поскольку отражают отдельные существенные стороны категории красоты.

Феномен математики. Математика – самая логичная и точная в сонме наук. Математика – царица условных утверждений и, стало быть, поприще *относительной истины*. Благодаря этому своему качеству математика применима к анализу реальности, эффективна в препарировании структуры сущего. Она обосновывает фундаментальный метафизический *принцип единства бытия*. В архитектонике математики принципиальную и преобладающую роль играют структурные мотивы, среди которых, согласно Н. Бурбаки, выделяются основные типы математических объектов: *алгебраический, порядковый и топологический*. К ним можно добавить инцидентные структуры и пространства с мерой. Эти типы математических структур выражают идеи вычисления, упорядоченности, непрерывности, принадлежности и измеримости соответственно.

Современная математика базируется на теории множеств, имеющей весьма продвинутой аксиоматику. Наряду с первичным понятием *множества* наибольшее значение имеет понятие *функции* (отображения, преобразования), формализующее фундаментальную философскую и общенаучную категорию *движение* (изменение, действие). При категорном подходе понятие функции заменяется понятиями *морфизма* и *функтора*. В роли морфизмов выступают: в категории групп – гомоморфизмы, в категории упорядоченных множеств – изотонные отображения, в категории топологических пространств – непрерывные отображения. В математических исследова-

дованиях существенное место занимает функциональный метод, позволяющий абстрактные математические объекты представлять в виде конкретных систем функций. В дидактике математики выделяется функциональная линия – изучение элементарных функций, действий над функциями, геометрических преобразований и т. д. Следует подчеркнуть, что математика сама по себе представляет автономную и самостоятельную форму научного познания мира.

Дух и суть математики лучше всего выражает известный афоризм «Математика есть доказательство». Любое математическое доказательство, содержательное или формально-логическое, базируется на классической двузначной логике (такова металогика). Пифагор, Аристотель и Евклид, открыв дедуктивный вывод, сделали математику наукой. В течение двух с половиной тысячелетий математика развивается именно как *дедуктивная наука*. На этом пути возник и совершенствуется математический язык, способный выражать и описывать мир в структурных категориях формы, количества, меры.

Математиками движут внутренние запросы и задачи практики. Прикладная математика поставляет модели явлений, более или менее адекватно отражающие реальность. Математические модели делятся на простые и сложные, жёсткие и мягкие (В. И. Арнольд). Сама же математика не может быть ни мягкой, ни скользкой, она – дедуктивна! Знаменитая теорема Гёделя о неполноте формальной арифметики (1931 г.) показала, что математика способна доказывать и недостаточность своих финитарных предпосылок. Но уже применение трансфинитной индукции позволило Генцену в 1936 г. доказать непротиворечивость и полноту арифметики (значит, и обосновать всю классическую математику). Заметим, что с помощью циркуля и линейки можно выполнить заметно больше построений, чем одним циркулем, но нельзя построить угол в 20° .

Сила логико-математических методов проявилась в доказательстве алгоритмической неразрешимости целого ряда математических вопросов и независимости одних утверждений от других. Нарастающую дедуктивную мощь математики продемонстрировало решение большинства проблем Гильберта в XX в., доказательство Великой теоремы Ферма (Эндрю Уайлс, 1994 г.) и гипотезы Пуанкаре (Г. Я. Перельман, 2003 г.). Возникают новые важные и интересные математические дисциплины: нечёткая логика, фрактальная геометрия, формализация неформализуемых понятий и др. Это строгие и чёткие дедуктивные теории, находящие приложения в других областях знания посредством математического моделирования.

Красота математики. Многие мыслители восхищались красотой и совершенством матема-

тики. Можно напомнить высказывание физика Вернера Гейзенберга «Математика есть прообраз красоты мира». Можно дополнить изречение Виктора Гюго, приведённое нами в начале статьи, стихотворным восклицанием Валерия Брюсова «Смысл – там, где змеи интеграла / Междигр и букв, меж d и f».

Перечислим основные афоризмы-определения математики.

Математика является наукой о пространственных формах и количественных отношениях окружающего мира (Фридрих Энгельс); Математика – учение о количестве (Галилео Галилей); Суть математики в числах (пифагорейцы); Математика – наука о форме (Аристотель); Математика есть наука о мере и порядке (Рене Декарт); Математика – мера всех вещей (Платон); Математика – часть логики (логицисты); Математики играют в символы (формалисты); Математика – особый вид интеллектуальной деятельности (интуиционисты); Математика – это доказательство (Никола Бурбаки); Математика изучает математические структуры (Никола Бурбаки); Математика – это наука о бесконечном (Герман Вейль, Давид Гильберт); Математика – это искусство давать разным вещам общее имя (Анри Пуанкаре); В математике всё есть (физики-теоретики); Математика изучает самое себя (фольклор); Математика – колоссальная метафора; Математика – это феноменология.

Приведённые определения высвечивают самые существенные стороны математики и её методологии.

Современная научная картина мира базируется на *принципах математизации и красоты*. Объектом математики как науки служат *форма и количество*, взятые в наиболее чистом и абстрактном виде и выраженные на символическом логико-математическом языке. Предметом изучения математики является вся *математическая реальность*, то есть числа, фигуры, формулы, *математические структуры* как множества с заданными на них операциями и отношениями, а также преобразования однотипных математических структур, сохраняющие их структуру (*гомоморфизмы*). Нет сомнений в том, что первичная математическая реальность имеет *онтологический статус*. Математическую реальность образуют и канторовская теория множеств, и теория категорий, и метаматематика. *Эстетика* также исследует форму, но с точки зрения красоты и совершенства и иными выразительными средствами. Закономерная форма всегда прекрасна. Принцип математизация познания так, как он сформулирован Галилеем, предполагает всё математически измерить и провозглашает измеримость критерием научности. *Измерение и координатизация* позволяют от-

разить свойства и отношения изучаемого объекта количественно, обычно в виде численных функциональных зависимостей (таблиц, графиков, уравнений). Выявленные закономерности описываются на языке математических формул и правил их преобразования.

Форма отражается не только в понятиях пространства и геометрической фигуры, но, что не менее важно и значимо, и в математических формулах. Пифагорейский тезис «Всё есть натуральное число» можно смело заменить метафорой «Всё есть форма», имеющей глубокий смысл. Такое почтение к форме восходит к Аристотелю. Человеческое познание представляет собой становящийся ряд образов или форм, сменяющих, отражающих и моделирующих друг друга. За одной формой следует другая, казавшаяся до этого содержанием первой. И так далее. Искомая абсолютная истина снова ускользает, скрываясь за чередой образов, облачаясь в новые одежды. Но на каждом этапе познания при смене форм происходит некое откровение, обретение относительной истины, решающей ту или иную задачу. Человеческое познание не слепо, оно следует путем целесообразности и красоты. В научном познании побеждают совершенные, выпукло очерченные формы.

Согласно Канту любой умопостигаемый объект познания есть «вещь в себе» (то есть номен, в противовес эмпирически познаваемым явлениям – феноменам), которая может быть исследована и описана одним только внешним образом, по принципу «воздействие – реакция», или «вход – выход». Таков и математический подход к изучению действительности, составляющий фундаментальный принцип математизации научного знания. Ведущими в познании выступают структурные категории формы и количества, посредством чего мы и оказываемся в состоянии сказать нечто о содержании, качестве и сущности. Хотя в философии форма традиционно определяется как способ существования содержания, тем не менее, именно она служит творческим началом Мироздания и, соответственно, процесса познания. Всякое «содержание» как-то сформировано и оформлено. Каждое «качество» имеет свои количественные характеристики (меру инвариантности), в пределах возможного изменения которых оно и идентифицируется. Любая «сущность», так или иначе, является, оставляя нам запечатленные данные о себе. А наука занимается сбором и изучением таких анкет.

К категории формы относятся абстракции *схемы* и *структуры*. Наглядно форма выражается, прежде всего, в геометрии. Принцип гармонии, или целесообразного отбора, позволяет выделить наиболее изящные и совершенные геометрические фигуры, сделав их предметом при-

стального изучения. Так же прекрасны начертания замечательных математических формул.

Среди производных от слова «форма» выделяются такие важнейшие термины, как формализация и формула. Под *формулой* понимается записанное на символическом логико-математическом языке математическое предложение или правило. А *формализация* – это моделирование, заключающееся в переводе информации с обычного языка на язык формул. При этом формула выступает в математике как воплощенная форма, несущая концентрированную мысль. Это один из важнейших способов кодирования и передачи информации, наиболее лаконичный и точный, при котором не происходит объективного её искажения.

Роль математических формул убедительно выразил физик Генрих Герц: «Трудно избежать чувства, что эти математические формулы ведут независимое существование и имеют свой собственный интеллект, что они мудрее нас, мудрее даже своих создателей, что мы извлекаем из них больше, чем вначале было в них вложено».

В формуле одинаково важны и *синтаксис* (ее формальное строение), и *семантика* (возможные интерпретации, смыслы). Имея перед собой формулу, мы фактически можем подразумевать (находить) все её интерпретации. В формулах происходит диалектическое соединение ипостасей формы и количества. Важнейшую роль играет *символика*. Математические знаки, обозначения и термины исторически совершенствуются. Математические суждения приобретают наиболее простой и ясный вид. Поэтому сложные формулы мы стремимся преобразовать, привести к более простой форме; на этом пути появляются канонические формы для различных классов формул. Установление эквивалентности двух формул служит одним из основных типов теорем в математике.

«Прекрасные черты» математики проявляются по-разному. На наш взгляд, главные её черты суть высочайшая абстрактность, дедуктивность и структурность.

Первая составляющая эстетики математики – её *логика* и *язык*. «Сначала было слово». (Или ген?) И действительно, первой из наук возникла математика. Она сама служит общепризнанным языком науки. Степень математизации данной области знания есть показатель ее научности. Привлекательны строгость и стройность *дедукции*, ставшей общенаучным методом обоснования истины. Точные науки пользуются *аксиоматическим методом* построения своих теорий. Создан мощный *язык математической логики*, ставший теоретической основой компьютерной техники. В современном компьютере во многом осуществилась фантастическая идея Лейбница о создании универсальной вычислительной машины.

Вглядываясь в математические тексты, мы видим специальные знаки, с помощью которых записаны символические выражения. Эти выражения подразделяются на *термы*, обозначающие предметы, то есть элементы предметных областей, и *формулы*, означающие высказывания о свойствах и отношениях данных предметов. Математические выражения преобразуются друг в друга по чётко заданным правилам. Скажем, термы упрощаются, свёртываются с помощью тождественных преобразований, а формулы переходят в более обозримые равносильные формулы. Внешне математические выражения преобразуются чисто формально – на основе только своей формы по абстрактным правилам. Однако за каждой формулой или термом стоит своя семантика – определенные смыслы, значения, интерпретации. Предварительное знание некоторых смыслов подкрепляет *логическое* мышление *интуитивным* предвидением конечной формы преобразуемых математических выражений. Математический язык способен выразить многие и самые разнообразные явления окружающей действительности и человеческого сознания. Абстрактные понятия и формулы математики повествуют о целых классах подобных, формально связанных между собой явлений, о явлениях сходных, сравнимых по тем или иным параметрам. Эти параметры имеют по необходимости структурный характер, который и схватывает математика.

Вторая эстетическая составляющая математики связана с её объектом и предметом. Пространственные формы и количественные отношения воплощаются, в первую очередь, в абстрациях *число* и *геометрическая фигура*, составляющих содержательный фундамент математической реальности. Здесь красота математики проявляется в гармонии чисел и изяществе геометрических фигур. Вспомним, например, пифагорейское учение о натуральном числе как первооснове всего сущего или связь золотого сечения с числами Фибоначчи [7]. Высокий уровень абстракций и обобщений привносит свои элементы красоты в математику. Классические достижения математики так же вечны, как и великие произведения искусства [8]. Так, фундаментальное явление симметрии исторически воплотилось в современном алгебраическом понятии *группы* [9].

Мы можем любоваться парадоксальными картинами Морица Эшера [10], математическими образами А. Т. Фоменко [11], изумительными фракталами, являющими собой прекрасные рисунки – реализацию некоторых математических формул [12], поразительной компьютерной графикой, имеющей применения в абстрактной математике [13], неожиданными орнаментами и мозаиками Пенроуза [14].

К сфере прекрасного, безусловно, относятся фундаментальные понятия, идеи, методы, конструкции и теоремы математики. Так, общий и незаменимый в приложениях *метод математического моделирования* – ещё один неисчерпаемый источник красоты. Здесь математика выступает в качестве «меры вещей». На этом основана универсальность и эффективность применений математики.

Красота математики проявляется и в перестановочности математических операций, в терминах которой формулируются основные свойства многих математических объектов. Назовем, например, законы дистрибутивности и законы де Моргана, аддитивность производной и интеграла, свойства предельного перехода. Часто в качестве основы перестановочности операций выступают гомоморфизмы математических структур, играющие роль одной из таких операций.

Особую красоту математике придают философские и исторические аспекты математического познания мира. Во многом математика является *наукой о структуре* идеального, отображающего действительность. Математика своими гносеологическими средствами моделирует структуру реальности.

Известный японский математик Горо Шимура, высказавший гипотезу – вместе с коллегой и другом Ютака Таниямой – о взаимосвязи между эллиптическими кривыми и модулярными формами и, тем самым, внесший существенный вклад в решение Великой теоремы Ферма, подчёркивает: «Многие математики занимаются своей наукой их эстетических соображений, и моя философия того, что такое хорошо, также происходит из моих эстетических соображений» [15]. Пуассон говорил: «Жизнь украшается двумя вещами: занятием математикой и её преподаванием». Отметим, что большое внимание красоте при обучении математике уделяют учёные методисты-математики [16].

Примечания

1. Фейнберг Е. А. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино: Век 2, 2004; см. также: Сноу Ч. П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.
2. Россман В. Разум под лезвием красоты // Вопросы философии. 1999. № 12. С. 53.
3. Там же. С. 61.
4. Волошинов А. В. Математика и искусство. М.: Просвещение, 1992; Он же. Пифагор: союз истины, добра и красоты. М.: Просвещение, 1993.
5. Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве: Общая теория перспективы. М.: Наука, 1986.
6. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1974.
7. Васютинский Н. А. Золотая пропорция. М.: Молодая гвардия, 1990; Шевелев И. Ш., Мафутаев М. А., Шмелев И. А. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. М.: Стройиздат, 1990.

8. Вечтомов Е. М. Философия математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004; *Он же*. Метафизика математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006; *Он же*. Основные структуры классической математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. Дополнение.

9. Вейль Г. Симметрия. М.: Наука, 1968.

10. Левитин К. Е. Геометрическая рапсодия. М.: ИД «Камерон», 2004.

11. Фоменко А. Т. Наглядная геометрия и топология. Математические образы в реальном мире. М.: Изд-во МГУ, 1992.

12. Пайтген Х. О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. Образцы комплексных динамических систем. М.: Мир, 1993.

13. Зенкин А. А. Когнитивная компьютерная графика. Применения в теории натуральных чисел. М.: Наука, 1991.

14. Гарднер М. От мозаик Пенроуза к надежным шифрам. М.: Мир, 1993.

15. Сингх С. Великая теорема Ферма. История загадки, которая занимала лучшие умы на протяжении 358 лет. М.: МЦНМО, 2000.

16. Зенкевич И. Г. Эстетика урока математики. М.: Просвещение, 1981; Саранцев Г. И. Эстетическая мотивация в обучении математике. Саранск: ПО РАО, Мордов. гос. пед. ин-т, 2003.

УДК 161/162 (075.8)

А. А. Жуланов

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ МАТЕМАТИКИ

В статье обсуждается проблема соотношения объекта и предмета математики. В литературе существуют два противоположных подхода к ее решению. Первый подход их отождествляет, что ведет к эмпиризму в понимании математики. Второй фактически устраняет объект математики, вследствие чего она утрачивает статус научной теории и оказывается только методом познания (языком науки).

The article focuses on the problem of relation between the object and the subject of mathematics. There are two contrary approaches to its solution in scientific literature. The first approach identifies the object and the subject of mathematics, which leads to empiricism in understanding this discipline. The second one practically eliminates the object of mathematics, because of which mathematics loses the status of a scientific theory and turns out to be a mere method of cognition (language of science).

Ключевые слова: объект математики, предмет математики, абстракция, идеализация, эмпиризм.

Keywords: the object of mathematics, the subject of mathematics, abstraction, idealization, empiricism.

Задача определения предмета математики активно обсуждается как математиками, так и философами, начиная с Античности (пифагорейцы, Платон, Аристотель). С созданием арифметики

возникла проблема числа, впервые поставленная пифагорейцами. В изложении Г. Гегеля она сформулирована следующим образом: «Где находятся числа? Обитают ли они отдельно в небе идей, отделенные от всего другого пространством? Они не суть непосредственно сами вещи, ибо вещь, субстанция, отнюдь не является числом; тело не имеет с ним никакого сходства» [1]. Здесь содержатся два различных, но взаимосвязанных вопроса: что такое число и как оно существует. Представляет интерес парадоксальное высказывание о сущности математики Б. Рассела: «...математика может быть определена как доктрина, в которой мы никогда не знаем ни того, о чем мы говорим, ни того, верно ли то, что мы говорим» [2]. Правомерно поставить вопрос: существует ли *нечто*, о чем математика дает нам знание? Другими словами, что составляет объект математики? Если в классическом естествознании на эмпирическом уровне познания ответ на поставленный вопрос не вызывал затруднений (получаемое знание есть знание о предметах и процессах действительного мира, которые в совокупности составляют объект познания), то в современном естествознании ситуация существенно иная. Формулируемые на теоретическом уровне высказывания (гипотезы, законы) описывают не реальные предметы и процессы, а их идеальные модели. Так, в квантовой физике было введено понятие «физической реальности», которая на эмпирическом уровне познания представлена данными эксперимента (показаниями приборов), а на теоретическом уровне выступает в виде математических формул, уравнений и других математических конструктов. Созданная деятельностью ученых «физическая реальность» стала для них предметом познавательной деятельности. Поскольку микрообъекты (объект познания) непосредственно не наблюдаемы, физик вынужден судить о них на основании анализа «физической реальности» (т. е. предмета познания). Таким образом, развитие науки необходимо привело к постановке проблемы соотношения объекта и предмета науки.

В работах, посвященных философии математики, проблеме предмета математики уделяется много внимания, гораздо больше, чем подобной проблеме в других отраслях науки. Это обусловлено спецификой математики. В отличие от естественных наук, для которых можно с большей или меньшей точностью установить область изучаемых явлений, для математики эта задача трудно разрешима вследствие ее особого характера: высокой степени абстрактности ее понятий и не только. Главным обстоятельством является то, что математические объекты (число, фигура, функция и др.) – результат *идеализации*, мысленного конструирования. Если хотя бы некоторым по-

ностям естественных наук можно поставить в соответствие вещи, свойства или отношения действительного мира, то связь математических понятий с действительностью многократно опосредствована. Если отдельную геометрическую фигуру или натуральное число еще можно, хотя и с большими оговорками, представить как объективное свойство какой-либо вещи или группы вещей, то отрицательные, мнимые числа, векторы, многомерные пространства и т. п. не имеют эмпирически устанавливаемого аналога в действительности. Положение еще более усугубляется, когда имеют дело с формальной математикой, строящейся на основе формализованного языка. Д. Гильберт в одном из докладов заявил: «...я каждое математическое высказывание превращу в доступную конкретному показу и строго выводимую формулу и тем самым перемещу весь комплекс вопросов в область чистой математики» [3]. Эта совокупность формул составляет предмет формальной математики и выступает для математики особой, как назвал ее В. И. Метлов, «математической реальностью» [4]. Здесь встает со всей определенностью проблема: имеет ли математика специфический объект и предмет исследования или нет, является она отражением какого-либо фрагмента, свойства объективной реальности или же она представляет собой только знаковую систему, особый язык, удобный для выражения мыслей?

В отечественной литературе по философии математики проблема предмета математики интенсивно обсуждается [5]. Их авторы опираются на положение, содержащееся в книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»: «...чистая математика имеет своим *объектом* (выделено нами. – А. Ж.) пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть – весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира...» [6]. Данное высказывание различными авторами оценивается либо как классическое определение *математики*, либо как определение *предмета* математики или одной из его сторон. Итак, необходимо различать две вещи: объект математики и ее предмет. Под объектом математики, как и любой другой науки, в соответствии с категориальным смыслом этого философского термина (объект – это есть нечто, противостоящее субъекту деятельности) следует понимать те вещи, свойства и отношения реальности, которые находят в науке свое выражение. Для Платона объектом геометрии было пространство как особая реальность, расположенная между миром идей и миром вещей (пространство как «кормилица, восприимница идей»). В вышеприведенных словах Энгельса речь идет об опреде-

лении *объекта* математики, т. е. о выяснении свойств и отношений действительного мира, которые получили в ней теоретическое выражение.

С расширением понятийного аппарата математики, ее познавательных средств соответственно расширяется и объект математики, т. е. множество тех явлений, которые она может описывать. Например, с созданием тригонометрии стало возможным производить измерения таких расстояний (в геодезии и астрономии), которые средствами обычной геометрии были неосуществимы. Теория вероятностей дала метод количественной оценки случайных событий. Поэтому установить объект математики на каждом этапе ее развития – дело непростое. Задача определения объекта математики имеет два смысла: определение области действительности (вещи, процессы, свойства, отношения), послужившей *прообразом* для формирования новой теории, и определение области *применения* данной теории. Первая задача – дело исторической науки, которая должна произвести реконструкцию форм культуры, обусловивших появление тех или иных математических понятий и методов. Ее решение зависит от наличия историко-культурного материала, его осмысления и систематизации. Здесь только не следует впадать в крайности эмпиризма, требующего для каждого математического понятия указывать его непосредственный аналог или прообраз. Дело в том, что новые понятия часто вводятся как обобщение уже существующих (например, рациональные, отрицательные, комплексные, гиперкомплексные числа), а новые теории или исчисления создаются на основе других математических теорий (например, теория групп как развитие классической алгебры или неевклидовой геометрии как результат замены пятого постулата евклидовой геометрии на другое суждение). Однако и в Новое время, а не только в глубокой древности, многие математические понятия, теории, исчисления первоначально возникают как прикладные для решения задач механики, физики и других наук, техники, экономики и лишь затем приобретают статус чисто математических (например, дифференциальное и интегральное исчисление, теория вероятностей, математическая статистика, теория информации и др.). Будучи абстрагированы из одной области явлений, они затем приобретают всеобщее значение, становятся универсальным аппаратом, техническим средством решения задач из многих других областей, как чисто теоретических, так и прикладных.

Можно ли считать достаточным для определения науки указания на объект ее изучения?

Если ограничиться определением математики как науки о пространственных формах и количественных отношениях действительного мира, то

будет ли такая её характеристика определением её сущности? Можно ли на основе такого определения отличить математику от других наук? Что изучают астрономия, физика, химия и другие естественные науки? Всякая естественная наука, достигшая зрелости, изучает то же самое. Наряду с утверждениями качественного, содержательного характера они включают различные формулы, уравнения, схемы. Так, химия дает знания о количественном составе веществ, о пространственных конфигурациях молекул; механика – о пространственных свойствах движения (кинематика), о количественных отношениях между силами, массами, ускорениями и т. п. (динамика), кристаллография изучает типы пространственной симметрии кристаллов. Примеры можно приводить неограниченно. Но что из них следует? Все названные науки являются разделами математики? Вряд ли этот вывод правомерен и найдёт сторонников за пределами сообщества математиков, да и среди математиков таких встретится немного. Например, Дж. Кемени утверждал: «Я хочу доказать, что каждая наука есть прикладная математика» [7]. Но тогда возможен противоположный вывод: математики как особой науки вообще не существует. Поскольку объект её познания оказался занятым другими науками, она, подобно королю Лиру, разделившему королевство между дочерьми, оказывается лишней. Этот вывод оказывается ещё более экстравагантным на фоне величественного здания математики и огромной армии математиков, которые в таком случае оказываются как бы лишними. Следовательно, истина находится глубже. Значит, науки характеризуются не только объектом познания, не только тем, что они изучают, но и тем, как они подходят к объекту познания, каким способом они его осваивают. Это различие как раз и выражается в предмете науки. Что такое предмет математики?

Прежде чем говорить о предмете математики по существу, посмотрим, как он трактуется в литературе. Академик А. Д. Александров дал такое его определение: «В общем, в предмет математики могут входить любые формы и отношения действительности, которые объективно обладают такой степенью независимости от содержания, что могут быть от него полностью отвлечены. ...непосредственным предметом математики оказываются: числа, а не совокупности предметов, геометрические фигуры, а не реальные тела и т. п.» [8]. В этих высказываниях авторитетного математика один и тот же термин – предмет математики – употребляется в различных значениях: для обозначения форм и отношений объективной действительности и для обозначения продуктов абстрагирующей деятельности людей (числа, фигуры и другие математические понятия).

«В качестве же своих объектов она рассматривает пространственные формы и количественные отношения действительности, точнее, идеализированные объекты, начиная с натурального числа и фигуры и кончая абстрактными фигурами» [9]. Так что такое, с точки зрения автора этих строк Н. И. Жукова, математический объект: объективные отношения или абстракции этих отношений? Примеры подобных рассуждений можно найти и в других работах. Причина неясных рассуждений о предмете математики видится в том, что, сознавая отличие математики (в этом пункте) от естественных наук, некоторые авторы не нашли адекватной логической формы для выражения этого отличия. Проблема решается введением понятий предмета и объекта математики.

Чтобы дать ответ на вопрос о том, что составляет предмет математики, необходимо рассмотреть предметы её отдельных частей: арифметики, геометрии, алгебры, математического анализа и др. Обобщая полученный материал, предмет математики можно представить в виде иерархии систем абстрактных идеализированных объектов, выступающих в единстве их идеального содержания и материальной, знаковой формы (числовые системы, системы функций, геометрических фигур и пр.). Они образуют своего рода «математическую реальность», с которой имеет дело математик в своей работе. Первые этажи этой иерархии являются абстракцией и идеализацией некоторых реальных свойств и отношений действительности, вышележащие – оказываются абстракциями второго, третьего и т. д. порядков.

Введение понятий объекта и предмета математики позволяет провести чёткое разграничение между формами и отношениями объективной реальности, которые потенциально могут получить математическое описание, и абстракциями и идеализациями этих форм и отношений, для которых математика выработала специальные понятийные и языковые средства выражения. Это делает возможным видеть как сходства «математической реальности» и объективной реальности, так и их принципиальное различие.

К чему ведёт отождествление понятий объекта и предмета математики, т. е. употребление терминов «объект математики» и «предмет математики» как синонимов? В логическом отношении некорректно использовать один термин для выражения двух понятий. С философской точки зрения, такое неразличение объекта и предмета науки приводило к наивно-созерцательному взгляду на математику, и, как следствие, к догматизму, к кризисам в её развитии. Что тормозило развитие понятия числа в истории математики? Почему математики различных эпох с уди-

вительным упорством повторяли одну и ту же ошибку, не желая признавать равноправия с другими вначале дробных, позднее – отрицательных, иррациональных, мнимых чисел (чисел вида $2/3$, -5 , $\sqrt{2}$, $\sqrt{-3}$)? Это происходило потому, что символические выражения этих чисел не имели смысла в системе тех понятий, которые использовались в соответствующую эпоху. Для древнего грека, не являвшегося математиком, числом было только натуральное число, ибо оно количественно характеризовало некоторую совокупность вещей. Обыкновенная дробь вида $1/n$ – это не число, а оперативный символ, указывающий на то действие, которое надлежало произвести с некоторой величиной, т. е. разделить ее на n частей. Даже Платон говорил, что математики умоножают там, где надо делить. «Отрицательное число» стало числом, когда ему нашли истолкование в торговых расчётах как меры долга, убытка и т. п. С «мнимыми числами» мирились почти триста лет только потому, что они, встречаясь в промежуточных выкладках при решении кубических уравнений, не входили в конечный результат. Чисто прагматический подход к употреблению таких чисел можно видеть в словах французского математика Л. Карно: «В алгебре вводят в вычисления чисто мнимые понятия, фиктивные сущности, которые не могут существовать, ни даже быть понятыми и которые не теряют, однако, от этого своей полезности. Их употребляют вспомогательным образом, как термины сравнения для облегчения сопоставления истинных количеств... и затем их исключают посредством преобразований, представляющих, так сказать, чисто механическую работу» [10]. В этом высказывании характерно противопоставление «истинных количеств» «фиктивным сущностям» и «мнимым понятиям» (каковыми являются отрицательные и мнимые числа, бесконечно малые и бесконечно большие величины). Деление математических объектов на два сорта (истинные и фиктивные) является результатом эмпирического взгляда на математику, согласно которому «истинный» математический объект должен иметь содержательное истолкование, понятный смысл, т. е., в конечном итоге, он должен выражать некоторое свойство реальности, иметь непосредственный аналог. Понадобились столетия, чтобы в сознание подавляющей части математиков вошло новое понимание предмета математики как науки, изучающей особую реальность, сконструированную самими учёными. Объекты этой реальности образуют множество классов с особыми свойствами, однако здесь уже нет деления их на истинные, т. е. настоящие, полноценные, и фиктивные понятия. Фиктивность некоторых величин оказалась временной; они получили интерпретации в других понятиях, уже имеющих полно-

ценный статус в математике, и поэтому стали вполне равноправными. Например, комплексным числам была дана геометрическая интерпретация; проблема бесконечно малой и бесконечно большой разрешилась пониманием того, что это не постоянные, а переменные величины, имеющие пределом нуль и бесконечность соответственно. Единственное, что их отличает, – это их происхождение: одни являются абстракциями и идеализациями низшего, а другие – высшего порядка, одни, с точки зрения их происхождения, стоят ближе к объективному миру, другие – дальше от него.

Однако эмпиризм в понимании математики еще не изжит. Изжита его явная, очевидная разновидность, требовавшая для каждого математического объекта наличия его *аналога* в действительности. Более тонкая разновидность эмпиризма обычно выражается следующим образом: математика изучает «пространственные формы и количественные отношения действительности *в чистом виде*», т. е. полностью отделенными от содержания. Данное высказывание Ф. Энгельса также широко цитируется в работах по философии математики. На это следует заметить: сколько ни очищай пространственную форму (например, кристалла) от содержания (атомов или ионов), все равно геометрического объекта (тетраэдра, гексаэдра или другого правильного полиэдра) не удастся получить. Для этого необходимо совершить акт *идеализации*, только в результате такой мыслительной процедуры получится математический объект (фигура, функция, уравнение). Тот факт, что математика изучает исключительно системы идеализированных объектов, ставит ее при философском анализе в особое положение по сравнению с другими науками. Акт идеализации не является специфичным только для математического познания. Он необходимо присутствует в любом теоретическом познании («материальная точка» в механике, «абсолютно черное тело», «идеальный газ» в физике и т. д.). Однако в математике ее абстрактные объекты вследствие многоступенчатой идеализации стоят дальше от реальности, чем абстрактные объекты естествознания. Поэтому для них, во-первых, не существует непосредственных аналогов, которые можно было бы, «очистив» их от содержания, превратить в соответствующий абстрактный объект, и, во-вторых, нелегко найти и те объективные прообразы, абстракцией и идеализацией которых они стали.

Другая крайность в вопросе об отношении объекта и предмета математики выражается во взглядах, разрывающих их единство. В некотором роде классической является точка зрения на математику только как на метод познания, как на рабочий аппарат, своего рода язык для других наук. Подход к математике как к языку для

выражения отношений, трудно выразимых средствами обычной речи, укоренился среди физиков, что вполне объяснимо применительно к людям, пользующимся готовым формальным аппаратом. Вот суждение на этот счёт американского физика Е. Вигнера в статье с весьма характерным названием «Непостижимая эффективность математики в естественных науках»: «Чудесная загадка соответствия математического языка законам физики является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны» [11]. Подобные взгляды на роль математики в естествознании можно встретить у Н. Бора, Р. Фейнмана и др. Действительно, математика продемонстрировала огромный эвристический потенциал в ряде наук, особенно в астрономии, механике, физике. Метод математической гипотезы, математическое моделирование, статистические методы обработки данных и другие методы позволили, что называется, на «кончике пера» сделать открытия явлений, недоступных прямому наблюдению (например, планеты Нептун, позитрон). Успехи применения математического инструментария породили некоторую фетишизацию математики как метода науки. С психологической точки зрения это даже неплохо. Но с философской точки зрения с такими представлениями нельзя согласиться. Чудеса остаются таковыми, пока их воспринимают как чудеса, не подвергая изучению. История математики показывает нам, что математические объекты – не дар свыше, а продукт многовековой познавательной и практической деятельности людей, в ходе которой они их создавали, подвергали многократной проверке, совершенствовали, т. е. проводили селекцию не менее длительную и строгую, чем при выведении культурных сортов растений и пород животных. Именно потому, что математические объекты причастны действительному миру («плоть от плоти и кровь от крови этого мира»), т. е. отображают некоторые существенные его свойства и отношения, они позволяют не только описывать адекватно этот мир, но и предсказывать новое в нем, недоступное прямому наблюдению. Как сказал П. К. Рашевский во вступительной статье к книге Д. Гильберта «Основания геометрии», «законы геометрии обязательны для природы потому и постольку, поскольку они из нее извлечены» [12]. Рассмотрение математики только как метода, технического средства познания для других наук лишает ее объективного содержания, т. е. объекта познания, вследствие чего она утрачивает также и специфический, присущий только ей предмет познания, превращаясь в искусственную знаковую систему – искусственный язык подобно формализованному искусственному языку символической логики.

Однако следует заметить, что даже представление математики только как знаковой системы не лишает ее статуса теории, отражающей некий объект познания. Оставаясь в рамках чистой математики, следует подчеркнуть, что всякая математическая теория описывает свойства системы абстрактных идеализированных объектов, созданных в ее рамках (теория чисел, теория функций, теория вероятностей и т. п.). Поскольку эти объекты имеют в теории знаковое выражение, теорию можно рассматривать как искусственную знаковую систему, формулы которой можно преобразовывать по определенным алгоритмам. Это в той же мере относится и к математизированным физическим теориям (например, молекулярно-кинетическая теория описывает свойства идеального газа, т. е. абстрактного объекта физики). Однако отличие научных теорий, выраженных в виде знаковой системы, от искусственных знаковых систем состоит в том, что научные теории связаны со специфическим объектом познания, отображенным в системе абстрактных конструктов. Другими словами, в символах теории выражены понятия, фиксирующие свойства объекта познания. Следовательно, научная теория имеет два уровня содержания: непосредственно она является теорией своего предмета (системы абстрактных идеализированных объектов) и опосредованно теорией того фрагмента объективной реальности, который является ее объектом. Именно поэтому теории применяются для решения практических задач. Правда, применение теории связано с рядом проблем, одна из которых – исключение введенных абстрактных объектов.

Любой язык, как естественный, так и искусственный, способен выполнять свои функции как средства познания мира только при условии, что его символы имеют значение, т. е. что-то обозначают. При производстве формальных преобразований выражений этого языка можно временно абстрагироваться от этих значений, руководствуясь исключительно предписанными правилами (например, формулами тождественных преобразований в алгебре). «Комбинаторная игра в символы», как назвал формальную математику Дж. фон Нейман, – это промежуточный этап при решении научных задач. На первом этапе решения задачи производят формализацию содержания, превращая ее в совокупность формул, на втором – осуществляют формальные преобразования знаковых выражений в соответствии с принятыми алгоритмами, на третьем – дают интерпретацию формул в содержательных терминах той науки, к которой относится решаемая задача. Таким образом, формулы исчисления в рамках решаемой задачи отображают некое объективное содержание, затем они транслируют это

содержание при производстве математических действий, преобразуя его, придавая ему новую структуру, благодаря чему итоговые формулы обнаруживают при интерпретации новые элементы содержания, которые не были видны ранее, но присутствовали там имплицитно. По-видимому, в этом и состоит тайна «непостижимой эффективности» математики в естественных науках: математические формализмы позволяют выявить новые элементы, в скрытом виде имевшиеся в исходном содержании. Согласно Г. Герцу при изучении теории Максвелла возникает чувство, «...как будто в математических формулах есть самостоятельная жизнь, собственный разум – как будто они умнее нас, умнее даже самого автора, как будто они дают нам больше, чем в свое время было в них заложено» [13]. Действительно, из четырех дифференциальных уравнений Д. К. Максвелла было извлечено богатое содержание, которое составило предмет новой отрасли физики – классической электродинамики – и привело к формированию новой физической картины мира – электромагнитной. Таким образом, математические теории, так же как и математизированные естественнонаучные теории, на определенном уровне абстракции можно рассматривать как знаковые системы, но это системы, которые не только допускают, но и предполагают содержательные интерпретации в понятиях соответствующих наук.

Итак, следует сделать вывод: будучи наукой о мире, математика посредством системы понятий – абстрактных идеализированных объектов – дает истинное отображение некоторых свойств этого мира, т. е. через предмет математики отображаются объективные свойства мира (количественные свойства и отношения, пространственные формы, которые составляют ее объект).

Именно поэтому между математикой как теорией и математикой как методом существует единство: теория вследствие ее истинности оказывается методологически эффективной (практически полезной), а метод – теоретически обоснованным (истинным). Математика подтверждает мысль Гегеля о том, что всякая наука есть прикладная логика.

Примечания

1. Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1. Соч. Т. IX. М., 1932. С. 195.
2. Рассел Б. Новейшие работы о началах математики // Новые идеи в математике: сб. 1. СПб., 1917. С. 83.
3. Гильберт Д. Основания геометрии. М.; Л., 1948. С. 391.
4. Метлов В. И. Диалектика оснований и развития научного знания // Вопросы философии. 1976. № 1. С. 125.
5. Александров А. Д. Общий взгляд на математику // Математика, ее содержание, методы и значение. Т. 1. М., 1956. С. 68; Философия естествознания (выпуск первый). М., 1966. С. 268–288; Киселева Н. А. Математика и действительность. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 5–14; Рузавин Г. И. О природе математического знания. М., 1968. С. 30–45; Белляев Е. А., Киселева Н. А., Перминов В. Я. Некоторые особенности развития математического знания. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 3–7, 13–15; Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 49–57.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 37.
7. Жуков Н. И. Философские основания математики: учеб. пособие. 2-е изд. Минск, 1990. С. 32.
8. Александров А. Д. Математика // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 329.
9. Жуков Н. И. Указ. соч. С. 43.
10. Карно Л. Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых. М.; Л., 1933. С. 219.
11. См.: Успехи физических наук. 1968. Т. 94. Вып. 3. С. 546.
12. Гильберт Д. Указ. соч. С. 9.
13. Дягилев Ф. М. Концепции современного естествознания. М., 1998. С. 78.

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

А. Г. Антипов, К. А. Антипов,
Е. А. Алтынцева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье осуществлён теоретический анализ социального управления, раскрыты вопросы о соотношении управления и менеджмента, самоуправления и самоорганизации. Намечены перспективы дальнейшего развития научной дисциплины социологии управления.

The article gives theoretical analysis of social management and reveals the correlation of management and administration, self-management and self-organizing. Prospects of further development of sociology of management are outlined.

Ключевые слова: социальное управление, социальное, менеджмент, самоуправление, самоорганизация.

Keywords: social management, social, management, self-management, self-organizing.

В настоящее время практически все общественные науки активизируют свою исследовательскую деятельность на социальной стороне общественной жизни, делают акцент на изучении социального поля, социального поведения индивидов и различных социальных групп, на взаимодействии их с обществом и государством. Такая концентрация наук на «социальном» во многом имеет объективные основания, среди которых – усиление внимания к личности, главному субъекту всех общественных отношений. При всей значимости экономического фактора на первый план все больше выходит социокультура, социальные нормы и ценности.

Долгое время в нашей стране основное внимание теоретиков и практиков управления уделялось вопросам экономического развития, а в советское время – преимущественно области тяжелой промышленности. О проблемах социального управления стали задумываться по мере того как общественная система стала принимать всё более демократический и социально ориентированный характер. В настоящее время для руко-

водства страны стало очевидным, что без эффективного управления социокультурной сферой невозможен переход к инновационной экономике, экономике знаний, и нужно поддерживать не просто стабильность в обществе, а именно устойчивое его развитие. Под устойчивостью нужно понимать сочетание наследования и развития, преемственности и новизны [1]. Как следствие такого осознания – усиления внимания к социальному управлению.

Одной из специальных отраслей, занимающихся проблемами социального управления, является отрасль социологии – социология управления. Эта отрасль науки тесно взаимодействует не только с менеджментом, как часто утверждается в научной и учебной литературе, но и с другими науками, среди которых социология организации, экономическая социология, социология труда, социология конфликта, социология риска, социология культуры, психология, философия управления и др.

Тем не менее бесспорно то, что основой социологии управления, в первую очередь, является социология, теория управления и формирующаяся общая теория социального управления.

Тесное взаимодействие социологии управления с другими науками имеет двойные последствия: во-первых, делает ее по ряду вопросов теории и практики комплексной, то есть социология управления начинает использовать понятийный аппарат других наук, применять их методы и методику исследований, что можно объяснить тем, что управленческая деятельность – вид социальной деятельности, присущий всем другим видам, так как любая деятельность нуждается в управлении. Во-вторых, происходит некоторое размывание предметной области социологии управления и смежных с ней наук. При анализе научной и учебно-методической литературы по данной дисциплине обнаруживается довольно пестрая тематическая направленность. Например, менеджмент все больше начинает приобретать социальную компоненту, поскольку процессы демократизации приводят к всё более сложному (почти диффузному) распределению управленческой воли, полномочий и социальной ответственности среди всех действующих субъектов. Отсюда и теряются четкие границы между социологией управления, теорией социального управления и менеджментом. Этому способствует некоторая фрагментация теории управления.

Мы считаем, что данное обстоятельство – это вполне нормальное явление для любой относительно молодой, формирующейся научной и учебной отрасли. Тем более в современных условиях наблюдается усложнение характера социальных процессов, повышение конфликтности в их развитии, влекущее за собой необходимость комплексного их изучения, нахождения путей оптимизации социальных процессов.

Отсюда вполне понятно стремление ученых и практиков сформировать новую отрасль знания – общую теорию социального управления.

В научной литературе существует большое число подходов к пониманию сущности социального управления в соотношении с понятиями «управление» и «менеджмент», а также «самоуправление» и «самоорганизация». Поэтому дальнейшее развитие научной области социального управления невозможно без глубокого анализа данного явления, которое поможет нам раскрыть основные категории этого научного направления.

Сначала разграничим термины «менеджмент» и «управление». По мнению многих исследователей, эти термины считаются идентичными, так как понятие «управление» – это перевод с английского термина “management”. Мы попытаемся понять, верно ли это утверждение.

В литературе содержится большое количество определений менеджмента. В «Экономическом словаре» дается следующая трактовка: менеджмент – это успешное управление, это деятельность, которая удается, получается. При этом подчеркивается, что современное понимание менеджмента является многозначным. Оно отражает явления как минимум на четырех уровнях:

- 1) процессы: управления, регулирования, контроля, тренировки, настройки;
- 2) положительный результат: успех, удача, преуспевание;
- 3) особого рода искусство, умелость, навыки;
- 4) этим понятием обозначают определенное социальное положение, социальную группу с особыми интересами [2].

В «Большом экономическом словаре» подчеркивается, что менеджмент – это рациональное управление современным производством, тесно связанное с улучшением организации на основе постоянного внедрения новых принципов, форм, структур и методов управления с целью повышения эффективности производства, бизнеса. Основная цель менеджмента – достижение высокой эффективности производства, лучшего использования ресурсного потенциала предприятия, фирмы, компании [3]. Большой словарь-справочник «Экономика и право» дает определение «менеджмента» как управление производством, совокупность принципов, методов, средств и форм управления производством, разрабатываемых и

применяемых с целью повышения эффективности производства и увеличения прибылей [4]. В «Новой экономической энциклопедии» менеджмент – это система управления на уровне предприятия как коммерческой организации, предпринимательское управление [5]. «Современный экономический словарь» дает следующую информацию: менеджмент – 1) совокупность принципов, форм, методов, приемов и средств управления производством и производственным персоналом с использованием достижений науки управления. Основная цель менеджмента – достижение высокой эффективности производства, лучшего использования ресурсного потенциала предприятия, фирмы, компании; 2) руководство предприятия, фирмы, руководящий орган [6]. В «Бизнес-словаре» понятие «менеджмент» объясняется как совокупность принципов, методов, средств и форм управления экономическим субъектом для улучшения эффективности его деятельности, снижения затрат и увеличения прибыли [7]. Менеджмент, – считает известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, – олицетворяет способы и методы познания и регулирования экономических и социальных процессов в организациях [8].

В терминологическом словаре «Бизнес и менеджмент» менеджмент раскрывается, во-первых, как частное лицо или группа лиц, несущих ответственность за изучение, анализ, формулирование решений и принятие необходимых действий на благо организации. Во-вторых, функции, включающие планирование, координацию деятельности в рамках организации и управление ею [9].

Итак, из данных определений следует, что менеджмент – это набор определенных рекомендаций для увеличения эффективности деятельности любой системы, но в основном фирмы или предприятия, с целью увеличения прибыли. То есть менеджмент – это самостоятельный вид профессиональной деятельности (есть упоминание, что менеджмент – это руководящий орган), направленной на достижение намеченных целей путем рационального использования материальных и трудовых ресурсов с применением принципов, функций и методов преимущественно экономического механизма.

Менеджмент является детищем рыночной экономики, он родился именно из-за потребности бизнеса в эффективном управлении. Поэтому главной целью менеджмента является обеспечение прибыльности, или доходности, в деятельности организации путем рациональной организации производственного процесса, включая управление производством и развитие технико-технологической базы, а также эффективное использование кадрового потенциала при одновремен-

ном повышении квалификации, творческой активности и лояльности каждого работника.

Управление в большом количестве научной литературы определяется как функция организмов, систем различной природы (биологических, социальных, технических), которая обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы или сознательно поставленную цель [10].

Управление же с социологической точки зрения – это властная форма закрепления социальных отношений людей, различающихся местом в системе организации труда (важностью и сложностью выполняемых задач), которое принято называть должностным положением, и местом в системе распределения труда, которое определяет размер основного вознаграждения (оклад, заработная плата) и дополнительных выплат (премия, доля от прибыли). Это искусство так направлять усилия людей к нужной не им, а организации, цели, чтобы они не почувствовали никакого принуждения.

Также можно встретить следующие определения этого понятия. В «Современном экономическом словаре» управление – сознательное целенаправленное воздействие со стороны субъектов, органов на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их действия и получить желаемые результаты [11]. В «Новой экономической энциклопедии» управление – это процесс поддержания функционирования или перевода системы из одного состояния в другое посредством целенаправленного воздействия на объект управления с целью изменения его состояния [12]. «Большая экономическая энциклопедия» определяет управление как целенаправленные, целесообразные действия, обращенные на согласование мнений людей и совместимость их деятельности [13].

В словаре-справочнике «Экономика и право» управление трактуется как совокупность действий, выбранных на основании определенной информации и направленных на поддержание или оптимизацию функционирования объекта в соответствии с имеющейся программой или целью функционирования [14].

Управление обычно делится на три направления:

- процессы управления в неживой природе (в технических системах) называют управлением вещами, что является областью изучения преимущественно технических наук;

- процессы управления в живых организмах относятся к управлению биологическими системами и являются предметом изучения естественных наук;

- процессы управления в обществе (в социальных системах) называют управлением людей

ми или социальным управлением, что относится преимущественно к области социальных наук.

Приближаясь к системе социального управления, можно определить управление как процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на объект для обеспечения его эффективного функционирования и развития [15].

Таким образом, понятия «управление» и «менеджмент» имеют сходства и различия. Основное сходство заключается в том, что они направлены на достижение поставленной цели, так как и процесс управления, и менеджмент подразумевают постановку целей и задач. Также сходство в том, что и управление, и менеджмент способствуют развитию системы, в которой они применяются.

Обратимся к различиям. Термин «управление», как мы уже утверждали, является более широким смысловым понятием, чем «менеджмент». Управление включает в себя понятие «менеджмент» как один из своих подвидов [16]. Управление – это всегда процесс, какое-то действие, а менеджмент – это скорее совокупность способов, инструментов для достижения цели, осуществления управления.

Менеджмент направлен на достижение прибыли, управление – на развитие объекта управления. Менеджмент использует человеческий ресурс только как средство для оптимизации деятельности организации, управление – как объект влияния. Менеджмент обязательно должен быть эффективным, управление может быть любым. Не случайно в литературе насчитывается не менее 300 определений термина «управление». Разное понимание этой категории связано с различием ракурсов его рассмотрения.

Таким образом, можно сделать вывод, что при анализе социального управления важна именно категория «управление», а не «менеджмент», так как управление решает задачи не только эффективности деятельности, но и актуальные теоретические и методологические проблемы.

В данной статье нас в первую очередь интересует социальное управление, которое обеспечивает устойчивое развитие общества и экономики, поэтому обратимся к исследованию данного понятия.

Рассмотрим значение понятия «социальное», так как оно необходимо для понимания термина «социальное управление». Основное значение этого понятия – общественное. Е. А. Ануфриев дает четыре трактовки термину «социальное»: как общественное; как совокупность процессов в социальной сфере; как социальная политика; как субъективно-личностный фактор [17].

Если обратить внимание на все четыре варианта определения «социального», то можно сделать вывод, что социальное управление – управление

процессами и явлениями социальной сферы общества, жизни, а также средство реализации социальной политики и фактор развития личности. Отметим, что социальное управление возможно не только как управление непосредственно людьми в организации, но и как управление социально-экономическими процессами в обществе.

Сущность социологического подхода к социальному управлению состоит в выделении трех его компонентов, главный из которых состоит в целенаправленном управляющем воздействии, которое включает в себя целеполагание и целеосуществление [18], то есть ставит цель и реализует её. Воздействие может исходить извне при нахождении субъекта управления за рамками какой-либо системы, а может быть изнутри, когда объект управления или его часть становится субъектом, то есть берет на себя какие-то функции управления. Стоит отметить, что в этом случае можно говорить о таком явлении, как самоуправление. Самоуправление – это разновидность управления, которая имеет самостоятельный характер, то есть не является зависимой ни от чего. И является процессом не стихийным, а организованным.

Обратимся к самому термину «самоуправление», которое состоит из двух самостоятельных понятий – «управление» и «самостоятельность». Таким образом, самоуправление есть самостоятельная деятельность любой системы независимо ни от чего осуществлять какие-либо процессы и принимать решения по поводу развития всей системы или какой-либо её отдельной части.

Самоуправление появляется только тогда, когда управляемый объект заинтересован и имеет возможность повлиять на систему управления. На наш взгляд, это положительно сказывается на деятельности любой системы, так как она может уступить ряд полномочий всем или самым заинтересованным членам какой-либо системы.

Следовательно, при рассмотрении самоуправления в рамках управления социально-экономическими процессами в обществе можно сказать, что государство имеет возможность снять с себя часть полномочий в социальной сфере и отдать её той части общества, которая имеет возможность помочь её решить, при этом оказывая этим организациям всяческое содействие и не имея права вмешиваться в их деятельность. Разновидностью такой деятельности является местное самоуправление – основа гражданского общества.

Если рассматривать самоуправление в рамках управления непосредственно людьми в организации, то в этом случае можно отметить, что так же, как государство, любая корпорация имеет возможность делегировать часть своих полномочий в сфере социальных услуг заинтересованным и имеющим возможность это осуществить работникам организации.

Очевидно, что самоуправление связано с изменением соотношений централизации и децентрализации в системе управления. Получается, что субъект управления теряет некоторую власть, поэтому надо контролировать границы развития самоуправления. С другой стороны, та автономность, которую имеет самоуправление, всегда относительна, так как одна система обычно встроена в другую, имеющую более высокий уровень, а значит и автономность, и самоуправление по определению ограничены рамками.

Следует заметить, что самоуправление не может отрицать необходимости отдельного органа управления и профессиональной управленческой деятельности вообще, оно, наоборот, способствует эффективности управления, а также помогает взращивать будущие управленческие кадры [19].

Итак, самоуправление – это разновидность управления, которая имеет некую самостоятельность с определенными границами, при которой управление осуществляют активные и заинтересованные члены, составляющие часть объекта управления, и которая способствует эффективности процесса управления.

Вторым компонентом социального управления является самоорганизация социальная – проявление спонтанного в обществе, самосовершающиеся процессы социального регулирования [20]. Типичными примерами может служить неформальное группообразование, появление социальных норм. Приняв данное определение, можем сделать следующие предварительные выводы. Во-первых, самоорганизация может существовать в обществе на всех уровнях, начиная с первичных групп. Во-вторых, самоорганизация есть продукт социального взаимодействия. В-третьих, самоорганизация спонтанна, автономна, то есть не зависит от внешнего воздействия. И, в-четвертых, самоорганизация несёт функцию социального регулирования, то есть имеет возможность контролировать некоторые социальные процессы и явления.

Если опираться на системный подход, то самоорганизация общества – свойство системы самостоятельно, изнутри, без всякого внешнего воздействия, изменяться [21].

Существуют разные точки зрения на признаки, определяющие наличие самоорганизации в системе. При кибернетическом подходе самоорганизация имеет место, когда структурирование управляется изнутри и детерминировано процессом целедостижения [22]. Синергетическая модель не требует цели и обращает внимание на спонтанность возникновения такой системы, незаданность её формирования извне [23]. На наш взгляд, для явления «самоорганизации» в любой системе необходима относительная автономность, активность членов, а также спонтанность этого процесса.

Самоорганизация как особый процесс социального управления помогает осуществляться управляющему воздействию, так как с её помощью происходит определенное упорядочивание в обществе, развитие системы на части.

Существует мнение, что переход даже отдельных элементов системы на принципы самоорганизации – это значимая инновация, затрагивающая всю систему в целом [24]. По этой причине культуру самоорганизации необходимо прививать членам системы, поскольку она полезна для управления, так как субъект управления может найти возможность запускать и корректировать процесс самоорганизации, катализируя его целенаправленность [25]. При этом нужно отметить, что процессы самоорганизации могут не только помогать управленческому воздействию, но и выступать как фактор социальной дезорганизации, если самоорганизующиеся элементы системы противодействуют влиянию и субъект управления не может найти необходимый механизм воздействия.

Многие исследователи сводят понятия «самоуправление» и «самоорганизация» к единому знаменателю, но на самом деле они находятся в иной зависимости. Самоуправление выступает в роли важного показателя уровня самоорганизации отдельных элементов системы, то есть чем выше уровень самоорганизации в системе, тем выше вероятность возникновения такого вида управления, как самоуправление.

Итак, самоорганизация – спонтанный процесс социального управления, который необходим системе для усиления управленческого воздействия, поэтому задача субъекта управления – культивировать его возникновение.

Третий компонент социального управления состоит в организационном порядке, который включает в себя как продукты «прошлого» управленческого труда (решения, объективированные в стабильной должностной структуре, административном распорядке), так и систему стихийно сложившихся правил и норм отношений в коллективе [26]. На наш взгляд, этот компонент заключается в определенном опыте и традициях как субъекта, так и объекта управления любой сложившейся системы, которые надо обязательно учитывать при принятии новых управленческих решений.

Таким образом, оптимальное соотношение трех компонентов социального управления (управляющее воздействие извне и самоуправление; самоорганизация, организационный порядок), при учете достоинств и недостатков каждого из компонентов, предполагает их объединение для обеспечения эффективного социального управления [27].

Отметим, что активность в развитии общей теории социального управления и социологии управления, создание эффективного социального

управления во многом носит объективный характер, связанный с целым рядом вызовов. Часть вызовов диктуется внутренним состоянием нашего общества, а другая – положением дел в мире, с острейшими и масштабными его проблемами. Для России внутренние и внешние вызовы не существуют отдельно. Тем не менее для нашей страны более остро проявляют себя внутренние вызовы, которые во многом объясняются «архаичностью» нашего общества, т. е. его отсталостью [28].

В выступлениях высшего руководства страны в последние годы были определены основные приоритеты модернизации общества и экономики на путях инновационного развития. Они являются ключевыми для вывода России на принципиально новый уровень развития, обеспечения лидерских позиций в мире, существенного повышения качества жизни россиян. Сложившаяся в нашей стране система управления с годами постепенно приходила во все более острое противоречие с условиями и потребностями общественного развития. Залимитированная сверху донизу, такая система управления стала приобретать качества механизма торможения экономического и социального прогресса. Положение обострялось зачастую слепым копированием зарубежных механизмов управления, явной недооценкой отечественного опыта, принижением значимости социального управления, самоуправления и самоорганизации, недостаточно активным использованием уже имеющихся и апробированных эффективных социальных технологий.

Характер социального управления в современных условиях предъявляет к субъекту управления требование повышенной социальной ответственности за принятие управленческих решений и их социальные последствия, что обуславливается как масштабностью управленческих воздействий, так и сложностью структурной организации объекта управления, повышением уровня рисков.

Социология управления призвана помочь определить оптимальные пути, формы и методы решения назревших социальных проблем, стоящих перед обществом. Тем более это важно в условиях кардинальных общественных перемен, когда существующие и функционирующие в обществе институты управления не могут оставаться неизменными, а трансформации, происходящие в них, носят фундаментальный характер.

Особое внимание следует обратить на единство теории и практики: в практике социального управления могут реализоваться следующие закономерности управления:

– система социального управления целостна, что обусловлено культурными, политическими, экономическими и экологическими факторами общественного развития. Это проявляется в неразрывной цепи отношений управления (от выс-

ших органов управления до низших его звеньев), в единстве социального управления со всеми его составными частями, включая самоуправление и самоорганизацию, на основе гармонизации разных целей и интересов общества, в сочетании основных функций и методов управления;

– между управляемой и управляющей подсистемами социальной системы должна соблюдаться определенная пропорциональность, предполагающая рациональную соотносительность внутри них, а также между ними с целью обеспечения наиболее эффективного функционирования этих подсистем;

– между централизацией и децентрализацией функций социального управления должно соблюдаться оптимальное соотношение. Уровень централизации управления меняется в процессе общественного развития, и это изменение является законом социального управления. Для каждого этапа общественного развития должен быть свой оптимальный уровень централизации (децентрализации);

– различные социальные группы должны принимать участие в социальном управлении, в повышении его эффективности и ответственности, поскольку общественное производство материальных и духовных благ подчинено цели удовлетворения потребностей населения. В данном случае речь идет о самоуправлении.

Подводя итог, необходимо отметить, что теоретический анализ основных категорий социального управления дал нам возможность наметить перспективы развития этого научного направления, так как в ходе исследования наметились следующие проблемы: каким образом развивать самоуправление, чтобы оно способствовало эффективному управлению; каковы пределы управления и самоуправления; при помощи каких инструментов управленцу культивировать самоорганизацию в системе так, чтобы она играла конструктивную роль; как соотносить все три компонента при социальном управлении так, чтобы это способствовало его эффективности; и ряд других. Особый интерес для исследователя может представлять изучение пределов управления социальными системами и подсистемами, выявление противоречий в развитии и путей их разрешения и др. Задача исследователя-теоретика – искать решения этих проблем и давать их практикам, чтобы совместными усилиями совершенствовать социальное управление в современном обществе.

Примечания

1. Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система // Российская газета. 2012. 26 янв. С. 15.
2. Экономический словарь. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/%D0%9C%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82>

%B5%D0%B4%D0%B6%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82

3. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. URL: <http://www.bank24.ru/info/glossary/?srch=%C5%CD%C5%C4%C6%CC%C5%CD%D2>

4. Экономика и право: большой словарь-справочник / авт.-сост. А. П. Куракин, В. А. Куракин. М.: Вуз и школа, 2008. С. 388.

5. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 309.

6. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь. URL: <http://vocable.ru/dictionary/88/symbol/204>

7. Бизнес-словарь. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/biz/m/ menedzhment.html>

8. Тощенко Ж. Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. С. 38.

9. Розенберг Д. М. Бизнес и менеджмент. Терминологический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 241.

10. Социальное управление: словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 168.

11. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь. URL: <http://vocable.ru/dictionary/88/symbol/207>

12. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. С. 575.

13. Большая экономическая энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2007. С. 690.

14. Экономика и право: большой словарь-справочник. С. 771.

15. Социальное управление: теория и методология. Ч. 1. М.: Муниципальный мир, 2004. С. 313.

16. Коротков Э., Кузьмина Е. Генезис менеджмента // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 1. С. 41.

17. Ануфриев Е. А. Понятие «социальное» и предмет социального управления // Проблемы социального управления: сб. ст. и материалов «Круглого стола». М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 85.

18. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. С. 537.

19. Пицулин Н. П., Пицулин С. Н., Бетуганов А. А. Социальное управление: теория и практика. М: ИКЦ «Академкнига», 2003. Т. 1. С. 203.

20. Социологический словарь. С. 402.

21. Пицулин Н. П. Социальное управление... С. 152.

22. Концепция самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М.: Наука, 1994. С. 24.

23. Концепция самоорганизации: становление... С. 25.

24. Сивова С. Нуждается ли самоорганизация в управленческом обеспечении? // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3. С. 83.

25. Хищенко В. Самоорганизация и менеджмент // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 3. С. 122.

26. Социологический словарь. С. 537.

27. Там же. С. 538.

28. Антипов А. Г. «Архаичное» общество и проблемы его модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 3–13; Он же. Современные вызовы «архаичному» российскому обществу // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 68–72.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.32(470)-053.6

А. А. Жирнов

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОГО (РОССИЙСКОГО) ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Статья посвящена состоянию и роли молодежи в развитии современной российской общества, а также ее гражданского воспитания в современных условиях. Для активного участия российской молодежи в модернизации страны в условиях глобализации и постиндустриализации в первую очередь необходима единая воспитательно-педагогическая сфера, включающая в себя законодательные инициативы руководства РФ; специальные патриотические, религиозные, гуманистические программы, формирующие такие черты российской молодежи, как патриотизм, гражданственность, общечеловеческие ценности.

The article is dedicated to the status and the role of young people in the development of modern Russian society as well as their civic education. To provide the involvement of young people in the state modernization in conditions of globalization and post-industrialization, it is necessary to create an integral educational sphere including the RF governing body legislative initiatives, special patriotic, religious and humanistic programs, moulding such features of Russian young people as patriotism, commitment to civil priorities and universal human values.

Ключевые слова: молодежь, образ жизни, социализация, ценности, гражданственность.

Keywords: young people, lifestyle, socialization, values, public spirit.

Образ жизни молодых людей является важной социокультурной категорией, позволяющей рассматривать в единстве объективные условия, общественное сознание и практическую деятельность молодежи. Молодость, как и любая социальная группа, характеризуется образом жизни, включающим в себя субъективную составляющую (мировоззрение, ментальность, ценности), систему основных форм жизнедеятельности, то и другое формируется при определенных общественных условиях. Такая формулировка выдвигает на ведущую роль субъективную составляющую образа жизни.

Роль молодежи в культуре и обществе, согласно Г. Маркузе, обусловлена историческими альтернативами, определяемыми унаследованным уровнем материальной и интеллектуальной культуры. Сам же выбор является результатом игры господствующих интересов. Он превосходит одни специфические способы изменения и использования человека и природы, отвергая другие такие способы. Таким образом, это один из возможных «проектов» реализации. «Но как только проект воплощается в основных институтах и отношениях, он стремится стать исключительным и определять развитие общества в целом» [1]. Изменение прежнего проекта и создание нового проекта устройства общества – задача молодежи.

Важнейшим результатом социализации и инкультурации молодежи является интернационализация ею типичных для данного общества и культуры идеалов, ценностей, норм, а также статусов и ролей, которые образуют содержание его ментальности. Только в этом случае общество и государство будут стабильными. Основной проблемой, согласно Т. Парсонсу, является не просто интернализация индивидом чего-нибудь, но и «*легитимизация существующей общественной системы*» [2]. По мнению Т. Парсонса, государство может быть крепким только в том случае, если оно выстраивается одновременно сверху (правлящий класс) и снизу (народ), и этот процесс всех удовлетворяет.

Ведущим аспектом этой социализации-интернационализации является формирование достигнутых мотивов, конкретизируемых в виде приемлемых для данного общества и данной совокупности ролей в этом обществе ориентиров, на которые эти мотивы направлены. При этом приверженность к определенным уровням и типам ролевого достижения должна подкрепляться мотивационной заинтересованностью в соответствующем напряжении исполнительских способностей. Это оказывается возможным и приносит индивидам удовлетворение только в том случае, когда «общество предоставляет им должную структуру благоприятных условий деятельности» [3].

Развитие общества всегда начинается с обновления образа жизни передовых социальных групп, которые задумывают, а затем организуют других на изменение общественного строя. Раньше эту роль выполняли передовые социальные клас-

сы. В условиях постиндустриализации и глобализации эту роль все чаще выполняет современная информационная молодежь, живущая информационным образом жизни.

Советский образ жизни представлял единство социалистического и общечеловеческого, а значит соответствующих субъективных и объективных факторов, проявившихся в жизнедеятельности советской молодежи. Трансформация советского общественного строя в капиталистический строй произошла быстро и неожиданно. Это сказалось на мировоззрении и ментальности ветеранов советского строя. Возник конфликт советского и несоветского поколения людей. В случае с советской и российской молодежью важно подчеркнуть: советская молодежь стала поколением отцов и матерей российской молодежи, поэтому сравнительный анализ этих противоположных типов молодости имеет не только формационное, но и поколенческое значение.

Важнейшей формой воспитания российского характера, ментальности, мировоззрения является, прежде всего, общественный строй постсоветской России, а также единая воспитательно-педагогическая сфера, включающая в себя законодательные инициативы руководства РФ; создание комитетов по молодежной политике при всех политических партиях; подготовку специалистов по работе с молодежью; введение грантов для молодых работников; специальные патриотические, религиозные, гуманистические программы на телевидении; воспитание на примере национальных героев; борьбу против национализма и т. п.

События последних 20 лет показали, что у большинства российской молодежи отсутствует четкое мировоззрение, ментальность, ценности. Они носят противоречивый характер: религиозный (православный, исламский и т. п.), советский, либеральный, социал-демократический и т. п. Это вызвано отставанием системы социализации и инкультурации от требований времени. Проблема заключается в противоречии между глобализацией, рынком, конкуренцией, формирующими людей активных, предприимчивых, рациональных и т. п., и нацией, которая требует людей семейных, нравственных, патриотичных.

Трансформация общественного строя непосредственно сказывается на системе объективных факторов, формах жизнедеятельности молодежи, вызывая конфликт поколений. Это конфликт консерваторов и революционеров, зависящий от темпов трансформации общественного строя. Нынешнее руководство России ставит перед народом задачу модернизации страны, усиления ее инновационного потенциала, опоры на современную информационную молодежь.

Обнаружены каналы существенного влияния социального неравенства на здоровье, психоло-

гию, ментальность молодежи. Хронические стрессы, которые испытывают молодые люди, связаны с неудовлетворенностью занимаемым общественным положением, неясной перспективой социальной мобильности. Длительное состояние неуверенности, низкая самооценка, социальная изоляция, невозможность контролировать ситуацию дома, на работе, улице вызывают депрессию, а это, в свою очередь, сказывается на образе жизни молодежи.

Сущностью молодежного образа жизни является человеческий капитал, который обновился и снизился по сравнению с советским периодом. «В связи с этим, – подчеркивает Т. Заславская, – одной из важнейших задач современной России является преодоление сложившейся тенденции к снижению человеческого капитала» [4]. Повышение человеческого капитала связывается, прежде всего, с молодежью, которая должна смягчить становление постиндустриального общества в России. Речь нужно вести не только об усилении человеческого капитала молодежи, но и о его смысловом содержании, увеличении в нем современной, постиндустриальной, информационной составляющей. Для этого руководству страны необходимо определиться с мировоззренческими, моральными, эстетическими идеалами народа, необходимыми в условиях глобализации, постиндустриализации, экологического кризиса. Это задача не молодежи, а правящей элиты, политических партий, творческой интеллигенции, которые расколоты по этим судьбоносным вопросам и никак не могут прийти к консенсусу. Т. И. Заславская пишет: «Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России. Будут найдены эти критерии – можно будет восстановить процесс поступательного развития страны, не будут найдены эти критерии – страна станет топтаться на месте, возвращаясь вспять, разрушаться» [5].

В конце 1990-х гг. в российском обществе возник запрос на стабильность, порядок и потребление, который был удовлетворен во время правления В. Путина. Сейчас определился запрос на модернизацию России, который пока носит неопределенный характер. Модернизация страны требует активного участия в ней молодежи. Соотношение тех, кто ориентирован на изменение страны и на сохранение сложившегося порядка, различается незначительно. Но большая часть молодежи выступает за модернизацию страны. Поэтому призы политической элиты РФ к модернизации общества обращены, прежде всего, к молодежи, ориентированной на инновации, гражданственность, патриотизм.

Что же происходит с молодежью России в начале XXI в.? Какие жизненные ценности она

разделяет? Согласно опросу «Фонда общественного мнения» 35% молодых россиян выбирают материальное благополучие, 16% – образование, 7% – карьеру, 4% – самореализацию, 3% – независимость. Сельская молодежь в сравнении с этими результатами в большей мере ориентирована на материальное благополучие (45%) и на независимость (7%). Последнее вполне понятно в условиях вынужденной самостоятельности крестьянских хозяйств и их независимости от государства [6]. Исследования показали, что главными жизненными ценностями молодежи стали семья, друзья и здоровье, затем следуют интересная работа, деньги, справедливость, а замыкает жизненные ценности вера. Перед нами существенное изменение ценностей в структуре ментальности молодежи. В советское время интересная работа стояла у молодежи на первом месте, выбирали ее около 2/3 респондентов; теперь же она переместилась на четвертое место, что коррелируется с отказом российского общества от трудового, патриотического и физического воспитания молодежи. В СМИ везде пропаганда потребительства, богатства, предприимчивости. Отсутствует моральная связь между работой и деньгами. За последнее время у молодежи выстроилась следующая иерархия жизненных целей, представленных в таблице [7].

Думается, что в данном исследовании речь идет скорее о стратегиях выживания в ситуации кризиса жизненных смыслов. В связи с этим одним из способов поведения может быть уход от реальности. Например, человек подавляет в себе тревожные мысли, сомнения и начинает заниматься «делом» (работой, учебой, карьерой, семьей и т. д.), пытаясь «жить как все». Можно заглушить тоску бессмысленного существования наркотиками, компьютерными играми, алкоголем и т. д. Можно отложить решение жизненных проблем или переложить ответственность на других и надеяться, что все образуется само собой. Но это ведет к замедлению личностного роста и ограничению смыслового поля самореализации.

Переход от советской цивилизации к капиталистической сопровождался идеологическими и политическими конфликтами. В РФ соответствующие конфликты смягчились. Это относится прежде всего к «конфликту поколений», кото-

рый был острым до прихода В. Путина к власти. Некоторые предполагали, что на смену прежним конфликтам придет конфликт между олигархами и народом, между бюрократией и гражданами. Исследования показали, что наиболее конфликтными являются отношения между богатыми и бедными, русскими и нерусскими, что стало результатом вопиющего социального неравенства и массовой миграции в России.

Межгрупповые противоречия за период правления В. Путина изменились следующим образом: между богатыми – бедными: улучшились – 44,4%, остались прежними – 30,7%, ухудшились – 48,0%; молодежь – пожилые: улучшились – 14,6%, остались прежними – 15,5%, ухудшились – 13,3%; между людьми разных политических убеждений: улучшились – 13,5%, осталось прежним – 13,9%, ухудшилось – 12,3%; между чиновниками – гражданами: улучшилось – 26,4%, осталось прежним – 26,7%, ухудшилось – 25,5%; собственники предприятий наемные работники: улучшилось – 20,4%, осталось прежним – 11,2%, ухудшилось – 22,8% [8]. Таким образом, на состояние противоречий между молодежью и пожилыми оказал влияние весь спектр межгрупповых противоречий.

Недовольство старших поколений россиян в первую очередь связано с нынешним расслоением на богатых и бедных, которое происходит из советской государственной собственности, в которую они все «вложились» и которая оказалась несправедливым образом приватизирована. Основная линия противоборства, в которую вовлечена и российская молодежь, проходит не по линии «труда и капитала», а по линии «советские – буржуи», и носит скорее идейно-нравственный характер. Вышеприведенные социологические исследования показывают, что молодежь более спокойно относится к этому противостоянию, считая, что это их касается лишь косвенно.

Также до сих пор остро стоит проблема «русской молодежи» и «нерусской молодежи». На фоне сравнительно высокого уровня межнациональной толерантности налицо рост «охранительного национализма», ставшего новым явлением в жизни России. В инородцах российская молодежь видит, прежде всего, представителей экономически организованных этнических сооб-

О жизненных ориентациях молодежи Приволжья

Жизненные цели молодежи	По всей выборке	Пол		Возраст		
		муж.	жен.	14–17	18–24	25–30
Высокий заработок, материальное благополучие	19,0	19,5	18,5	18,3	19,0	19,4
Дело по душе, интересная работа	15,0	14,6	15,5	17,3	14,9	13,6
Хорошие отношения в семье	12,1	10,1	14,2	10,4	12,3	13,1
Хорошие, верные друзья	10,3	11,1	9,5	15,7	10,3	6,8
Удовлетворенность в любви, интимной жизни	6,5	6,5	6,5	6,4	6,4	6,6

щество, конкурирующих с ней за работу и культуру. Особенно это болезненно воспринимается в российской глубинке, в которой каналы социальной мобильности совсем небольшие.

Цивилизационная травма, связанная с распадом советского строя, выражается между молодыми и стариками в конфликте, характеризующимся в смещении ментальности от коллективизма к индивидуализму, от общественного к частному, от будущего к настоящему, от предопределенности к активности, от необходимости к свободе, от мифологии к реализму. Ментальность молодежи во многом определяет модернизацию России и зависит от образования, социальной мобильности, социального неравенства, трудностей с приобретением жилья и т. п. Современная молодежь повсеместно требует от государства и правящих классов справедливости, которая становится важнейшей ценностью народа в условиях глобализации. Поэтому нынешнее руководство

РФ уделяет российской молодежи все больше внимания, понимая, что от нее зависит и международный престиж страны.

Примечания

1. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. XX.
2. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 369–370.
3. Там же. С. 70.
4. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. (Окончание). С. 23.
5. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5.
6. Селиванова З. К. Смыслоразнозначные ориентации подростков // СОЦИС. 2001. № 2. С. 89–90.
7. Явон С. В. О жизненных ориентациях молодежи Приволжья // СОЦИС. 2010. № 6. С. 103.
8. Петухов В. В. Новые поля социальной напряженности // Социс. 2004. № 3. С. 31.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 659(510)

Цзюань Гао

КИТАЙСКАЯ РЕКЛАМА: ОПОРА НА ТРАДИЦИОННОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В статье анализируется современное состояние рекламного рынка в Китае, а также основные принципы, используемые при управлении потребительскими аудиториями.

This article examines the current state of Chinese advertising market, as well as the basic principles used in the management of consumer audiences.

Ключевые слова: Китай, реклама, потребитель, традиция, культура.

Keywords: China, advertising, consumer, tradition, culture.

Сегодня Китай является второй рекламной индустрией мира, и это вполне закономерно. Коммерческая реклама – следствие развития потребительского рынка, торговли. Повышение уровня жизни, рост платежеспособного спроса населения – лучшая питательная почва для рекламы. В 2010 г. количество китайских семей с доходом более чем 1 млн долл. достигло примерно 700 тысяч, Китай занял 2-е место в мире по числу миллионеров после США. Это всего 0,2% от общего количества семей, но в абсолютном исчислении «рынок миллионеров» – примерно 3 млн человек. Это значимая величина по любым меркам. Да, уровень жизни большинства китайцев, особенно в деревне, находится на низком уровне. Но активно формируется средний класс, достаточно высоки доходы квалифицированных рабочих. В конце концов, 1,34 млрд человек даже с низкими доходами что-то пьют-едят, надевают на себя, следовательно – покупают. Сегодня китайский потребительский рынок является вторым в мире по покупательскому потенциалу после США: Китай занимает 12% мирового рынка потребительских товаров и услуг, США – 21%, на третьем месте – Япония (7%).

Рост торговли сопровождается ростом рекламных расходов. В мае 2011 г. КНР стала вто-

рым в мире рекламным рынком с объемом 36 млрд. долл. Это в 2 раза больше, чем прогноз на 2011 г., сделанный в середине нулевых. В США затраты на рекламу, конечно, в разы больше – около 165 млрд долл., но если в США кризис вызвал сокращение рекламных затрат, отток кадров из отрасли, то в Китае наблюдался устойчивый рост объемов рекламы на 20% в год, причём интернет-реклама растет иногда на 40% в год. В рекламной отрасли Китая сегодня работают 1,5 млн человек (не считая иностранных граждан), объединенных более чем в 100 тыс. рекламных агентств. Рекламному делу в Китае обучают более 250 вузов, благодаря чему число дипломированных специалистов в рекламной индустрии насчитывает уже десятки тысяч. В Китае есть множество местных рекламных агентств, но рекламной поддержкой крупных зарубежных брендов, выводимых на китайский рынок, занимаются китайские филиалы мировых рекламных сетей, расположенных, как правило, в Шанхае, Пекине и центре китайского юга Гуанчжоу (бывший Кантон). Именно эти агентства, в которых работают и китайцы, и специалисты из других стран, формируют сегодня лицо китайской рекламы за рубежом. Dentsu, Young & Rubicam, McCann-Erickson, WPP Group, J. Walter Thompson и многие другие глобальные рекламные империи устойчиво чувствуют себя в условиях социалистического рынка. Крупнейший зарубежный рекламодатель на рынке Китая – P&G.

Порой подходы, используемые в китайской рекламе, кажутся абсолютно схожими с теми, что практикуются в любой другой стране. На первый взгляд реклама на улицах китайских и любых иных мегаполисов не различается. Отчасти это так. Но, вместе с тем, представление о «интернациональности» китайской рекламы достаточно обманчиво. В любой крупной рекламной кампании в Китае всегда можно найти ценности и мотивы традиционной китайской культуры, одобряемых столетиями моделей поведения.

Например, фирма Gillette провела успешную рекламную кампанию с участием олимпийского чемпиона по бадминтону Линь Дая. Целевая аудитория – мужчины от 20 лет, стремящиеся к жизненному успеху и желающие хорошо выглядеть в глазах окружающих. Но успех молодого мужчины в Китае связан, в первую очередь, с созданием семьи с достойной избранницей и рож-

дением детей, и только потом – со служебным продвижением и ростом финансового благополучия. Одна из причин этого – очевидный дисбаланс между числом мужчин и женщин брачного возраста в Китае. В этих условиях женитьба на «хорошей китайской девушке» – и впрямь жизненное достижение. Поэтому понятие «успех» увязано в рекламе с понятием «помолвка» (избранница приняла брачное предложение превосходно выбритого Линь Дая).

Китайские и зарубежные специалисты по рекламе понимают и учитывают в своей работе, что традиционная культура, устоявшиеся социальные нормы и ценности, стиль жизни по-прежнему определяют повседневность абсолютного большинства людей в Китае, в том числе и их потребительское поведение. Проведенный нами анализ показал, что можно выделить несколько явных культурных особенностей китайских потребителей, которые должны находить своё отражение в рекламе.

Умеренность

Китайский мудрец Чжу Си учил, что любое развитие должно осуществляться по правилам и любое развитие имеет свой предел. Если что-то выходит за предел или что-то нарушает правила, то оно не способствует развитию, а даже представляет для него опасность. Поэтому достичь идеального результата можно только избегая ненужного риска, чрезмерности, взяв твёрдый курс на «золотую середину» (развитие в соответствии с правилами и соблюдением границ). «Золотая середина» (Чжон Юн) является важной ценностью китайского народа. На протяжении нескольких тысяч лет она оказывает большое влияние на мышление и поведение китайской нации. Существуют ограничения во всём, что касается мышления и поведения, выходящего за рамки фундаментальных взглядов. Цель этих ограничений – сохранить преемственность и стабильность. Отражение этой ценности в поведении потребителей – это стремление действовать в гармонии с другими людьми, в соответствии с общественными принципами (коллективная потребительская ориентация). В китайском обществе изначально существует протест против чрезмерного потребления, против индивидуалистического потребления, против экстравагантности в потреблении.

Семья как центр мира

Кровное родство в китайской культуре играет существенную роль, всё существует на основе семьи, всё оценивается через семью. В настоящее время уже редко можно найти примеры того, как три-четыре поколения семьи живут под одной крышей, но традиционная этика семьи всё ещё сохраняется, взаимозависимость между родителями и детьми ещё очевидна. Индивидуаль-

ное потребление китайца тесно связано со всей семьёй: человек, являющийся членом семьи, должен учитывать не только собственные потребности, но и потребности всей семьи. Многие из современных рекламных сюжетов имеют в своей основе картину тёплой семейной атмосферы: «Что есть в счастливой семье?» или «Что есть у счастливой семьи?», «Как сделать свою семью счастливой?» и т. п. Эти лозунги в китайской рекламе очень распространены. Среди них наиболее типичной, специфически китайской является использование концепции, выражаемой четырьмя иероглифами 母慈子孝 – «любовь жены к мужу, матери к детям, уважение детей к старшим». Дети почитают своих родителей, а родители для своих детей делают то, что они могут: такие сцены часто встречаются в телевизионной рекламе.

Сохранить лицо

Одной из главных особенностей китайской культуры является то, что в межличностной коммуникации люди особенно заботятся, как они выглядят в глазах других, как представляют другим своё «лицо». В последние годы исследования по социальной психологии показывают, что «лицо» в китайском языке является неоднозначным сложным понятием, которое состоит из двух составляющих: «вид» и «прилежность». В целом же «лицо» означает социальную уверенность в моральных качествах человека и, соответственно, в его репутации в обществе. Научная литература показывает, что, по сравнению с другими народами, китайцы уделяют особое внимание формированию хорошего впечатления в глазах других людей. При этом важны внешний вид, положение в обществе, хорошая репутация. Поэтому китайский народ нетерпимо относится к поведению, в результате которого человек «теряет лицо», необходимым считается «показать красивое лицо». Так называемая «прилежность» относится к личности в общественной жизни. Она формируется в сознании окружающих при успехе индивида в работе, учёбе и т. д. И одновременно человек получает престиж и соответственный социальный статус. В Китае принято давать другим шанс «показать лицо» или сохранить своё «лицо». А то, что может нанести другим оскорбление, вызывает неприятие. Эта забота о репутации связана с китайской культурной традицией «Ли» (важный элемент китайской традиционной культуры, обозначает вежливость, этикет; благодарность). Отражение этого принципа в потребительском поведении китайского народа – потребление должно быть «достойным», соответствующим статусу потребителя, не вызывать негативных реакций у других. Поэтому люди часто специально выстраивают своё потребление так, чтобы соответствовать социальным ожиданиям.

Добродетель дороже денег

Китайский народ акцентирует внимание на добродетели и духовных ценностях, которые считаются важнее, чем материальные интересы. Соблюдение эмоциональных и моральных правил общения – не только одна из основных особенностей китайской культуры, но и одно из основных различий между китайской и западной культурами. Эта особенность проявляется в основном в двух аспектах: во-первых, уделяется большое внимание эмоциональному общению в межличностных отношениях, что иногда даже мешает нормальной официальной коммуникации. Во-вторых, при коммуникации принято обмениваться подарками или даже деньгами (свадьба, похороны) в целях укрепления двусторонних отношений, но при этом подарки оцениваются, прежде всего, с эмоциональной стороны – как мера радости, сочувствия и т. д. Этот принцип переходит и на потребительское поведение. Покупая продукцию, покупатель тщательно её не исследует, а в первую очередь обращает внимание на эстетическую и эмоциональную ценность.

Уважение традиций. Ностальгия по прошлому

Китайская культура издавна склонна к ностальгии. Это проявляется и в мышлении китайского народа: люди часто скучают по прошлому; испытывают ностальгию по родному городу; вспоминают былое, старых друзей и своих предков. В рекламе эта ностальгия используется. Изготовленные в соответствии с современными технологиями продукты объявляются «произведенными по истинно традиционному рецепту с использованием высокотехнологичных исследований и инноваций...», «мы вновь открыли давно потерянные рецепты...». Более того, в рекламе также появляются тексты из древних книг, которые цитируются как «доказательства» качества товаров. И это не вызывает у китайского народа чувства дискомфорта. Существует социальная уверенность, что в традиционной китайской культуре есть множество ценностей, которые актуальны и сегодня. И соблюдение этих традиций, соответствие им – это идеальный вариант, основа безупречности.

Скромность и смирение

Китайская культура стремится к скромности и смирению. Смирение и уважение к другим – этический принцип китайской нации. В Китае принято скромно называть себя «在下 (находящийся внизу)», а к другому человеку обращаться «Вы», «Ваше превосходительство» и т. д. Это обращение по-прежнему часто используется в разнообразных ситуациях. Сравнимая западные народы с китайцами, можно заметить, что западные люди более открытые, а китайский народ – более замкнутый и защищённый от внешних воздействий. Эта разница непосредственно влияет на эстетику. Китайский народ ценит тонкую, нежную, элегантную, сдержанную, простую, скромную и гармоничную красоту, а на Западе более востребованы яркость и красочность. Разница в эстетическом вкусе проявляется в разных аспектах жизни. Так, одежда в Китае более ценится за свою изящность, на Западе – за открытость и красочность. Китайские архитекторы предпочитают строить здания гармоничные, скромные, вписывающиеся в окружающий ландшафт. На Западе архитектор старается проявить свою индивидуальность, выделиться из среды, оживить уже существующую застройку. В Китае задача упаковки – сохранение продукции. Никакой пропагандистской функции упаковка не несёт. На Западе упаковка не только хранит продукт и рассказывает о его свойствах, но и, кроме того, несёт значительную рекламную нагрузку.

Сегодня многие аспекты традиционного китайского уклада жизни, взгляды и ценности, стандарты поведения модернизируются под влиянием широкого знакомства с другими стилями жизни, с западной цивилизацией, с товарами и рекламой, пришедшими из-за рубежа. Но анализ потребительского поведения китайцев позволяет с уверенностью сделать вывод, что, по-прежнему, традиционные ценности и нормы играют основную роль в формировании поведения китайского народа, в том числе поведения в области потребления.

О. А. Коваленко

ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОГО АЛЬБОМА

В статье исследован музыкальный альбом как культурный феномен, сформированный развитием музыкальной звукозаписи – определенная синтетичная форма представления музыкального материала. Для него характерны цельность восприятия как музыкального цикла; взаимодействие звукового ряда с оформлением и текстами песен, реализация творческого процесса посредством особого инструмента – звукозаписи.

Musical album is considered in the article as a cultural phenomenon generated by development of musical sound recording – the certain synthetic form of representation of musical material. Its characteristic features are: integrity of perception; interaction of a sound line with the cover and texts of songs, realization of creative process by means of the special tool – sound recording.

Ключевые слова: музыкальная культура, история музыки, создание музыки, музыкальный альбом, культурология, творчество, звукозапись, рок-музыка, джаз.

Keywords: musical culture, music history, creation of music, musical album, cultural science, creativity, sound recording, rock music, jazz.

На протяжении более чем ста лет своего развития музыкальная звукозапись прошла большой путь – её роль и место в культуре изменились: от простой фиксации результатов культурных процессов через роль инструмента в созидании и творчестве, к возможности определять и направлять дальнейшее развитие этих процессов. В результате такой эволюции был продуцирован ряд новых культурных форм, среди которых «музыкальный альбом» занимает не последнее место. Тем не менее постоянно разносторонне рассматриваемый в музыкальной прессе и обзорах музыкальных новинок, он так и не получил своей оценки в качестве культурного феномена.

Ещё два-три десятилетия назад слово «альбом» в русском языке ассоциировалось, прежде всего, с фотографией, репродукцией, полиграфией, и употребление его в другом контексте вызывало у большинства если не легкую форму культурного шока, то некоторое замешательство. Сегодня же его применение к объекту музыкальной культуры не вызывает ни у кого удивления. Понятие стало устойчивым, и даже отчасти потеснило в массовом сознании иные значения.

Но и в музыкальном контексте это слово не всегда имело именно тот смысл, который имеет сейчас. Поначалу это был лишь перенос термина на другой внешне похожий объект: «В 30-х гг.

XX в. пластинки выпускались по одной композиции на одной стороне (продолжительность стороны 3–5 минут. – О. К.), и часто один концерт одного исполнителя продавался комплектом пластинок по несколько штук, часто в картонных, реже в кожаных коробках. Из-за внешнего сходства таких коробок с фотоальбомами их стали называть *record albums*, или «альбом с записями» [1]. Однако, как мы можем понять, пока это лишь метафора или в лучшем случае описательный термин, совершенно лишенный какого бы то ни было культурологического наполнения. Но постепенно он оторвался от изначального внешнего сходства и прочно закрепился за пластинкой: *album* стал синонимом слову *record* (запись). Но именно развитие самой музыки во второй половине XX в. придало «альбому» те оттенки смысла, которые мы знаем за ним сегодня. Эволюция альбома неразрывно связана с эволюцией музыки, развитием её определенных стилей и развитием звукозаписи – переплетением сразу нескольких тесно сросшихся явлений музыкальной культуры.

В этом отношении история музыкального альбома как культурологической категории, прежде всего, связана с историей такой значительной и характерной для двадцатого века ветви музыкальной культуры, как «рок» (хотя не обошлось и без «джаза»). В связи с этим стоит упомянуть еще более узкий термин «рок-альбом». На самом первом этапе «рок» (рок-н-ролл) был всего лишь очень экспрессивной музыкой для танцев, в общественном бытовании годной самое большее на роль социального маркера (а скорее даже социально-возрастного). О такой возможности выдвижения на первый план именно социальной роли музыкального искусства говорил уже Б. В. Асафьев: «Каждая формация сильных людей, приходя на смену прежней, требует своей музыки (или музыки для себя) и стремится ощупью постепенно ее создавать. У этой формации свое восприятие музыки, а соответственно ему – жажда музыкального творчества. Пока для этой социальной формации музыка является не искусством, а определенной посредствующей сферой, из-за которой (благодаря ее свойству повышать эмоциональное напряжение) становится возможным социально-интенсивная (через звук) реакция на жизнеощущение, таким образом, ценность данной музыки – в социально-этическом плане» [2].

Главной особенностью «легкожанровой» рок-музыки стала ее способность глубоко будоражить и волновать слушателя. В этом было ее коренное отличие от традиционной эстрады, которая была призвана лишь развлекать: ее мир условен и похож на реальность лишь внешне, предлагая аудитории декоративный вариант жизненной правды. Этой способностью рока глубоко-

ко контактировать со слушателем рок-музыканты начали активно пользоваться. Новое направление стало бурно эволюционировать, причем в сторону конфликтности (в любом из смыслов этого слова). Эта нажитая с годами, но заложенная уже в первооснове способность выражать крайние чувства и глубокие конфликты должна была в итоге привести к попыткам создавать на музыкальном языке рока большие произведения – мюзиклы, оратории, сюиты и даже оперы.

Так в недрах рок-культуры и в процессе её развития вызрела и окончательно оформилась идея рассматривать грампластинку не как простой набор разрозненных музыкальных номеров, а как цельное концептуальное произведение. Впоследствии джазмены тоже будут не единожды пользоваться этой инновацией, и прежде всего в пограничном стиле – джаз-роке. Впрочем, культуру джаза мы вряд ли сможем упрекнуть в отсутствии инициативы и изобретательности: именно тут впервые мы сталкиваемся с попыткой создавать новую музыку именно посредством звукозаписи и выпускать на пластинке программу, никогда не звучавшую в живом исполнении (не только концертном, но и студийном) и попросту в такой форме еще не существующую. Впоследствии это станет характерной нормой для рок-культуры вообще и для рок-альбома в частности: запереться в студийном комплексе на несколько месяцев, записывать почти всё, что приходит в голову, а потом – путем отбора, монтажа, применения студийных электронных эффектов (непрерывное присутствие всех перечисленных методов в процессе не обязательно) – получить из этого сырья совершенно новое многочастное и довольно продолжительное музыкальное произведение. И нередко случалось, что впоследствии это произведение приобретет (притом совершенно заслуженно!) статус шедевра и станет новым словом в своем направлении искусства. Следующий этап в работе музыкантов – попытаться сыграть все это живьем с большей или меньшей степенью сходства с оригиналом (которым теперь становится именно аудиозапись, а не нотный материал, которого просто не существовало) и отправиться на гастроли в поддержку выпускаемой пластинки, с тем чтобы обеспечить ей хорошую продаваемость. Именно к таким результатам приводит поиск развивающейся рок-культурой новой крупной формы. Этой крупной формой в самую первую очередь становится грампластинка-альбом.

Но не смотря на то что нарисованная картина типична именно для рок-культуры (а для такого направления, как арт-рок (прогрессив (симфо-рок), даже нормативна), пальма первенства принадлежит всё же джазу. Впервые этот метод был применен Майлзом Дэвисом еще в 1959 г.

[3], и оставался вполне актуальным для него и в последующие годы. Рок-музыканты лишь отшлифовали эту концепцию и довели её до совершенства. Применялась она и в поп-музыке – именно так, например, создавались альбомы Майкла Джексона, с той лишь разницей, что в поп-музыке, как правило, песни уже написаны, и данный прием применялся лишь к аранжировкам. Напрашивается вывод, что присутствие данной методики создания музыкального произведения сразу в нескольких пластах музыкальной культуры (опосредованных через аудиозапись) красноречиво говорит о глубинном родстве и взаимосвязи самих музыкальных явлений. Но важнее другое: это говорит о характерности данного феномена для звукозаписи и является определенной приметой музыкального мышления этого времени вообще.

Но использование такого творческого метода (запись пока «несуществующей» музыки) отнюдь не целиком описывает альбом (а особенно рок-альбом) таким, как мы его знаем сегодня. Еще в середине 60-х на рок-пластинках, выпущенных в разных странах под одним и тем же названием, мы нередко можем найти достаточно различные списки произведений, то к началу 70-х эта тенденция практически исчезает. Позже – с появлением звукозаписывающей индустрии нового аудионосителя, допускающего большую емкость (digital audio compact disc – CDDA, 1984) – мы вновь сталкиваемся с этой тенденцией. Но теперь уже почти всегда содержание диска делится на главную программу и дополнение к ней, в которой и случаются варианты. Но эта часть уже маркировкой (bonus tracks, extra tracks) принципиально выносится из корпуса основного произведения, которым был и остается альбом.

Так что именно во второй половине шестидесятых возникает и оформляется понятие «музыкального альбома» как цельного самостоятельного произведения, подчиненного одной идее. Но это еще даже не сюита, поскольку внутри альбома номера могут оставаться музыкально самостоятельными (нет музыкальной драматургии) – да и восприниматься таковыми, но не допускать изъятия и перестановки в рамках всего произведения. Это единство скорее именно на идейном уровне, на уровне поэзии, положенной в основу песен. Однако этого вполне достаточно, чтобы уже говорить о рок-альбомах как вокально-инструментальных циклах. С музыковедческой точки зрения это вполне приемлемое определение, но не вполне достаточное с точки зрения культурологии.

Начнем хотя бы с того, что в основе музыкального альбома несколько иной способ существования произведения искусства, чем тот, с которым обычно имеет дело музыковедение. Там

обычно есть произведение, а есть его последующие интерпретации. И то и другое – суть вещи различные. В случае рок-альбома (или даже джаз-альбома) эти оба понятия неразрывно слиты. К тому же альбом есть произведение, воплощенное не вполне традиционными (до некоторого времени) в искусстве средствами – посредством звукозаписи. И это не просто посредник между творцом и аудиторией. Это средство выразительности. Это инструмент, как холст и краски для художника. Притом, попадая в это уже новое измерение, альбом остается вполне существующим в измерении прежнем. Он вполне может быть проанализирован с позиций традиционного музыковедения (что делалось уже начиная с The Beatles [4]). Отдельные фрагменты могут быть изъяты и исполнены заново другими артистами, и в таком виде могут стать частью уже новой звучащей реальности. Даже целый альбом может быть рассмотрен сквозь призму видения другого художника и даже другого музыкального направления. Творческое наследие тех же The Beatles дает нам такие примеры (в джазе альбомы – Sarah Voeghan “The Song of the Beatles” (1988), George Benson “Other Side Of Abby Road” (1969), industrial rock – Laibach “Let It Be” (1988)). Пример The Beatles крайне показателен и в другом аспекте. Пожалуй, именно этому коллективу можно отдать пальму первенства в манифестации альбома именно как цельного музыкального произведения: грампластинка альбома “Sgt. Pepper’s Lonely Heart Club Band”, выпущенная в 1969 г., не имела визуального деления на песни. Такой революционный на тот момент ход лишил слушателя возможности без особого труда найти желаемую песню и практически не оставлял иного выбора, кроме как слушать весь диск целиком. И, соответственно, воспринимать его не как набор песенных номеров (хотя и оформленных в некоторую музыкальную форму и даже снабженных чем-то вроде сюжетной завязки, раскрываемой через название и оформление конверта), а как цельное художественное полотно. Примечателен и тот факт, что в скором времени, когда альбом уже утвердился в этом качестве, «деление» и связанное с ним удобство вернули: все более поздние издания выходили вполне обычно.

Стоит отметить и случаи взаимодействия музыкальной формы и формы носителя аудиозаписи (грампластинки с двух сторон). Любой альбом неизбежно должен был быть разделен на две части – две стороны диска (а в случае русской рок-музыки, первоначально распространяемой на магнитофонной пленке, – две стороны катушки). Это двухчастное деление формы можно было и не заметить и продолжать на второй стороне, как ни в чем не бывало. А можно было придать ему осмысленность и даже некий дуа-

лизм – тогда самая внешняя форма (ведь, по сути, диск или пленка всего лишь упаковка, контейнер для аудиозаписи) вступает в некий синтез, во взаимодействие с музыкальным содержанием, привносит дополнительную программность. Так, например, альбом группы Queen “II” разделен на стороны озаглавленные “black” и “white”; «БлокАда» группы «Алиса» – на «Красное» и «Черное», а так называемый «Треугольник» «Аквариума» (вместо названия не слово, а символ) делится на «Сторону жести» и «Сторону бронзы».

Пластинка – даже по технологическим соображениям – всегда упаковывалась в некую обертку. Естественно, и с точки зрения практичности, и с точки зрения удобства продажи и покупки эту упаковку (конверт, а cover) принято было делать индивидуальной. В этом отношении ближайший ей аналог – обложка книги. Да и среди коллекционеров грампластинок в русском языке слово «обложка» вполне является синонимом английскому слову “cover”. Но невозможно не обратить внимание на тот факт, что одна и та же книга в разных странах и разными издательствами почти всегда издается в различном оформлении – под разной обложкой. Ситуация с альбомами диаметрально противоположна. Они почти всегда и везде издаются в своем «изначальном» оформлении, которое раз от раза (язык страны, новые форматы аудионосителей) претерпевает лишь незначительные, не концептуальные изменения. Оформление изменяется радикально только по соображениям цензуры (критерии дозволенного в разных странах, как мы понимаем, различны) или идеологии (к примеру, лицензионные издания на советской «Фирме “Мелодия”»). Изначальные причины этого, вероятно, лежат в том факте, что оформление нередко предоставляло ключи к верному пониманию концепции альбома. Оно должно было уже иными, художественными, средствами продолжать и обобщать музыкальные и поэтические идеи, лежащие в его основе. Ну и, конечно, оформление альбомов (уже начиная с джаза 1950-х) вполне могло претендовать на роль отдельного произведения искусства. С оформления начиналось знакомство и встреча с музыкой. И им же заканчивалось, когда слушатель убирал пластинку в конверте в шкаф. С течением времени обложки стали неотъемлемой частью альбома как синтетического феномена: в сознании слушателей многие альбомы неразрывно связаны не только с записью, музыкой, их составляющей, но и с оформлением.

Таким образом, мы видим, что развитие техники открывало все новые возможности для творческого процесса при создании аудиозаписей. Джаз, а за ним и популярная музыка полноценно их восприняли, сделав технические возможности инструментом творчества. В период

60–70-х гг. XX в. термин «альбом» перестал быть просто описательным, получив устойчивый смысл культурного и музыкального явления – определенной формы представления музыкального материала в виде звукозаписи. Его отличительными чертами стали цельность и неразрывность восприятия как музыкального цикла; взаимодействие аудиоряда с визуальным (оформление), смысловым (текст и оформление) рядами; нередко воплощение в звучащей реальности музыкальных событий, никогда до того не существовавших в иной форме, где процесс звукозаписи есть не фиксация созданного, а непосредственный и важный инструмент творчества.

Примечания

1. Грампластинка // RU.WIKIPEDIA.ORG. 2011. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Грампластинка>
2. Глебов И. [Асафьев Б.] Два течения – две оценки // Из прошлого советской музыкальной культуры. Вып. 2: сб. ст. / сост. и ред. Т. Н. Ливановой. М.: Сов. композитор, 1976. С. 260.
3. Долгова М. Fusion: начало. Майлз Дэвис // Симфониум. 2008. № 2. С. 52.
4. Дэвис Х. Авторизованная биография «Битлз» / пер. с англ. В. Н. Чемберджи, В. В. Познера. М.: Радуга, 1990. С. 317.

УДК 82:1

Г. Н. Кулагина, Н. П. Ячина, Р. А. Гумеров

«АВТОБИОФИКЦИИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Авторы доказывают, что начало XX в. в России – время переосмысления автобиографий. Автобиофикции и автобиографии в начале XX в. все более превращаются в психоаналитические произведения, для них характерна авторефлексивность письма, субъективность, индивидуализм, интимность. Особенность автобиографий начала XX в. в России в том, что в них появляется больше вымысла. Автобиографию можно рассматривать как уникальную форму духовной жизни личности.

The authors argue that the beginning of the XX century in Russia was the period of transformations of autobiography. Autobiografiction and autobiography were increasingly turning to psychoanalytic works, they were characterized by self-reflexive writing, subjectivity, individualism and intimacy. During this period philosophers and writers tended to combine biography with fiction. One of the peculiar features of the early twentieth century Russian autobiography was its growing fictionality. Autobiography can be seen as a unique form of spiritual life of the individual.

Ключевые слова: автобиография, автобиофикция, психоанализ, И. Бунин, А. Белый.

Keywords: autobiography, autobiografiction, psychoanalysis, I. Bunin, A. Belyi.

Начало XX в. в России – время переосмысления автобиографий. Кризис эпохи поставил вопрос об отношениях вымысла и биографии. Стремление философов и писателей изобразить «внутреннюю жизнь», появление психоаналитических автобиографий можно рассматривать как следствие нестабильности общественной жизни. Автобиография – наиболее удобная форма для самовыражений. Философы и писатели часто обращались к форме автобиографий в момент духовного кризиса. В них они выражали свои духовные переживания, свой духовный опыт. В них все, что сильно затронуло душу автора: любовь, размышления о смысле жизни, религиозные искания, любые эмоции, восхищение произведениями искусства и т. д. Поэтому автобиографию можно рассматривать как уникальную форму духовной жизни личности. В них можно найти описание душевных травм, навязчивых идей.

Рейнольдс полагает, что главная функция автобиографии – это утешение, стремление вселить уверенность в завтрашний день [1], помочь выйти из духовного кризиса, поэтому можно говорить о психотерапевтической функции автобиографии.

Автобиография – своеобразная форма диалога с Вселенной. Автор разрушает границу между собой и окружающим миром, дает оценку и себе, и другим, создает свой «духовный» портрет. Автобиографии, воспоминания («тексты жизни») помогали авторам не только осмыслить жизненный опыт, но и переоценить его, сконструировать идентичность. «Тексты жизни» – часть самопознания, самооправдания.

Ф. Лежен определяет автобиографию как «...повествование о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности» [2].

Необходимо различать термины «автобиография» и «автобиографикация».

Цель статьи – выяснить, какова роль «автобиографикций» в начале XX в.

Термин «автобиографикация» (autobiografiction) имеет три значения:

«1. текст на пересечении вымысла и автобиографического вымысла;

2. вымышленное жизнеописание;

3. написание еще какого-то вымысла» [3].

Термин «автобиографикация» указывает на проницаемость жанров. Границы между автобиографией и другими жанрами размываются.

Рейнольдс утверждает, что автобиографикация – очень неопределенный жанр. Он лежит на пересечении автобиографии, вымысла, эссе [4]. Автобиографикация как литературная форма соседствует с другими литературными формами: с письмами, дневниками, портретом, некрологом, мемуарами, дневником и т. д.

Среди жанров, на базе которых возникли автобиография и автобиографикация в России, можно назвать житие, исповедь, проповедь, летопись. Большое влияние на развитие автобиографического жанра оказали западноевропейские философы и писатели.

В начале XX в. в России автобиография и «автобиографикация» становятся популярными жанрами. Популярность этих литературных жанров можно объяснить секуляризацией общества. Для философов и писателей автобиографии и автобиографикации – светская альтернатива религиозных размышлений о смысле жизни, о смерти. Авторы занимаются не только самопознанием и самовыражением, но и стремятся выразить свое отношение к событиям в стране, к религии, культуре. М. Бахтин писал о самовыражении: «Выразить самого себя – это значит сделать себя объектом для другого или для себя самого <...>. При этом собственное слово становится объектом и получает второй – собственный же голос» [5].

В этот период также создаются автобиографические романы. Исследователь Е. Я. Болдырева отмечает, что «автобиографический роман есть метатворчество, метатекст, отражающий и жизнь,

и творчество <...>, автобиографический роман и у Бунина, и у модернистских писателей имеет особый статус – это и не жизнь, и не ее отражение в творчестве, это пограничное пространство...» [6]. Исповедальный характер этих произведений часто был связан с христианским мировосприятием. Писатели и философы перерабатывают библейские сюжеты, мифы.

Русские читатели познакомились с такими произведениями, как «Лето Господне» И. С. Шмелева, «Путешествие Глеба» Б. К. Зайцева, «Юнкера» А. И. Куприна, «Детство Никиты» А. Толстого, «Подстриженными глазами» А. Ремизова, «Другие берега» В. Набокова, «Времена» М. Осоргина и др. Темы памяти, «утраченного рая» становятся интегральными для многих писателей. Тема «утраченного рая» нашла отражение в произведениях И. Шмелева, В. Набокова, И. Бунина, А. Белого, А. Ремизова. Возвратиться в «утраченный рай» герой Бунина пытается, растворившись в космической стихии музыки, в снах.

В этот период производится своеобразный эксперимент: философы и писатели стремятся соединить жизнеописание с вымыслом. Особенность автобиографий начала XX в. в России в том, что в них появляется больше вымысла.

На развитие жанра автобиографикации оказала влияние концепция житнетворчества символистов. Русские символисты начала XX в. стремились объединить жизнь и творчество. Житнетворчество – искусство жить, способ жизни, ее одухотворение, понимание всей ее полноты и сложности. Для них личная жизнь – творческий процесс. Как и Ф. Ницше, символисты стремились конструировать свою жизнь как литературный текст. Для них мир – искусствовидный текст. Для символистов житнетворчество часто превращалось в мифотворчество (в возрождение старых мифов и создание новых), в конструирование утопических проектов (создание Эдема на земле, идеального царства и т. д.).

В. Ходасевич описывал среду символистов в очерке «Конец Ренаты»:

«Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история. Это был ряд попыток, порой истинно героических, – найти сплав жизни и творчества, своего рода философский» [7]. О Нине Петровской он пишет: «Жизнь свою она сразу захотела сыграть – и в этом, по существу ложном, задании осталась правдивою, честною до конца. Она была истинной жертвою декадентства» [8]. Идея

жизнетворчества, т. е. соединения искусства и жизни, была близка К. Бальмонту, В. Брюсову, А. Белому, А. Блоку и другим символистам. Они и свою жизнь стремились строить по законам искусства. В. Брюсов в статье «Священная жертва» писал: «Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь» [9]. Для символистов житнетворчество ассоциируется с высоким творческим порывом. Как и мир, бытие, жизнь трактовалась ими как текст, который может быть прочитан. Идеал житнетворчества диктовал особую организацию общества символистов, воплощенную в «Средах» Вяч. Иванова, в религиозно-философском обществе Д. Мережковского и З. Гиппиус, в литературной школе В. Брюсова. Мифотворчество и житнетворчество Вяч. Иванов стремился воплотить в жизнь в своем доме «Башне» (ул. Таврическая, 25), где происходили встречи («Среды»). Обсуждались философские и эстетические вопросы, такие темы, как «искусство и социализм», «романтизм и современная душа», «счастье», «индивидуализм и новое искусство», «религия и мистика», «одиночество», «мистический анархизм». Присутствовали Бердяев, Блок, Брюсов. Философов, Городецкий, Кузьмин, Сологуб, Ремизов, Зиновьева-Аннибал и другие.

В «Башне» были и другие эстетические кружки. Одним из таких воплощений мифотворчества и житнетворчества был «кабачок Гафиза», или «общество гафизитов».

В «Башне» была создана группа Фиас. Сопещания были организованы Зиновьевой-Аннибал и проходили в ее квартире одновременно со «Средами». Название группы пришло из греческого слова, обозначающего «вакхический танец».

«Как вспоминала Сабашникова, мы должны были называть друг друга иными именами (сама Сабашникова носила имя Примаверы. – М. М.), носить особые одежды, создавать атмосферу, приподнимающую над повседневностью» [10]. Это была еще одна попытка воплотить идеалы житнетворчества в жизнь. Чтобы преодолеть одиночество, восстановить разрушенные связи с космосом, символисты обращались к идеям «живой жизни», к древнегреческой мифологии, к культуре Диониса.

Символисты рассматривали жизнь как эстетическую категорию, поэтому эстетика в центре их внимания. Идея панэстетизма понималась ими как «представление о Красоте как глубинной сущности мира, ее высшей ценности и преобразующей силе бытия». Одна из их тем – восприятие красоты жизни. Символисты противопоставляли искусство быту, стремились «эстетизировать» быт. Сологуб писал: «В конце концов, символизм, достигая высот творчества, создает “купол жизни”...Под этим куполом жизнь не хочет быть только бытом, но – красотой. Искусст-

во с нами и Бог – в нас!» [11]. Символисты онтологизировали искусство.

Для А. Белого категория «жизнь» «недоступна анализу, интегральна и всемогущественна» [12]. Один из разделов книги А. Белого «Арабески» называется «Творчество жизни». Для А. Белого высшее «искусство есть искусство жить». («Искусство есть искусство уметь жить. ... Я должен определить искусство умением жить. ... Жизнь – это совокупность норм поведения, предопределяющих теоретические вопросы разума. ... Жизнь – есть личное творчество. ... Умение жить есть непрерывное творчество, это мгновение, растянувшееся в вечность. Творчество жизни есть тайна личности. Умение жить есть индивидуальное творчество, а общеобязательные правила жизни – маски, за которыми прячется личность. Жизнь, осознанная в законах, есть веселый маскарад...») [13].

Символисты пытались преодолеть разрыв между искусством и реальностью, с помощью символа стремились постигнуть природу человека. Они часто обращались к опыту мистическому, стремились проникнуть в трансцендентальную реальность метафизического бытия через сопереживание и переживание. В начале 1900-х гг. А. Белый работал над созданием оригинальных произведений – «симфоний» в прозе (они написаны ритмической прозой). Необычная форма должна была выразить мистико-апокалиптические настроения. С. Аскольдов писал о симфониях: «Все изображаемое совершается как бы в двух планах, или, по крайней мере, имеет двойственное значение, реальное или мистическое» [14]. А. Белый противопоставлял реальный мир его идеальной сущности. Он мечтал ускорить «революционный переворот» всех основ духовной и физической организации человеческой жизни.

Произведение А. Белого «Котик Летаев» – воспоминания о детстве («<...> воспоминание – музыка сферы; и эта сфера – вселенная» [15]). Автор жил в «ожидании катастроф» [16]. В его произведении присутствуют образы-мифы, образ лабиринта.

Автобиографикции и автобиографии в начале XX в. все более превращаются в психоаналитические произведения, для них характерна авторефлексивность письма, субъективность, индивидуализм, интимность. Философы и писатели выбирают форму потока сознания, внутреннего монолога, обращаются к снам, воспоминаниям о детстве, мифам, сказкам. Для многих произведений характерна фрагментарность, прерывистость. Например, В. Розанов не дистанцирован от читателя, философ-писатель не хочет остаться за кулисами, его не волнует, как будут встречены его откровения: с насмешкой или с симпатией. Произведения Розанова можно рассматривать как поток сознания, ощущений, впечатлений, обра-

зов, воспоминаний. Поток сознания – особая техника письма, форма организации текста, способ создания художественной образности, форма внутреннего монолога, который включает в себя бессвязные сенсорные впечатления, воспоминания, отрывки мыслей. Этот метод позволяет более глубоко раскрыть субъективную жизнь, более свободно выразить свои мысли и чувства, делает произведение оригинальным. Впервые термин был введен Уильямом Джеймсом в «Принципах психологии». Метафора представляла собой переосмысление идеи представления жизни как всеобщего непрерывного потока. Идеи З. Фрейда и К. Юнга о бессознательном повлияли на дальнейшую разработку этого термина. (Пример потока сознания у Розанова: «Томительно, но не грубо свистит вентилятор в коридорчике: Я заплакал (почти): “да вот чтобы слушать его – я хочу еще жить, а главное друг должен жить”. Потом мысль: неужели он (друг) на том свете не услышит вентилятора; и жажда бессмертия так схватила меня за волосы, что я чуть не присел на пол» [17]).

Писатели и философы этого периода стремятся уйти от заданных литературных форм, ищут новые формы выражения, занимаются автомифотворчеством, стремятся выстроить жизнь по законам искусства, соединить жизнь и творчество. Для писателей и философов начала XX в. в России характерна игра с масками, персонажами, ненадежными рассказчиками (например, «Красный смех» Л. Андреева).

В начале XX в. в России усиливается автобиографичность художественной литературы. Многие писатели приходят к выводу, что художественная литература может полнее и правдивее раскрыть автобиографию писателя, чем его формальная автобиография. Авторы предлагают читать художественную литературу как автобиографию и автобиографию как художественную литературу. На такое восприятие художественной литературы оказал влияние Ницше, который утверждал, что любое выражение – это самовыражение.

Новые элементы в автобиографиях появляются во время Первой мировой войны и после нее,

когда происходит «умаление человека». Появляется новое отношение к автобиографиям: ироническое, сатирическое, пародийное.

Таким образом, автобиографические важны: в них отразилась духовная атмосфера времени.

Примечания

1. Цит. по: *Saunders M.* Autobiografiction: Experimental Life-Writing from the Turn of the Century to Modernism / *Literature Compass* 6/5 (2009): 1041–1059, 10.1111/j.1741-4113.2009.00649. P. 1043.
2. Цит. по: *Павлова С. Ю.* Французская автобиография романтической эпохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 34.
3. Dictionnaire International des Termes Littéraires. URL: <http://www.ditl.info/arttest/art10086.php>
4. Цит. по: *Saunders M.* Autobiografiction: Experimental Life-Writing from the Turn of the Century to Modernism / *Literature Compass* 6/5 (2009): 1041–1059, 10.1111/j.1741-4113.2009.00649. P. 1043.
5. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 381.
6. *Болдырева Е. А.* Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западно-европейского модернизма: дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2007. С. 33.
7. *Ходасевич В.* Конец Ренаты // *Колеблемый треножник. Избранное.* М.: Сов. писатель, 1991. С. 270.
8. *Ходасевич В.* Указ. соч. С. 271.
9. *Брюсов В.* Священная жертва. URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_svyachen-naya_jertva.html
10. Цит. по: *Михайлова М. В.* Страсти по Лидии. Творческий портрет Л. Зиновьевой-Аннибал. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/mihailrddd.htm>
11. Воспоминания и статьи о Федоре Сологубе: критика. URL: <http://sologub.ru/about/articles>.
12. Цит. по: *Лосский Н.* История русской философии. URL: <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/23.html>
13. *Белый А.* Арабески. Книга статей. М.: «Мусaget», 1911. С. 195. URL: www.biblioclub.ru/book/68687/
14. *Аскольдов С.* Творчество Андрея Белого // *Литературная мысль: Альманах 1.* СПб., 1922. С. 82.
15. *Белый А.* Котик Летаев. Сочинения. Т. II. Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 347.
16. Там же. С. 421.
17. *Розанов В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // *Мысли о литературе.* М.: Современник, 1989. С. 265.

УДК 312.718:070.11

Д. Я. Сухотерин

**ЖУРНАЛ «НИВА»
И ЕГО ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ
НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Статья посвящена изменениям культурных ожиданий читательских аудиторий элитарной и массовой периодики в России конца XIX – начала XX в., отражаемых в рекламе книг, газет и журналов.

The article highlights changing cultural expectations of the elite and mass periodicals' audiences in Russia in the late XIX – early XX centuries. The author shows how these changes were reflected in advertizing of books, newspapers and magazines.

Ключевые слова: реклама, культура, массовая культура, элитарная культура, журналы, культурные ожидания.

Keywords: advertising, culture, mass culture, elite culture, magazines, cultural expectations.

На рубеже веков в России продолжались радикальные перемены в обществе, начавшиеся реформами 1860-х гг. Изменения касались всех сторон жизни: политической, экономической, культурной. Нарождались и обретали силу новые социальные группы, имевшие, в отличие от «праздного сословия», четкие границы между трудом и досугом. Эти люди предъявляли свои требования к культуре как к средству снятия стресса и обеспечения релаксации. Поэтому зарождение новой культуры, культуры массовой, силы не созидающей, не креативной, а компенсаторной и терапевтической, являлось ответом на возникший в социуме вызов.

В уставшем от обилия и скорости перемен обществе нарастало желание «просто жить», совпавшее с появлением индустриальных возможностей для первой в истории страны потребительской революции [1]. А необходимым условием развития как массовой культуры, так и потребительской революции являлась массовая коммуникация между людьми. Коммуникацию эту обеспечивала периодика: газеты и журналы и размещенная в них реклама.

В данной статье мы будем опираться на два различных журнала – «Нива» и «Русская мысль». «Нива» – один из наиболее распространенных журналов дореволюционной эпохи, по нему можно составить картину её быта, нравов и традиций. Журнал позиционировался как иллюстрированное издание для семейного чтения и был ориентирован, главным образом, на буржуазного и ме-

щанского читателя, что делало журнал популярным среди широких масс читателей. А в основе программы журнала «Русская мысль» – стремление «содействовать живому и плодотворному росту личности на Руси». Первоочередное значение придавалось вопросам о природе народного представительства, демократических институтов общества, гражданских и политических свободах.

Оба журнала издавались на протяжении длительного времени: «Нива» – с 1870 по 1918 г., «Русская мысль» – с 1880 по 1918 г. Это дает нам значительный материал для исследования. Разница в целевых аудиториях формировала и нижеследующие различия в объеме, периодичности и составе номеров журналов (см. табл. 1).

Как мы видим, журналы «Нива» и «Русская мысль» принадлежат к разным «читательским классам». «Нива» являлась изданием для самых широких слоев российского общества, «Русская мысль», напротив, интересовала, прежде всего, публику думающую.

С. Ф. Галанин в своей диссертации «Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX в.)» [2] и более поздней статье «Методика работы с газетной рекламой как историческим источником по истории Казани второй половины XIX в.» [3] опирается на работы О. М. Медушевской «Теоретические проблемы источниковедения», И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования», А. Д. Хайруллиной «Казанские газеты как исторический источник для изучения благотворительности (1861–1895 гг.)», С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина», А. П. Киселева «История оформления русской газеты», А. П. Пронштейна и А. В. Лубского «Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе», С. С. Дмитриева «Источниковедение русской исторической журналистики» и др.

В частности, автор пишет: «Изучение газетной рекламы невозможно без детального исследования самих газет, так как зависимость рекламы от характера издания, в котором она помещена, очевидна. Поэтому на первом этапе работы необходимо составить представление, как это предлагалось в исследовании А. Д. Хайруллиной [4], о каждом органе в целом (издатели и редакторы, периодичность, основные читатели, формат, внутренняя структура, стоимость номера и подписки, направление и т. д.), о том месте, которое заняла в нем реклама» [5].

Мы полагаем, что не до конца верно говорить об односторонней зависимости рекламы от характера того или иного издания. Да, представляется очевидным, что реклама зависит от специфики журнала или газеты, в котором она была размещена. Но сама эта специфика обусловлена

читательской аудиторией, на которую ориентировано то или иное издание. Поэтому в действительности здесь наблюдается зависимость не последовательная, по принципу:

Реклама → Издание → Читатели,
а параллельная:
Издание → Читатели
Реклама → Читатели.

Если обратиться к специализированной литературе по рекламе, мы находим прямое тому подтверждение: «Эффективность информации, передаваемой через средства массовой коммуникации, зависит от того, насколько хорошо авторы представляют себе аудиторию, к которой они обращаются» [6].

Таблица 1

Различия в характеристиках журналов «Русская мысль» и «Нива»

Объем одного номера журнала	«Русская мысль»	«Нива»
	300–500 страниц	20–25 страниц
Периодичность	Ежемесячный	Еженедельный
Состав номера	Литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия	Развлекательная и познавательная информация, поданная в различных формах, минимум политики + приложения
Стоимость подписки с пересылкой по России (1889 г.)*	12 рублей	7 рублей
Стоимость страницы рекламы (1889 г.)	30 рублей**	360 рублей

* Цены на подписку и рекламу менялись с течением времени, но менялись пропорционально, таким образом, для сравнения можно выбрать любой отдельно взятый год.

** Размер страницы «Русской мысли» был в 2 раза меньше, чем у «Нивы», поэтому для сравнения цен за один и тот же объем рекламы для «Русской мысли» приведена цена за 2 страницы

Таблица 2

Реклама книг и периодических изданий в журналах «Нива» и «Русская мысль»

Период	Товар	«Русская мысль»	«Нива»
Конец XIX в.	Книги	Сочинения Златовратского [7], У. Шекспир «Король Лир», Г. Сенкевич «Американские очерки и рассказы», Л. В. Ходский «Краткий курс политической экономии» [8], Издания Ф. Павленкова для детей и юношества, Собрание сочинений Островского [9] и др.	«История искусств» [10], Детские издания Ф. Павленкова, «Вспомогательные таблицы для вычисления процентов», «Плавание по морям и океану» (с описанием бурь, Пересечения экватора и южно-американских степей), «Крестьянские выборы и самоуправление», «Альбом золотых мотивов» (300 лучших русских, цыганских и венгерских романсов, серенад, комических куплетов), «Жизнь Робинзона» Н. Блинова [11], «Тайна Гэнсон Кэба» (уголовный роман) [12], «Подсудимые» [13] и др.
	Журналы	«Книжный вестник» [14], «Живописное обозрение» [15], «Нива», «Будильник» [16] и др.	«Русская мысль» [17], «Вестник изящных искусств», «Лесной журнал», «Волна», «Ребус» [18] и др.
Начало XX в.	Книги	«Эволюция мира», «История русской литературы» [19], «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» [20], «О проституции с точки зрения динамики жизни», «Этюды о природе женщины и мужчины», «Половая слабость как вид неврастении», «Реформа местного суда» [21] и др.	«В вихре наслаждений (записки массажистки)», дышащая искренностью автобиография Ванды Захер-Мазох «Исповедь моей жизни» [22], «Волшебство и любовь», «Искусство нравиться», «Книга чудес и тайн», Ученическая библиотека [23] и др.
	Журналы	«Вопросы философии и психологии» [24], «Вестник учителей рисования» [25], «Русская иллюстрация», «Библиотекарь» [26], «Вестник народного просвещения», «Библиографический вестник» [27], «Нива» [28] и др.	«Натурщица», «Сельский хозяин» [29], «Мир женщины», «Пчеловод», «Духовная беседа», «Охотничий вестник», «Дамский мир», «Наша охота», «Вестник моды», «Утро России», «Незабудка», «Родник» [30] и др.

С. Ф. Галанин считает, что необходимо знать специфику издания, чтобы понять рекламу. Мы считаем, что верен и обратный подход. Зная рекламу, можно понять и специфику издания, и его аудиторию – в том числе и ее культурные предпочтения.

Из всего многообразия рекламы (реклама одежды, предметов быта, роскоши, страховых, банковских услуг и т. д.) наиболее полно раскрывает культурные ожидания читательской аудитории реклама книг и периодических изданий, которые предлагались читателям журналов. Если в рекламе различных товаров и услуг запросы аудитории можно выявить опосредованно, так как, сами по себе, товары удовлетворяют другие потребности, то книги, газеты и журналы по своей природе являются товарами, ориентированными на культуру (см. табл. 2).

Как мы видим из приведенной таблицы, культурные ожидания читательских аудиторий «Нивы» и «Русской мысли» менялись. Если в конце XIX в. «Русская мысль» наполнена рекламой серьезных книг и журналов и основной вектор издания лишь немного отклоняется в сторону массовой культуры (известная нам «Нива» и юмористический «Будильник»), то в «Ниве» литература и периодические издания представлены в основном продукцией легкого, развлекательного жанра, за исключением «Русской мысли» и «Истории искусств» (которая выпускалась самим издательством А. Ф. Маркса, а значит эти объявления по сути нельзя отнести к рекламе). При этом в «Ниве» заметно представлены книги, посвященные уголовному миру, реклама которых в «Русской мысли» отсутствовала.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в конце XIX в. читательская аудитория «Нивы» предпочитала культуру массовую [31], с ее сенсационностью и развлекательным характером, в то время как читательская аудитория «Русской мысли» была склонна к культуре элитарной [32].

К началу XX в. ситуация меняется в обоих изданиях. В «Русской мысли» становится еще больше рекламы серьезных изданий и книг. В то же время эротизм, свойственный массовой культуре, проникает и в элитарную периодику, но не в чистом виде, а опосредованно – в виде научных трудов на еще недавно запретные темы. В «Ниве» же литературы, рассчитанной на высокий культурный уровень, практически не остается, – ее заменяют «Записки массажистки» и им

подобные произведения. В сфере периодики наблюдается та же картина: издания, ориентированные на моду, эротизм, развлечения – этих главных сподвижников массовой культуры – занимают место серьезных изданий, требующих вдумчивого чтения.

В данном случае мы привели выборочный анализ рекламы литературы и периодики, размещенной в журналах «Нива» и «Русская мысль», так как при сплошном анализе встает проблема идентификации принадлежности отдельных книг к тому или иному жанру. В рекламе встречается большое количество литературы, которую сложно с уверенностью отнести к какой-либо категории, так как в рекламном объявлении указывается только название произведения, автор (не всегда) и условия доставки.

В то же время газеты и журналы как нельзя лучше подходят для сплошного анализа, так как объявления данной категории товаров очень часто снабжались изложением программы издания и составом авторов. Кроме того, каждое издание в своей рекламе размещало рядом с названием собственную жанровую принадлежность: юмористическое, общественно-политическое, развлекательное и т. п.

Итак, состав рекламируемых периодических изданий в журнале «Нива» выглядел следующим образом (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Состав рекламируемых периодических изданий в журнале «Нива», 1889 г.

Рис. 2. Состав рекламируемых периодических изданий в журнале «Нива», 1913 г.

Диаграммы показывают, что доля новостных изданий резко сократилась с 29 до 5%, доля политических изданий осталась практически неизменной, доля изданий для детей и о детском воспитании выросла в 2 раза, развлекательная периодика также заметно увеличила свое присутствие на страницах «Нивы». Как мы видим, интерес к периодике аудитории, нацеленной на отдых, релаксацию, заметно вырос, причем за счет изданий новостного характера, и это свидетельство упрочения позиций массовой культуры.

Если обратиться к составу категории «развлекательные издания», то картина получится еще более показательной (рис. 3, 4).

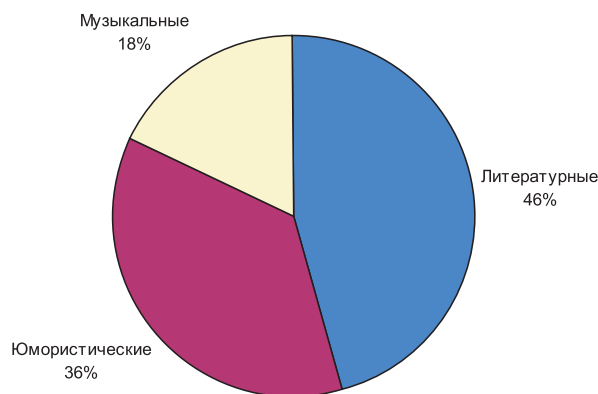

Рис. 3. Категории развлекательных изданий в журнале «Нива», 1889 г.

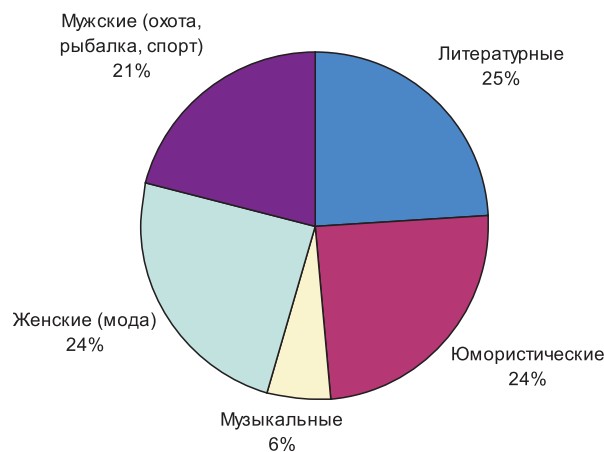

Рис. 4. Категории развлекательных изданий в журнале «Нива», 1913 г.

Как мы видим, увеличилась доля юмористических изданий. Кроме того, возникли две новые подкатегории, которые можно определить как гендерные. При этом мужские и женские журналы представлены не эпизодически, они занимают равноправное положение с исконными литературными и юмористическими изданиями.

Таким образом, можно подвести итог. Культурные ожидания читательских аудиторий массовой и элитарной периодики заметно различались и изменялись с течением времени. Если в конце XIX в. читатели «Русской мысли» были ориентированы на серьезную литературу и научные издания, то уже в начале XX в. их ожидания дополнились интересом к информации эротического плана, хотя интерес этот и проявлялся через научный подход. В то же время читательская аудитория журнала «Нива» в полной мере «отдалась в объятия» массовой культуры и научно-популярные издания уступили место эротическим как в периодике, так и в литературе.

Примечания

1. Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 317–324. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mass_culture-2.html

2. Галанин С. Ф. Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999.

3. Галанин С. Методика работы с газетной рекламой как историческим источником по истории Казани второй половины XIX в. // Проблемы истории Казани: Современный взгляд: сб. ст. Казань, 2004.

4. Хайфуллина А. Д. Казанские газеты как исторический источник для изучения благотворительности (1861–1895 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993. С. 63.

5. Галанин С. Ф. Указ. соч. С. 63.

6. Усов В. В., Васюкин Е. В. Волшебный мир рекламы. М., 1982. С. 108.

7. Русская мысль. 1884. № 4.

8. Русская мысль. 1884. № 7.

9. Русская мысль. 1885. № 1.

10. 1885. № 3. С. 80.

11. 1885. № 5. С. 126–128.

12. Нива. 1889. № 44. С. 1110.

13. Нива. 1889. № 52. С. 1360.

14. Русская мысль. 1886. № 1.

15. Русская мысль. 1885. № 1.

16. Русская мысль. 1882. № 12.

17. Нива. 1885. № 1. С. 24.

18. Нива. 1885. № 3. С. 78–79.

19. Русская мысль. 1909. № 3.

20. Русская мысль. 1912. № 9.

21. Русская мысль. 1908. № 2.

22. Нива. 1909. № 24. С. 440б.

23. Нива. 1913. № 2. С. 40б–40в.

24. Русская мысль. 1909. № 3.

25. Русская мысль. 1902. № 1.

26. Русская мысль. 1914. № 2.

27. Русская мысль. 1914. № 3.

28. Русская мысль. 1913. № 1.

29. Нива. 1909. № 46. С. 808г.

30. Нива. 1913. № 48. С. 960а–960и.

31. Массовая культура – культура, распространенная среди широких слоев населения в данном обществе, выполняет релаксационную и адаптационную функции. Включает в себя спорт, развлечения, игры, изобразительное искусство и т. п. Характеризуется обилием штампов и установок, отсутствием солидарности, направленностью на простое потребление.

32. Элитарная культура – это высокая культура, противопоставляемая массовой культуре по типу воздействия на воспринимающее сознание, сохраняющее его субъективные особенности и обеспечивающее смыслообразующую функцию. Ее основной идеал – формирование сознания, готового к активной преобразующей деятельности и творчеству в соответствии с объективными законами действительности.

УДК 008

И. В. Шамов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И КРЕАТИВНОСТЬ КАК ОСНОВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируются феномены интеллектуального капитала и креативности как основные факторы, влияющие на конкурентоспособность личности. Быстроменяющийся современный мир деловой культуры базируется на инновациях, которые рождаются из знаний и креативных решений.

The article analyzes the phenomena of intellectual capital and creativity as the main factors affecting the individual's competitiveness. The quickly changing modern world of business culture is based on innovations, whose sources are creative solutions and knowledge.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, креативность, творческий потенциал, личность, деловая культура, инновация.

Keywords: the intellectual capital, creativity, creative potential, individual, business culture, innovation.

Россия в конце XX – начале XXI в. оказалась в центре сложнейших мировых экономических и культурных процессов, связанных, с одной стороны, с переходом от директивной экономики к рыночной, с другой – с глобализацией. В этих условиях проблема интеллектуального и творческого потенциала общества, его формирование и реализация имеет важнейшее значение как для успешного социально-экономического развития, так и (в условиях глобализации) для сохранения национальных ценностей страны и, что не менее важно, ее государственной целостности. Поэтому формирование и развитие человеческого капитала становится определяющей силой современного экономического, социального и культурного развития человечества.

Самую общую характеристику наступившего столетия можно обозначить как вступление в эпоху инноваций, определяющих глубокую трансформацию всех сторон жизни общества. Переход к постиндустриальному обществу ознаменовал, в свою очередь, переход человечества к информационной эре, которая базируется не на механической технике, а на интеллектуальной технологии, делает приоритетными знания в качестве главного источника всего научно-технического прогресса. Основой прогресса человечества сегодня стала образованность и креативность личности.

Поэтому в наступившей постиндустриальной эпохе важнейшим источником конкурентного пре-

имущества предприятий и организаций являются, прежде всего, не материальные активы и природные ресурсы, а интеллектуальная собственность, инвестиции в человеческий капитал.

Авторы книги о современных тенденциях деловой культуры «Бизнес в стиле фанк» профессора Стокгольмской школы экономики К. Нордстрем и Й. Риддерстрале отмечают, что если ранее благополучие стран исторически строилось на сочетании природных, финансовых и трудовых ресурсов, то сегодня нельзя добиться процветания только за счет этих ресурсов. «Целые страны все больше и больше конкурируют на уровне знаний... Не важно, идет ли речь о Германии, Турции, США или Бельгии, превосходство в знаниях – это последнее оружие, оставшееся в конкурентной борьбе» [1].

Таким образом, в современном деловом мире, основанном на знаниях, информации, в роли товара выступают не только предметы материального производства, но и идеи. По словам Б. Гейтса, основателя корпорации «Майкрософт», именно идеи помогли им «взлететь от незаметной компании» до лидера компьютерной индустрии: «Нам приходили в голову идеи, которые выпустили из виду гиганты того времени. Мы постоянно думаем, не просмотрели ли чего-нибудь, что позволит “Майкрософту” остаться на вершине» [2].

В условиях рыночной экономики конкурирующие самостоятельные фирмы заинтересованы в обновлении продукции, наличии рынка нововведений (инноваций), основу которых составляют креативные идеи и решения.

Отметим, что инновации представляют собой достижения человеческого ума (открытия, изобретения, научные и конструкторские разработки и усовершенствования) для повышения эффективности в той или иной сфере деятельности. Инновации могут быть технологическими, экономическими, управленческими, политическими, культурными, экологическими. Мир инноваций столь же велик, сколь разнообразны виды человеческой деятельности.

Объективной реальностью в настоящее время стало приобретение наукой и инновационного бизнеса определяющего значения, которое позволяет идеи превращать в конкурентные достижения. Но сегодня даже приобретение передовой технологии не является гарантированным условием создания конкурентного преимущества. Выигрывают те предприятия, которые быстро распознают конкурентные возможности новой технологии, эффективно комбинируя свои материальные и нематериальные активы.

Современный отечественный ученый Н. Лапин отмечает, что для успешного использования нематериальных активов важно различать явные

(формальные) и неявные (неформальные) знания. Формальные знания – это доклады, отчеты и пр., составляющие около 20% знаний организации. Остальная часть (почти 80%) – это то, что невозможно формализовать. Эти знания представляют собой опыт, интуицию, умения, отношение, то есть то, что приобретается на практике или частично передается от одного лица к другому. Вместе с тем они являются важнейшим фактором, определяющим отношение человека к своей работе, его поведение как участника деловых отношений. Знания приобретают практическую ценность при условии существования сферы их применения. Наступательная роль знания реализуется креативной деятельностью, которая в конечном итоге обеспечивает доступ на новые рынки и создает барьеры для входа конкурентов [3].

Основой инновационной деятельности является творчество. Вот почему в этом фундаментальном процессе важно исследование особенностей креативности, деятельности, по существу, являющейся его основой. Не будем четко разграничивать понятия «творчество» и «креативность» лишь с одной оговоркой, что понятие «креативность» в большей степени подходит для сферы сурового мира бизнеса. Креативность как творчество, способность к исследованию ориентировано на практический результат. Креативность охватывает определенную совокупность мыслительных и личностных качеств, способствующих творческому проявлению.

Новые идеи и решения возникают в результате совместного участия логического и интуитивного мышления человека, благодаря функционированию логики и интуиции в конкретных проблемных ситуациях. Творчеству благоприятствует восприимчивый интеллект, обогащенный разнообразным опытом. «Креативность нельзя приравнивать к интеллекту. Креативность включает способность к синтезу. Креативность подразумевает не только пылкий интерес, но и уверенность в своих силах. Человек должен обладать здоровой самоуверенностью, чтобы не бояться выступать с новаторскими идеями и делать ошибки, не обращая внимания на критику. Без сомнений тоже нельзя обойтись, но они не могут всегда брать верх, невзирая на скептицизм и насмешки», – замечает известный американский исследователь феномена креативности Р. Флорида [4].

Отсюда можно сделать вывод, что показателем высокого уровня креативных способностей являются такие качества личности, как чувство внутренней свободы, увлеченность, нестандартность, готовность к риску, самостоятельность и уверенность в себе. Другими словами, креативность, с одной стороны, – это творческий процесс, ориентированный на поиск и формулирование новых идей, с другой – это личностная

категория, отражающая динамику духовного развития личности в условиях реализации креативного процесса, ориентированного на социально значимую деятельность.

В новых инновационных условиях деловой культуры креативная деятельность становится не только практически целесообразной, но во многом определяющей конкурентоспособность и прибыльность деятельности конкретных высокотехнологичных предприятий и организаций.

Р. Флорида замечает, что в своих профессиональных занятиях и других сферах жизни мы сегодня ценим креативность как никогда высоко и культивируем ее с особым усердием. Творческая деятельность – отличительная черта человека как вида – в наше время приобретает невиданный размах. Креативность – «способность создавать значимые новые формы», согласно словарю Вебстера – превратилась в основной источник конкурентного преимущества. Практически в любой области производства, от автомобилестроения до индустрии моды, пищевой промышленности и информационных технологий, побеждает в конечном итоге тот, кто обладает творческим потенциалом. Это справедливо для любой исторической эпохи, начиная с этапа сельскохозяйственной революции и вплоть до революции промышленной. Однако только в последние несколько десятилетий мы пришли к ясному осознанию этого факта и начали действовать соответственно [5].

Креативность сегодня становится атрибутом самоактуализации и самореализации личности. Креативные люди стремятся к внутренней гармонии через реализацию возможности проявлять свои способности в любом деле; творческая работа воспринимается ими как награда, способ самореализации, является источником радости, определяет смысл жизни. Понимание экзистенциальной ценности актуального момента позволяет ценить не только результат, но и сам процесс деятельности.

Следует заметить, что высокую субъективную оценку значимости возможностей творческой активности личности, ее самоактуализации обеспечивает как увлеченность самой профессиональной деятельностью, так и межличностное взаимодействие в процессе выполнения профессиональных обязанностей.

Креативные, ориентированные на творчество и ценности самоактуализации и самореализации люди способны вносить в свою деятельность системные изменения, они психологически готовы к инновациям в профессиональной деятельности.

Таким образом, креативность, ориентированная на созидательную, экономическую и социально прагматичную деятельность, генерирование новых идей, быстрое разрешение проблемных

ситуаций, является одной из актуальных проблем в современной деловой культуре. Исследования в данной области, выводы и предложения жизненно необходимы современным компаниям и в целом государству, заинтересованному в поиске инновационного потенциала своего развития.

России пора отказаться от ориентации на традиционные позиции на мировых рынках сырья и топлива. По этому поводу крупнейший американский менеджер XX столетия Якокка Ли замечал: «Вопрос. Как называется страна, экспортирующая сырье и импортирующая готовые изделия? Ответ: Колония» [6].

Безусловно, сегодня идет жесткая конкуренция во всех сферах жизнедеятельности, но необходимо понимать, что конкурентоспособным предприятие, страну делает не столько суперсовременное оборудование, сколько люди, раскрывающие свой интеллектуальный и творческий потенциал. Как заметил крупнейший менеджер Японии, один из основателей корпорации «Сони» Акио Морита, «никакая теория, программа или правительственная политика не могут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди» [7]. Или, как пишет американский исследователь У. Паундстоун, «самыми важными активами компаний стали люди. Теперь подбор кадров – это уже не поиск нескольких руководителей, которые будут управлять командой легко заменимых “робочеловеков”. Крупнейшие фирмы из списка *Fortune 300* ощущают такое же давление на рынке, как и компании-новички. Бизнес понимает, что его выживание зависит от способности заполнить каждую вакансию наиболее талантливыми людьми с гибким интеллектом» [8].

И в этом плане у нашей страны есть огромный, неисчерпаемый потенциал. Согласно исследованиям Р. Флориды в России сейчас около 13 миллионов представителей креативного класса, ей принадлежит второе после США место в мире по абсолютному числу работников, занятых в креативных профессиях. По проценту от общей рабочей силы это ставит ее на 16-е место. В мировом индексе креативности она попадает на несколько менее впечатляющее 25-е место [9]. Поэтому Россия должна использовать свои креативные кадры, чтобы занять достойное место в новом мировом порядке. Сейчас стоит задача раскрыть творческий потенциал личности сотрудника, человека труда.

Соответственно креативность в наши дни выступает в качестве наиболее ценного товара – не является при этом собственно товаром. Креативность исходит от людей. Несмотря на то что человека можно нанять на работу или уволить, его творческие способности нельзя купить или продать или включить и выключить по желанию. Но

это процесс, который можно осваивать и развивать. Вот почему, к примеру, мы наблюдаем зарождение новых порядков на предприятиях и в офисах. График работы, корпоративные правила и форма одежды стали более либеральными, подчиняясь особенностям творческого процесса. Потому что нормы и ценности креативного человека весьма отличаются: индивидуализм, самовыражение и открытость различиям ценятся больше, чем гомогенность, конформизм и «приспособленчество» организационной эпохи. Потому «работодатели, сотрудники фирм и сообщества, где эти фирмы расположены, обязаны поощрять и стимулировать креативность всеми доступными способами» [10].

По каким бы объективным законам ни развивался мир, движущей силой всех изменений всегда остается человек. Сегодня деловая культура во многом определяет личность, предъявляет к ней совершенно особые требования и делает акцент на таких качествах, как образованность и креативность. Эти качества сегодня становятся условиями приема на работу. Вероятно, знания и креативность стали основными конкурентными преимуществами личности, потому что обладают такими выгодными характеристиками, как глобальность, неисчерпаемость, нематериальность, инвариантность к способам применения.

Таким образом, значимость интеллектуального капитала и креативности в условиях объявленной в нашей стране модернизации трудно переоценить, поскольку их сущность, природа и возможности реализации очень многогранны. Результатом творческой работы может быть все что угодно: теория, изобретение, творческое понимание проблемы, творческое управление как процессом, так и людьми. Суть же всех проявлений и возможностей проявления творчества сводится к одному – к представлению о лучшем, более совершенном, более качественном, более красивом, более полезном, более справедливом.

Однако есть всеми понимаемая историческая необходимость раскрытия и развития творческого потенциала личности, но нет практической реализации данной идеи, нет конкретных технологий, механизмов развития креативности. Лишь в деловой сфере отдельные компании, отдельные управляющие экспериментируют, внедряют, используют определенные механизмы раскрытия творческого потенциала персонала применительно к конкретному производству, виду деятельности.

Примечания

1. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. URL: <http://arion.ru/litera/2003-html/funki/funki.htm>

2. Лоу Дж. Говорит Билл Гейтс / пер. с англ. М. Пановой. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 99.

3. Ланин Н. М. Креативность как инновационный ресурс развития экономики: дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2008. С. 38.

4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом «Классика – XXI», 2007. С. 45–46.

5. Там же. С. 19–20.

6. Ли Я. Карьера менеджера. URL: http://www.koob.ru/books/career_of_menedger.rar

7. Морита А. Сделано в Японии. URL: http://www.koob.ru/books/wealth/sony_sdelano_v_yaponii.zip

8. Паундстоун У. Как сдвинуть гору Фудзи? URL: http://royallib.ru/read/paundstoun_uilyam/kak_sdvinit_goru_fudzi.html#0

9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом «Классика – XXI», 2007. С. 10.

10. Там же. С. 20.

УДК 812

О. Н. Шепель

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОДЕЖДЫ СОВЕТСКИМИ МОДЕЛЬЕРАМИ в 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается актуальный вопрос истории отечественной моды – формирование и конструирование повседневного костюма советскими модельерами в первые десятилетия советской власти.

The article is concerned with the issue of native fashion history – formation and designing of the casual costume by Soviet fashion designers in the first decades of the Soviet state.

Ключевые слова: мода, дизайнер, советский костюм, модели одежды, журнал.

Keywords: fashion, designer, the Soviet costume, models of clothes, magazine

Мода представляет собой специфическую форму социальной регуляции, обуславливающую периодическую смену и циклический характер развития образцов массового поведения [1]. Постмодерн переосмысливает сложившиеся стереотипы 20–30-х гг. XX в.: стереотипы поведения, одежды, интерьера, мебели и т. д.

В рамках данной работы попытаемся проследить разработки советских модельеров 1920–1930-х гг., поскольку этот период развития советской моды стал во многом определяющим. Разработки, которые были сделаны в 20–30-х гг. XX в., сейчас очень популярны, в первую очередь, в профессиональной среде модельеров и дизайнеров и востребованы широким слоем населения. Современные модели органически связаны с дизайнерскими разработками эпохи нэпа,

что признают ведущие модельеры современности. Конструктивизм 20-х гг. XX в. привел к тесной связи изобразительного искусства и производства одежды. Благодаря блестящим модельерам Н. Ламановой, Н. Макаровой, В. Мухиной, Е. Прибыльской, А. Экстер сформировались принципы нового костюма, сохранившиеся по сей день.

В 1920-е гг. изменяется ситуация в искусстве и культуре, к этому моменту назрели совершенно иные цели и задачи, продиктованные новой обстановкой в стране, и это не могло не отразиться на костюме. В результате были сформированы принципы нового костюма, рождались гениальные по своей прозорливости проекты массовых форм одежды, намечались конкретные пути претворения творческих эталонов в массовую промышленную продукцию. Блестящее творчество пионеров нового костюма – Надежды Ламановой, Веры Мухиной, Александры Экстер, Любви Поповой, Варвары Степановой, Надежды Макаровой, очень разных по своим индивидуальностям, но единодушно стремившихся к осуществлению одной цели, заложило прочный фундамент теории и практики советского костюма. Все они участвовали одновременно в работе разных областей искусства: в проектировании одежды, текстильных рисунков, оформлении празднеств и спектаклей, стремясь воплотить идею слияния искусства со стихией жизни. Главные цели творчества художников костюма: работа над созданием одежды, обладающей высокими художественными достоинствами; должно быть достигнуто сочетание существующего направления европейской моды с национальными особенностями русского искусства.

Важнейшую роль в развитии советского модельного дела сыграла Надежда Ламанова, уроженка Нижегородской губернии. Выдающаяся отечественная создательница мод волею случая и в силу преклонного возраста не последовала, подобно другим знаменитым создателям моды, тем направлениям, которые были широко распространены. С 1922 г. она начала разработку теоретической программы советского моделирования. В эту пору Ламанова возглавляет мастерские современного костюма при художественно-производственном подотделе Наркомпроса, создает «Художественную мастерскую современного костюма», становится членом секции костюма Государственной академии художественных наук (ГАХН) и одним из первых профессоров ВХУТЕМАСа, где преподает курс «Применение ткани в costume», сотрудничает с журналом «Ателье» и «Красная нива» [2].

Ее творчество в 1920-е гг. отличается простотой линий и постоянное обращение к теме фольклора и народного костюма, что соответствовало парижским модным тенденциям тех лет. Из-за

недостатка тканей выдающийся модельер начала экспериментировать с холщевыми домоткаными материалами, льняными полотнищами и народными вышивками. Усилия Ламановой пробудили огромный интерес к одежде из кустарных тканей среди творческой интеллигенции. Знаменитая актриса Коомен прославленного в те годы Московского Камерного театра в статье «О стиле советского костюма» писала: «Из материй я больше всего люблю наши кустарные ткани: они очень гигиеничны, так как пористы и легко пропускают воздух, красивы и прочны. В наших условиях – это лучший способ одеваться недорого и изящно» [3].

Главные принципы работы Ламановой, которая создала методологическую базу всего советского моделирования, можно выразить формулой: «Для чего предназначается? Из какого материала создается? На какую фигуру шьется?» Этому логическому подходу ламановской теории моделирования следовали советские модельеры на протяжении последующих нескольких десятков лет [4]. Она разрабатывает основную форму костюма по своей теории «Материал определяет форму». Этот, как кажется теперь, элементарный закон моделирования был подлинным открытием художницы. До тех пор портные шли от фасона, пренебрегая свойствами материи и стараясь часто скрыть, замаскировать их сложной разработкой модели. Нетрудно заметить, что ламановские принципы построения костюма совпадали с определенными установками архитекторов-конструктивистов, составляя с ними единое стилевое направление. Материал служит для подчеркивания и выявления фигуры. В основу кроя она берет прямоугольник. Эта форма бесконечно варьируется то в легком платье, то в прямом свободном жакете, то в пальто или так называемом «кафтоне», надевавшемся поверх платья [5].

Ламанова работала по двум направлениям, которые постепенно сложились к середине 1920-х гг. в стране: массовое и элитарное, т. е. и для широких масс на отдельного индивидуального заказчика, как это было до революции.

В годы нэпа начинают выделяться среди общей массы относительно прилично одетые люди, которые представляли новую партийно-государственную элиту. С окончанием Гражданской войны, введением нэпа, некоторой стабилизацией наметились изменения, вызванные к жизни интересом профессиональных художников к моделированию одежды [6]. В период нэпа восстанавливаются прерванные связи с парижской модой. Появляются французские журналы, начинают издаваться отечественные: в 1921 г. начали выходить «Вестник моды» и «Моды», в 1922 г. – «Новости мод». Художественный ежемесячный жур-

нал последних парижских мод», в 1923 г. – издание Х. Т. Цветкова «Последние моды. Журнал для женщин» (совместно с парижским журналом “Petit Journal”), в 1924 г. – «Моды». Их страницы пестрели модными дорогами туалетами, отражавшими вкусы буржуазии 20-х гг. [7]

Новая мода для элиты основана на чистой геометрии. Костюм теперь, совершенно умышленно, разделяется на две части – лиф и юбку. Некоторое время длина юбки еще резко не меняется. Однако в 1924–1928 гг. появляется тенденция дальнейшего укорачивания длины платьев и юбок; она продержалась на территории Советского Союза дольше обычного и даже перекочевала в следующее десятилетие. В эти годы нэпа в советскую жизнь проникают европейские и американские моды и стиль ар деко [8].

Резкий контраст составляли простые и дешевые, сшитые из хлопчатобумажных тканей платья рабочих женщин, полосатые майки и короткие, прямые или слегка расклешенные юбки девушек. В то же время существовали длинные юбки, доходившие почти до пола, – их предпочитали носить пожилые женщины. Основной массовой формой обуви стали спортивные тапочки [9].

Важным и ценным в опыте конструктивистов-производственников (т. е. модельеры и художники-новаторы, работающие в стиле конструктивизма и разрабатывавшие производственную одежду для рабочих) представляется разработка проблем производственного костюма, несмотря на противоречивость их теоретической платформе. В самом подходе к решению этих задач они смыкались с направлением поисков Н. Ламановой, считая главным целесообразность и логику построения форм нового костюма. Очевидным представляется и значение производственной деятельности Л. Поповой и В. Степановой. Им первым удалось выйти из узких рамок лабораторного опыта.

Впервые как первостепенная была поставлена задача повышения уровня промышленного тиража, ибо это наиболее реальное средство «не только приблизить, но и внедрить искусство в самые широкие круги рабочих и крестьянских масс в повседневную жизнь, в новый быт» [10].

Модельеры предлагали проекты производственной одежды, спортивного и служебного покроя платья, строгих форм, удобных и практичных. «Костюм широкого потребления должен состоять из таких простейших геометрических форм, как прямоугольник, квадрат, треугольник; исполненные в самых простых материалах (холст,

сатин, шелк, шерсть), одежды, легко видоизменяясь, не могут надоесть...» [11].

Таким образом, модельеры отвечали на запросы современной, на тот момент времени, культуры. Начинаются лабораторные эксперименты и искания художников в создании нового костюма, и особо следует отметить дизайнера и модельера Надежду Петровну Ламанову.

В 1920-е гг. в стране выделяются два основных направления в конструировании одежды: массовое производство и создание элитарной одежды. При этом оба направления моделей одежды разрабатываются одними и теми же ведущими дизайнерами страны.

Конструктивистские установки приводят к установлению четкой связи между изобразительным искусством и модой, дизайн одежды воспринимается как работа над произведением искусства. Но все же основной задачей советского моделирования было создание новой функциональной формы костюма для нового трудящегося человека.

В целом следует отметить, что большинство тенденций современного дизайна одежды тесно связано с разработкой 1930-х гг. Прежде всего, это обращение к массовой одежде в ее оригинальном решении, тесная связь отечественных модельеров с мировым модельным делом. Мы можем говорить о переосмыслении опыта 1920-х гг. современными русскими дизайнерами.

Примечания

1. Гофман О. Е. Феномен моды: эстетика и диалектика // Философские науки. 1991. № 6. С. 168.
2. Вострикова Р. Конкурс имени Н. Ламановой: мост через эпохи // Текстильная промышленность. 2005. № 5. С. 14.
3. Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. М.: «Слово», 2004. С. 210.
4. Васильев А. Красота в изгнании. М., 2004. С. 105.
5. Стриженова Т. Надежда Петровна Ламанова // Декоративное искусство СССР: ежемесячный журнал Союза художников. 1966. № 6. С. 17.
6. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-х гг. СПб.: Журнал «Нева». – Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999.
7. Стриженова Т. Из истории советского костюма. М.: Сов. художник. 1972. С. 44.
8. Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. М.: «Слово», 2004. С. 210.
9. Стриженова Т. Из истории советского костюма. М.: Сов. художник. 1972. С. 44.
10. Смирнова В. Искусство и производство // Искусство одеваться. 1928. № 1. С. 6.
11. Стриженова Т. Автор костюма – Александра Экстер // Декоративное искусство СССР: Ежемесячный журнал Союза художников. М., 1967. № 1. С. 33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛТЫНЦЕВА Екатерина Александровна – магистрант 1-го года обучения по направлению «Социология» философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

E-mail: basechka89@mail.ru

АНТИПЬЕВ Анатолий Григорьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

E-mail: agantip@psu.ru

АНТИПЬЕВ Константин Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент Пермского научно-исследовательского политехнического университета. 614000, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29

E-mail: konstant77@mail.ru

БАКЕЕВА Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета. 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51

E-mail: elenabk2008@yandex.ru

БОРОЗИНЕЦ Григорий Ленфридович – кандидат философских наук, доцент Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Юбилейная, д. 14

E-mail: Ubmuh@mail.ru

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

ВИТЯЗЕВ Александр Клавдиевич – кандидат социологических наук, доцент Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Юбилейная, д. 14

E-mail: Ubmuh@mail.ru

ГАО Цзюань – аспирант кафедры теории и истории социологии Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

E-mail: ocaoca@yandex.ru

ГРЕВЦОВА Елена Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: egrevtsova@mail.ru

ГУМЕРОВ Рашид Анварович – соискатель ученой степени кафедры педагогики Института педагогики и психологии Казанского (Приволжского) федерального университета. 420007, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 6

E-mail: planter@inbox.ru

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ЖИРНОВ Алексей Александрович – аспирант кафедры философии и истории мировоззрения Волжского государственного инженерно-педагогического университета. 603004, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, д. 9

E-mail: alexeizhirnov@mail.ru

ЖУЛАНОВ Александр Леонтьевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии Пермского государственного педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

E-mail: krauze@pspu.ru

КОВАЛЕНКО Олег Алексеевич – соискатель кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2/4

E-mail: omseverin@mail.ru

КОРОТКОВ Николай Владимирович – ассистент кафедры философии и социологии. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

КУЛАГИНА Галина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного хозяйства Казанского государственного университета культуры и искусств. 420006, г. Казань, Оренбургский тракт, д. 3

E-mail: logical@yandex.ru

ЛЕОПА Александр Владимирович – кандидат философских наук, доцент, профессор учебного военного центра Сибирского федерального университета. 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79

E-mail: publish@bookhouse.ru

ЛОБАНОВ Сергей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и общественных наук Пермского государственного института искусства и культуры. 614600, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18

E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

МИХАЙЛОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Кировской государственной медицинской академии. 610027, г. Киров, ул. К. Маркса, д. 112

E-mail: ivc@kirovgma.ru

МОРОЗОВ Виктор Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского филиала Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы. 662972, Красноярский край, г. Железногорск, ул. Северная, д. 1

E-mail: publish@bookhouse.ru

НАУМОВ Владимир Владимирович – аспирант кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета. 680054, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136

E-mail: elim_kyb@mail.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: okulov@vshu.kirov.ru

ОСТАНИНА Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в Кирове). 610020, г. Киров, ул. Володарского, д. 2

E-mail: vzfeikir@vzfei.ru

ПЕКОВ Алексей Владимирович – аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119992, г. Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4, Первый учебный корпус МГУ («Шуваловский»)

E-mail: alex.pekov@gmail.com

ПЛЕНКОВА Нина Александровна – аспирант кафедры культурологии и журналистики Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 39

E-mail: ninaplenkova@gmail.com

СУХОТЕРИН Дмитрий Янкович – соискатель кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: sbt_creative@mail.ru

ТРАВНИКОВ Григорий Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор Института инновационной образовательной политики и права «Эврика – Пермь». 614077, г. Пермь, бульвар Гагарина, д. 75а
E-mail: travnikovgn@mail.ru

ШАМОВ Игорь Вячеславович – аспирант кафедры культурологии и журналистики Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 39
E-mail: kaf_kulturologia@vyatsu.ru

ШЕПЕЛЬ Оксана Николаевна – аспирант по специальности «Теория и история культуры, сектор культурологических проблем социализации» Российского института культурологии. 119072, г. Москва, Берсеневская наб., д. 18–20–22, стр. 3
E-mail: makarova_oksana1@mail.ru

ЯЧИНА Надежда Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Института педагогики и психологии Казанского (Приволжского) федерального университета. 420007, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 6
E-mail: nadegda_777@mail.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

- 1) представить в редакцию
 - а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
 - б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
 - в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);
- 2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС). В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Ср.: напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.
2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Доктанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в **одном** письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Философия и социология; культурология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Философия и социология; культурология
Научный журнал № 1(4)

Подписано в печать 25.02.2012 г.
Формат 60×84 1/8 . Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000. Заказ № 077.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674